

HYPOTHEKAI

ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ
АНТИЧНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А К В И Л О Н

AQUILO PRESS

Hypothekai

JOURNAL ON THE HISTORY OF
ANCIENT PEDAGOGICAL CULTURE

ISSUE 6
MEDICAL EDUCATION
IN ANTIQUITY

2022

Hypothekai

ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ВЫПУСК 6
МЕДИЦИНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В АНТИЧНОСТИ

2022

Hypothekai

JOURNAL ON THE HISTORY
OF ANCIENT PEDAGOGICAL CULTURE

ISSUE 6 (2022)

EDITOR IN CHIEF

Victoria K. PICHUGINA, Dr.Sc. (Education) (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Andrej Yu. MOZHAJSKY, Cand.Sc. (History) (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Lyudmila N. AKSENOVSKAYA, Dr.Sc. (Psychology), (Saratov, Russia); Nina A. ALMAZOVA, Cand.Sc. (Art History), (Saint Petersburg, Russia); Anna S. AFONASINA, Cand.Sc. (Philosophy), (Novosibirsk, Russia); Alexander G. BERMUS, Dr.Sc. (Education), (Rostov-on-Don, Russia); Adam FIJALKOWSKI, PhD, (Warsaw, Poland); Emiliano METTINI, Cand.Sc. (Education), (Moscow, Russia); Maya S. PETROVA, Dr.Sc. (History), (Moscow, Russia); Brett M. ROGERS, PhD, (Tacoma, USA), Valeriy N. VDOVIN, Cand.Sc. (Politics), (Almaty, Kazakhstan); Michail A. VEDESHKIN, Cand.Sc. (History), (Moscow, Russia), Yana A. VOLKOVA, Dr.Sc. (Philology), (Moscow, Russia); Maria A. POLYAKOVA, Cand.Sc. (Education), (Moscow, Russia); Alexander A. SANZHENAKOV, Cand.Sc. (Philosophy), (Novosibirsk, Russia); Anna S. STEPANOVA Dr.Sc. (Philosophy), (Saint Petersburg, Russia), Sergey V. Zanin, Dr.Sc. (History), (Samara, Russia).

Issue editor: Michail A. VEDESHKIN

Executive Secretary of the Issue: Anna S. ZHIRNOVA

Published from 2017

The journal registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) (registration certificate No. 77–71738 of November 30, 2017)

Frequency: 1 time per year

Founder: Victoria K. PICHUGINA

All materials are peer reviewed

Editorial address: Zhukovsky St. 16,
Moscow, 101000, Russia

Tel.: + 7 9177257626

e-mail: Pichugina_V@mail.ru

website: www.hypothekai.ru

Indexed by Directory of Research Journals Indexing (from 2017), **CyberLeninka** (from 2018), **Crossref** (from 2018), **Scilit** (from 2018), **Russian Index of Scientific Quotation** (from 2018), **Directory of Open Access Journals** (from 2019), **AWOL** (from 2019), **Miar** (from 2019 г.), **ERIHPLUS** (from 2019)

Hypothekai
ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ
АНТИЧНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ВЫПУСК 6 (2022)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

д.п.н., проф. РАО В.К. Пичугина (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

к.и.н. А.Ю. Можайский (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

д.псих.наук, проф. Л.Н. АКСЕНОВСКАЯ (Саратов, Россия);
канд. искусствоведения, доц. Н.А. АЛМАЗОВА (Санкт-Петербург, Россия);
к.филос.наук А.С. АФОНАСИНА (Новосибирск, Россия); д.п.н., проф.
А.Г. БЕРМУС (Ростов-на-Дону, Россия); к.политич.н. В.Н. ВДОВИН (Алматы,
Казахстан); к.и.н., доц. М.А. ВЕДЕШКИН (Москва, Россия); д.филол.н., доц.
Я.А. ВОЛКОВА (Москва, Россия); д.и.н., проф. С.В. Занин (Самара, Россия),
к.п.н. Эмилиано МЕТТИНИ (Москва, Россия); д.и.н., доц. М.С. ПЕТРОВА
(Москва, Россия); к.п.н. М.А. ПОЛЯКОВА (Москва, Россия); PhD, Associate
Professor Брэтт М. РОДЖЕРС, (Такома, США); к.филос.н. А.А. САНЖЕНАКОВ
(Новосибирск, Россия); д.филос.наук, доц. А.С. СТЕПАНОВА (Санкт-Петербург,
Россия); PhD, Professor Адам ФИЯЛКОВСКИЙ
(Варшава, Польша).

Редактор выпуска: М.А. ВЕДЕШКИН

Ответственный секретарь выпуска: А.С. ЖИРНОВА

Выходит с 2017 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС
77–71738 от 30 ноября 2017 г.)

Периодичность: 1 раз в год

Публикуемые материалы
рецензируются

Учредитель: В.К. Пичугина
Адрес редакции: Россия, 101000,
Москва, ул. Жуковского 16
Тел. + 7 9177257626
e-mail: Pichugina_V@mail.ru
сайт: www.hypothekai.ru

Издание индексируется в **Directory of Research Journals Indexing** (с 2017 г.),
КиберЛенинке (с 2018 г.), **Crossref** (с 2018 г.), **Scilit** (с 2018 г.), **РИНЦ** (с 2018 г.),
Directory of Open Access Journals (с 2019 г.),
AWOL — The Ancient World Online (с 2019 г.), **Miar** (с 2019 г.), **ERIHPLUS** (с 2019 г.)

УДК 37.01
ББК 74/03 (2)
Н 99

*Издание подготовлено и осуществлено
в рамках исследовательского проекта РНФ № 18–78–10001–П
«Образовательное пространство и антропопрактики
античного и современного города»*

**ΗΥΡΟΤΗΚΑΙ. ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ / В.К. Пичугина (Ред.) —
М.: Аквилон, 2022. Вып. 6. Медицинское образование
в Античности — 192 с.**

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ ВЫПУСКА

М.А. ВЕДЕШКИН, В.Ф. ЖУКОВА, А.В. ЗИБАЕВ, А.В. КАРГАЛЬЦЕВ,
А.Ю. МОЖАЙСКИЙ, М.С. ПЕТРОВА, В.К. ПИЧУГИНА,
И.В. ПРОЛЫГИНА

**ΗΥΡΟΤΗΚΑΙ. JOURNAL ON THE HISTORY OF ANCIENT
PEDAGOGICAL CULTURE / Victoria K. PICHUGINA (Ed.) —
Moscow: Aquilo Press, 2022. Issue 6. Medical education
in Antiquity — 192 p.**

TEAM OF CONTRIBUTORS

Alexey V. KARGALTSEV, Andrej Yu. MOZHAJSKY, Maya S. PETROVA,
Victoria PICHUGINA, Irina V. PROLYGINA, Michail A. VEDESHKIN,
Valentina F. ZHUKOVA, Anton V. ZIBAEV

ISSN 2587–7127

А К В И Л О Н

AQUILO PRESS

© В.К. ПИЧУГИНА, ред., 2022
© Коллектив авторов, 2022
© Издательство «Аквилон», 2022

© Victoria K. PICHUGINA, ed., 2022
© Contributors, 2022
© Aquilo Press, 2022

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом
без письменного соглашения с издателем запрещается*

All rights reserved

*No part of the published material may be reproduced in any form or by any means, electronic or
mechanical, including photocopying and recording, or by any information storage and retrieval
system, without permission in writing from the Publisher*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Медицинское образование в Античности (Предисловие редактора).....	11
Medical education in Antiquity (<i>Preface</i>).....	12
Medizinische Bildung der Antike (<i>Vorwort der Chefredakteurin</i>).....	13
L'educazione medica nell'antichità (<i>Introduzione del Redattore</i>).....	15

НАКОПЛЕНИЕ И ПЕРЕДАЧА МЕДИЦИНСКИХ ЗНАНИЙ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

О роли научно-исследовательских путешествий в медицинском образовании II–III веков н.э. (И.В. ПРОЛЫГИНА).....	17
О медицине, врачах и лекарях в Древнем Риме (М.С. ПЕТРОВА).....	40

ВЕЛИКИЕ УЧИТЕЛЯ МЕДИЦИНЫ

Хиرون как наставник в медицине Ахиллеса и Асклепия: педагогическая миссия городского кентавра (В.К. ПИЧУГИНА).....	78
Ятрософист Зенон и медицинские школы Александрии IV века (М.А. ВЕДЕШКИН).....	105

АНТИЧНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О БОЛЕЗНИ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АРХЕОЛОГИИ, ФИЛОЛОГИИ И
ИСТОРИИ ПЕДАГОГИКИ

«Чума» Фукидида и ее влияние на пайдейю (А.Ю. МОЖАЙСКИЙ).....	129
Чума Киприана: христиане в городской среде в эпоху гонений и эпидемий (А.В. КАРГАЛЬЦЕВ).....	145
Формы чумы у Прокопия Кесарийского (Procop. De bellis. IV. 14) и Евагрия Схоластика (Evagrius. Hist. eccl. IV.29): о развитии теоретической медицины в Восточной Римской империи VI века (А.В. ЗИБАЕВ, В.Ф. ЖУКОВА).....	158
АВТОРЫ / CONTRIBUTORS.....	187

CONTENTS

Медицинское образование в Античности (<i>Предисловие редактора</i>).....	11
Medical Education in Antiquity (<i>Preface</i>).....	12
Medizinische Bildung der Antike (<i>Vorwort der Chefredakteurin</i>)....	13
L'educazione medica nell'antichità (<i>Introduzione del Redattore</i>)...	15

ACCUMULATION AND TRANSFER OF MEDICAL KNOWLEDGE IN ANTIQUITY

On the Role of Research Travel in Medical Education in the 2 nd – 3 ^d Centuries AD (Irina V. PROLYGINA).....	17
On Medicine, Physicians, and Healers in Ancient Rome (Maya S. PETROVA).....	40

THE GREAT TEACHERS OF MEDICINE

Cheiron as a Mentor in Medicine to Achilles and Asclepius: the Pedagogical Mission of an Urban Centaur (Victoria K. PICHUGINA).....	78
Iatrosophist Zeno and Medical Schools of Alexandria in the Fourth Century (Michail A. VEDESHKIN).....	105

DISEASE IN ANTIQUITY FROM THE PERSPECTIVE
OF ARCHAEOLOGY, PHILOLOGY,
AND HISTORY OF PEDAGOGY

“Plague” in Thucydides and its Impact on Paideia (Andrej Yu. MOZHAJSKY).....	129
Plague of Cyprian: Christians in the Urban Environment in the Era of Persecution and Epidemics (Alexey V. KARGALTSEV).....	145
Forms of Plague in Procopius of Caesarea (Procop. De bellis. IV.14) and Evagrius Scholasticus (Evagrius. Hist. ecc. IV.29): On the Development of Clinical Medicine in the Eastern Roman Empire in the Fourth Century (Anton V. ZIBAEV, Valentina F. ZHUKOVA).....	158
CONTRIBUTORS.....	187

МЕДИЦИНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В АНТИЧНОСТИ

(ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА)

Этот выпуск журнала продолжает серию ежегодных тематически подобранных материалов по истории античной педагогической культуры. Как и предыдущий, он объединяет научные статьи, которые позволяют представить читателю широкий спектр мнений, принадлежащих представителям различных научных школ и направлений, а также инициировать междисциплинарное поле для научных дискуссий.

Тема выпуска — «Медицинское образование в Античности». Выпуск состоит из трех частей и объединяет статьи о способах накопления и передачи медицинских знаний в пространстве античного города. Город в античную эпоху являлся пространством институционализации и профессионализации, где в сложном соотношении находились идеи, практики и опыт медицинской помощи. История любого города может быть рассказана как история баланса между болезнью и здоровьем, который обретался благодаря деятельности великих учителей медицины (Гиппократ, Гален, Зенон Кипрский и др.). Античные представления о физических и душевных болезнях, их причинах и способах излечения от них менялись вместе с меняющимся миром, образуя причудливый калейдоскоп из традиционных и альтернативных направлений обучения врача.

На страницах этого выпуска рассмотрены следующие вопросы: обучение медицине и античная мифоистория; педагогический аспект античного внимания к телу и заботе о нем; болезнь и способы воспитательной терапии; великие учителя медицины, их учебные тексты и / или основанные ими медицинские школы; теория и

практика изучения медицины в античном мире; особенности философско-педагогического рассмотрения медицинского ландшафта в античную эпоху. Содержательно этот выпуск связан с первым научным семинаром по истории античной культуры «Медицинское образование в Античности: город и болезнь» (грант Российского научного фонда № 18–78–10001–П), который состоялся 8 ноября 2021 года на базе кафедры гуманитарных наук Международного факультета ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова и участниками которого были многие авторы этого выпуска.

По вопросам предоставления материалов и уточнения тем последующих выпусков, а также для высказывания замечаний, пожеланий и комментариев просим обращаться к главному редактору по электронному адресу: Pichugina_V@mail.ru — Пичугина Виктория Константиновна.

MEDICAL EDUCATION IN ANTIQUITY

(PREFACE)

This issue of the journal continues a series of annual thematically selected materials on the history of ancient pedagogical culture. Like the previous one, this issue includes scientific articles, which allows the reader to consider a wide range of opinions belonging to representatives of various research schools, as well as to initiate an interdisciplinary field for scientific discussions.

The theme of the issue is “Medical Education in Antiquity”. The issue consists of three parts and brings together articles on the ways of accumulating and transferring medical knowledge in the space of the ancient city. The city in ancient times was a space of institutionalization and professionalization, where the ideas, practices and experience of medical care were intertwined in a complex relationship. The history of any city can be told as a story of the balance between sickness and health, which was achieved through the activities of the great medicine teachers (Hippocrates, Galen, Zeno of Cyprus, etc.). Ancient ideas

about physical and mental illnesses, their causes and cures have changed along with the changing world, forming a bizarre kaleidoscope of traditional and alternative spheres of medical education.

The following questions are covered in this issue: medical education and ancient mythological history, the pedagogical aspect of ancient body care, diseases and methods of educational therapy, the great teachers of medicine, their educational texts and/or the medical schools they founded, the theory and practice of studying medicine in the ancient world, features of the philosophical and pedagogical consideration of the medical landscape of Antiquity. This issue is conceptually linked to the first academic seminar on the history of pedagogical culture organized by the Department of Humanities of the Pirogov Russian National Research Medical University (November 8, 2021; grant from the Russian Science Foundation, project No. 18–78–10001). Many of the seminar participants contributed to this issue.

To submit materials and check the theme of the next issues, as well as to make remarks, suggestions and comments, please contact the Editor-in-Chief at the following e-mail address:

Pichugina_V@mail.ru — Victoria Pichugina.

MEDIZINISCHE BILDUNG DER ANTIKE

(VORWORT DER *CHEFREDAKTEURIN*)

In dieser Ausgabe wird die Reihenfolge jährlicher thematischer Materialien zur Geschichte der alten pädagogischen Kultur fortgesetzt. Wie auch die vorhergehende Ausgabe enthält sie originale Forschungen, die dem Leser eine breite Palette an Meinungen von Vertretern verschiedener wissenschaftlicher Schulen und Richtungen sowie ein interdisziplinäres Feld für wissenschaftliche Diskussionen präsentieren lassen.

Das Thema der Ausgabe heißt “Medizinische Bildung der Antike”. Die Ausgabe hat 3 Teilen und verbindet die Artikel, die über die Art und Weise der Akkumulierung und Transfer von medizinischem Wissen im Raum der antiken Stadt sprechen. Der Stadt in der Antike

dient als Raum der Institutionalisierung und Professionalisierung. Man kann behaupten, dass Ideen, Praktiken und Erfahrung der medizinischen Hilfe in solch einer Stadt in schweren Beziehungen miteinander stellten. Die Geschichte jeder Stadt können wir als eine Geschichte des Gleichgewichtes zwischen Krankheit und Gesundheit betrachten. Dieses Gleichgewicht konnte dank der Tätigkeit der großen Meister wie Hippokrates, Galen, Zenon und andere ermöglicht werden. Antike Vorstellung von physischen und geistigen Krankheiten, Ursachen von Krankheiten und Heilungsprinzipie, veränderten sich während sich der Welt und traditionelle und alternative Richtungen der Arztausbildung veränderten.

Auf den Seiten dieser Ausgabe werden folgende Fragen behandelt: Medizinausbildung und antike Geschichte der Mythologie, der pädagogische Aspekt der antiken Aufmerksamkeit für den Körper und die Körperpflege; Krankheit und Prinzipie der Erziehungstherapie große Lehrer der Medizin, ihre Lehrtexte und / oder von ihnen begründete Medizinschule, Theorie und Praxis des Medizinstudiums in der antiken Welt; die Besonderheiten der philosophisch-pädagogischen Betrachtung der medizinischen Landschaft in der antiken Epoche.

Was den Inhalt dieser Ausgabe betrifft, so ist sie mit dem ersten wissenschaftlichen Seminar in der Antikkulturgeschichte „Medizinische Ausbildung der Antike: der Stadt und Krankheit“ verbindet (Russian Science Foundation, Projekt Nr. 18–78–10001). Dieses Seminar fand am 8. November 2021 auf der Grundlage der Lehrstuhl der Geisteswissenschaften der internationalen Fakultät der Russischen Nationalen Medizinischen Universität (zu Ehren N.I. Pirogov benannt) statt. Viele Autoren dieser Ausgabe nahmen an diesem Seminar teil.

Mit allen Fragen nach der Bereitstellung von Materialien, Vorbereitung weiterer Bände sowie mit Kommentaren und Vorschlägen wenden Sie sich bitte an die Chefredakteurin Victoria K. Pitschugina, E-Mail-Adresse: Pichugina_V@mail.ru

L'EDUCAZIONE MEDICA NELL'ANTICHITÀ

(PREFAZIONE REDAZIONALE)

Il presente numero della rivista continua la serie dei materiali di storia della cultura della pedagogia antica che vengono scelti annualmente. Il presente numero, così come il precedente, riunisce articoli scientifici, che permettono di presentare al lettore un ampio spettro di opinioni sostenute da diverse scuole e indirizzi scientifici e, altresì, permette di aprire un campo interdisciplinare di discussioni scientifiche.

Tema del numero: “L’educazione medica nell’antichità”. Il numero consiste di tre parti e comprende articoli sui metodi di accumulo e trasmissione delle conoscenze mediche nell’ambito della città del mondo antico. Nell’antichità la città era il luogo della istituzionalizzazione e della professionalizzazione, dove si trovavano, in una complessa interazione, teoria e competenze pratiche nell’ambito dell’assistenza medica. La storia di una qualsivoglia città può essere narrata come storia dell’equilibrio tra malattia e salute che viene acquisito grazie all’attività dei grandi maestri della medicina (Ippocrate, Galeno, Zenone e altri). Le idee del mondo antico relative alle malattie fisiche e psichiche, le loro cause e i metodi di cura sono cambiati assieme al mondo, formando un grandioso caleidoscopio di scuole tradizionali e alternarnative per la formazione dei medici. Sulle pagine di questo numero si discutono le seguenti questioni: l’educazione medica e i miti della storia antica, l’aspetto pedagogico dell’attenzione prestata nell’antichità al corpo e alla sua cura, la malattia e i metodi di terapia educatrice, i grandi maestri della medicina, e i loro libri di testo e/o le scuole mediche da loro fondate, la teoria e lo studio della medicina nel mondo antico, le peculiarità della speculazione filosofica e pedagogica dell’ambito medico nell’antichità. Contenutivamente, questo numero è collegato con il primo seminario scientifico di storia della cultura antica “Educazione medica nell’antichità: città e malattia”, che si è tenuto l’8 novembre 2021 presso il dipartimento di scienze umane della International School of Medicine dell’RSMRU Pirogov, i

partecipanti del quale sono tra gli autori di questo numero (Russian Science Foundation, progetto n. 18–78–10001).

Per questioni riguardanti l'invio di materiali e per precisare i temi dei numeri seguenti, nonché per esprimere le vostre considerazioni, suggerimenti e commenti, vi preghiamo di rivolgervi al redattore generale via posta elettronica all'indirizzo: Pichugina_V@mail.ru — Pichughina Viktoria Konstantinovna.

О РОЛИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ В МЕДИЦИНСКОМ ОБРАЗОВАНИИ II–III ВЕКОВ Н.Э.

И.В. ПРОЛЫГИНА

О роли путешествий в получении медицинского образования в Античности хорошо известно еще из текстов *«Гиппократа сборника»*. Однако наиболее ценные свидетельства об этой стороне медицинской профессии сохранились в текстах Галена Пергамского (129–210 / 217 гг.), которые и стали предметом настоящего исследования. Многочисленные автобиографические заметки Галена позволяют не только проследить маршруты его путешествий, но и определить их цели. Получив начальное медицинское образование в Пергаме, Гален совершил ряд путешествий по Малой Азии, в частности, по Мизии, Фригии и Каппадокии, посещая занятия известных врачей и философов и знакомясь с местными традициями врачевания, и затем провел несколько лет в Александрии. Анализ ряда текстов позволяет сделать вывод о том, что Александрия во II–III вв. н.э. была центром по изучению анатомии и комментированию текстов Гиппократов, и учеба в этом городе считалась необходимым этапом в карьере успешного врача и условием признания в профессии. Также следует отметить важные свидетельства, касающиеся наличия в Александрии врачебной специализации, особенностей местной диететики и лекарственных субстанций. Важным этапом в медицинской карьере Галена стало теоретическое и практическое изучение хирургии в гладиаторской школе Пергама, где его знания пополнились не только правилами

наложения швов, но также гемостатической и ранозаживляющей рецептурой. Из сохранившихся сочинений по фармакологии (*«О свойстве простых лекарств»*, *«О лекарствах, составленных согласно видам»*, *«О лекарствах, составленных согласно местам»*) мы узнаем, что в разное время Гален посетил целый ряд областей восточного Средиземноморья: Фракию, Македонию, Кипр и даже Палестину. Целью этих путешествий было знакомство с климатом, который влияет на здоровье и болезнь, исследование свойств местных трав и минералов и сбор лекарственных субстанций для личной аптеки. По свидетельствам, сохранившимся в одном из последних сочинений *«О том, что не стоит печалиться»*, Галену удалось собрать одну из богатейших фармакопей своего времени и уникальную коллекцию рецептов, которые погибли в пожаре 192 г. в Риме.

В Античности, как известно, еще со времен Гиппократов изучение медицины было исключительно частным занятием, связанным, как правило, с семейной традицией. Не существовало ни общественных институтов, регулировавших процесс обучения, ни унифицированной системы преподавания медицины. Желающие получить медицинское образование обычно посещали за определенную плату занятия авторитетного врача, которые состояли, как правило, из теоретического изучения и комментирования текстов Гиппократов, вскрытия трупов животных для практического изучения анатомии и посещения больных. Обучение начиналось в возрасте приблизительно пятнадцати лет и продолжалось от пяти до одиннадцати лет. Для завершения медицинского образования будущий врач совершал ряд научных путешествий, которые позволяли ему расширить кругозор, познакомиться с наиболее авторитетными врачами, традициями врачевания, местной рецептурой. Самые крупные центры изучения медицины располагались, как известно, в континентальной части Греции (Афинах и Коринфе), в Кротоне на юге Италии, на о. Кос, на полуострове Книд в Малой Азии, в Антиохии, Смирне, Пергаме, Кирене, Берите и Александрии¹.

¹ Jouanna (1995). P. 30-33.

Научные путешествия начинающих врачей вполне вписывались и в существовавшую еще в классический период традицию странствующих врачей-периодевто¹, к которым можно отнести и самого Гиппократ², ставшего прототипом идеального врача в трактате Галена «*О том, что наилучший врач есть также философ*»:

Он обойдет в своих странствиях всю Грецию, поскольку ему надо написать кое-что и о природе мест. Итак, чтобы ему на опыте оценить знания, извлеченные из учения [Гиппократ²], он непременно должен собственными глазами взглянуть на города — какой обращен к югу, какой к северу, какой к восходу солнца, а какой к закату, и посмотреть на тот, что расположен в низине или на высоте, что использует подведенные воды, родниковые, дождевые или воды из озер и рек.

(*Quod opt. med.* 3 [Boudon-Millot, p. 289 = Kühn I, 59];
пер. И.В. Пролыгиной)²

О медицинском образовании в Римской империи II–III вв. н.э. известно достаточно много благодаря свидетельствам Галена Пергамского (129–210/217 гг. н.э.), который в своем корпусе текстов оставил обширные автобиографические и исторические сведения, в том числе и о своих научно-исследовательских путешествиях. Он происходил из знатной пергамской семьи, представители которой занимались архитектурой и геометрией и владели большим поместьем в Малой Азии. Гален получил прекрасное образование в области свободных искусств, затем посещал занятия лучших представителей философских школ — стоической, платонической, перипатетической и эпикурейской, и в возрасте шестнадцати лет обратился к изучению медицины³.

Первые несколько лет он изучал в Пергаме тексты Гиппократ² под руководством Сатира, ученика известного анатома Квинта. В это время, как пишет Гален в своем сочинении «*Об анатомиче-*

¹ Jouanna (1992). P. 43-35.

² Пролыгина (2013) С. 96-97.

³ О биографии Галена см. Boudon-Millot (2012), Nutton (1972). P. 158-171, Nutton (2004). P. 216-229.

ских мероприятий»¹, в Азии разразилась эпидемия антракса. Это заболевание, вызванное, по-видимому, стафилококковой инфекцией, сопровождалось образованием больших кожных абсцессов и в самых тяжелых случаях поражало кости². Обладая необходимыми знаниями о форме и расположении мышц, вен, артерий и нервов, ученики Сатира вполне эффективно, по словам Галена, лечили большое число пациентов, облегчая их страдания³. Напротив, те врачи, которые не владели в достаточной степени знаниями анатомии, были неспособны правильно определить затронутые болезнью органы и назначали бесполезное лечение или вовсе отказывались от лечения⁴. Гален был сильно впечатлен течением и последствиями этого заболевания. В трактате «О методе лечения» он сообщает, что своим названием это заболевание обязано пепельно-черному цвету корок, покрывающих раны, и прилегающих воспаленных тканей (греч. *anthrax* — букв. «уголь»)⁵.

Другими учителями Галена в Пергаме были Пелопс, известный своими познаниями в анатомии, фармакологии и экзегетике сочинений Гиппократов, а также некий Стратоник и Эфициан, которые также славились своими комментариями к текстам Гиппократа.

О путешествиях по Азии

Свой медицинский опыт Гален пополнял во время многочисленных путешествий по Азии и ее провинциям, в частности, по Мизии, Фригии и Каппадокии, о которых он часто вспоминает в своих сочинениях. Внимание молодого врача неоднократно привлекали крестьяне Малой Азии и их пищевые и медицинские традиции. Гален упоминает о кедровой смоле, которую крестьяне горных областей Азии смешивали с оливковым маслом и применяли для укрепления волос⁶. Впоследствии он будет прописывать

¹ *De anat. adm.* I, 2 (Kühn II, 224).

² См. Grmek (1983). P. 183. Эту эпидемию датируют 146 / 147 гг., см. Grmek-Gourevitch (1994). S. 1512.

³ *De anat. adm.* I, 2 (Kühn II, 224).

⁴ *Ibid.* (Kühn II, 224-225).

⁵ *De meth. med.* XIV, 10 (Kühn X, 980).

⁶ *De comp. med. sec. loc.* I, 3 (Kühn XII, 440).

этот рецепт римским матронам, а также тем, кто страдал от головных болей. Также Гален отмечает необычные свойства сыра, который в Пергаме и по всей Азии назывался *oxygalaktinos* (букв. «на основе сквашенного молока»). При наложении на раны этот сыр способствовал быстрому и безболезненному заживлению и рубцеванию¹. Большой интерес вызывали у Галена произрастающие в этом регионе растения, их названия и свойства, которые существенно отличались от тех, которые были известны в Риме. Он часто упоминает о них в своих сочинениях по фармакологии, особенно при описании состава своего знаменитого териака — многокомпонентного лекарства-противоядия на основе змеиного яда. Неоднократно он восхваляет три лучших вина Малой Азии — ариусийское с о. Хиос, лесбосское с о. Лесбос и тмолийское с предгорьев Тмола в Лидии².

Среди заболеваний, которые Гален наблюдал в этом регионе, упоминается *elephantiasis*, который представлял собой, по-видимому, разновидность проказы³. Гален описывает следующий случай:

Один человек, страдающий от заболевания, которое называют *elephantiasis*, некоторое время провел рядом со своими друзьями, но затем некоторые из тех, кто жил рядом и общался с ним, были поражены тем же недугом. Он чувствовал себя уже достаточно плохо, и его внешность обезобразилась. Тогда друзья, построив ему хижину около деревни на возвышении холма, около источника, помещают в ней этого человека, принося каждый день ему столько еды, сколько необходимо для поддержания жизни. Во время летнего зноя жнецам, которые работали неподалеку от него, принесли кувшин с ароматным вином. Тот, кто принес вино, поставил его около жнецов и ушел. Перед тем, как выпить его, эти люди обычно переливали вино в кратер, для того чтобы смешать его с некоторым количеством воды. Но когда один юноша взял кувшин и перелил вино в кратер, из него выпала мертвая змея. Жнецы, испугавшись, как бы не приключилась какая болезнь от этого напитка, стали пить только воду. По окончании же работы — якобы из человеколюбия — они подарили все вино человеку, страдающему элифантиазом, решив, что умереть для

¹ *De simpl. med.* X, 9 (Kühn XII, 272).

² *De antidot.* I, 5 (Kühn XIV, 28).

³ Grmek (1983).

него лучше, чем так жить. Он же, выпив его, стал здоров неким удивительным образом. Вся его бугристая кожа отпала словно панцирь рака. А та, что осталась, оказалась достаточно мягкой и походила на кожу лангустов и крабов, утративших свой панцирь.

(*De simpl. med.* XI, 1 [Kühn XII, 312, 9 sqq.];
пер. И.В. Пролыгиной)

Этот анекдот, по-видимому, должен был проиллюстрировать чудодейственные свойства териака, рецепт которого впоследствии принес Галену славу в Риме при дворе Марка Аврелия.

Об учебе в Смирне, Коринфе и Александрии

После смерти отца, приблизительно в 149 г., Гален унаследовал приличное состояние, позволившее ему завершить медицинское образование и собрать одну из лучших медицинских библиотек своего времени. В поисках знаменитых преподавателей медицины он совершил несколько путешествий по Средиземноморью, начав со Смирны, где в то время преподавал его прежний наставник Пелопс, представитель рациональной медицинской школы, а также философ платоник Альбин. Спустя два года он отправился в Коринф, чтобы послушать лекции Нумизидана, лучшего анатома того времени, а затем в Александрию, где провел следующие четыре года. Александрия считалась центром изучения анатомии. Во времена Галена, скорее всего, уже не производили вскрытия трупов, хотя эта практика была весьма распространенной в III–II вв. до н.э., во времена двух величайших анатомов Античности Герофила и Эразистрата. В одном из своих трактатов по анатомии Гален пишет о том, что его запросы были гораздо скромнее — просто изучать человеческие кости¹. Своим читателям он настоятельно рекомендует совершить путешествие в Александрию, чтобы иметь возможность непосредственно наблюдать кости и сочлененные скелеты, а не изучать их по книгам:

Поскольку и форма тела приспосабливается к костям, и природа других частей следует за ними, я считаю правильным, чтобы прежде всего ты

¹ О путешествии Галена в Александрию см. Nutton (1993). P. 11-13 и von Staden (2004). P. 179-215.

приобрел точное знание человеческих костей, не рассматривая их поверхностным образом и не ограничиваясь только чтением тех книг, которые одни называют *Остологиями*, другие — *Скелетами*, а третьи — просто *О костях*, каково и наше сочинение, которое по моему убеждению по точности фактов, скорости объяснения и ясности превосходит все сочинения моих предшественников. Пусть твои стремления и усилия будут направлены на то, чтобы не только из этой книги узнать точную форму каждой кости, но самому собственными глазами внимательно рассмотреть человеческие кости. Это вполне доступно в Александрии, так что местные врачи включают в преподавание своим ученикам непосредственное наблюдение костей. И, помимо всего прочего, это уже достаточной повод для того, чтобы постараться побывать в Александрии.

(*De anat. adm.* I, 2 [Kühn II, 220-221];
пер. И.В. Пролыгиной)

Кроме того, продолжает Гален, случай может предоставить возможность увидеть хорошо сохранившийся скелет в разграбленной могиле или при разливе какой-нибудь реки, размывшей древнее кладбище, или убитого разбойника, тело которого обглодали птицы. Неизвестно, использовал ли сам Гален такие возможности, но с определенностью можно сказать, что в Александрии в отличие от всей остальной империи изучение человеческих скелетов было вполне распространенной практикой. Еще одним веским аргументом для посещения Александрии был то факт, что все учителя Галена в Азии — Сатир, Пелопс, Стратоник и Эфициан учились в Александрии¹, также как его знаменитые предшественники Руф Эфесский и Соран², автор известного трактата по гинекологии.

В Александрии Гален общался со сверстниками, которые прибыли в этот город со всех концов Средиземноморья с той же целью изучения медицины. Таким образом, учеба в Александрии была, по-видимому, необходимым этапом в карьере успешного врача и условием признания в профессии. Этот город имел долгую медицинскую предысторию, выходящую далеко за пределы горо-

¹ Об интеллектуальной атмосфере в Египте см. Nutton (1993), von Staden (2004).

² Rufus, *Quaest. med.* 67 и *Souda*, s. v. Soranos (sigma 851, 4: 407, 20-21 Adler).

да. Хорошо известно, что большое число имен египетских врачей сохранилось на стенах гробниц в Долине царей¹.

Однако Александрия славилась не только преподаванием анатомии. Она была связана также с долгой традицией чтения и комментирования текстов Гиппократов, восходившей еще к Герофилу Александрийскому и его ученику Бакхию Танагрскому (III в. до н.э.)². Позднее в своих воспоминаниях о времени, проведенном в Египте, Гален будет неоднократно упоминать о том, что александрийские комментаторы Гиппократов придавали большое значение теоретическим вопросам, но слабо разбирались в медицинской практике³.

Много любопытных исторических и медицинских сведений сохранилось у Галена об образе жизни египтян и их эндемических заболеваниях, таких как разного рода диареи, тифозные горячки, малярия, гвинейские черви. Гален упоминает о высокой смертности египтян, средняя продолжительность жизни которых не превышала 25-30 лет. Известно, что вскоре после отъезда Галена из Египта в период с 166 по 180 г. предположительно от эпидемии оспы население Египта сократилось на одну треть⁴. Однако численность населения Александрии могла вполне сравниться с численностью столицы Империи. Гален пишет о том, что в этих двух городах проживает столько народа, что вполне оправдана медицинская специализация, поскольку крайне редко можно встретить врача, который бы освоил все сферы медицинского искусства⁵.

Гален сохранил любопытное описание фильтрации грязной нильской воды при помощи разных керамических сосудов и полотна, благодаря которым устранялся неприятный запах ила, и вода оставалась свежей:

В Александрии, да и во всем Египте, я видел, что местные жители охлаждают воду в глиняных сосудах следующим образом: на заходе солнца после предварительного нагревания воды они переливают ее в

¹ Nutton (2007). P. 8.

² Von Staden (1989). P. 484-500.

³ *In Hipp. Epid. VI* 1, 2 (CMG V 10, 2, 2).

⁴ Scheidel (2001).

⁵ *De part. art. med.* 2, 3 (CMG Suppl. Or. II, p. 29).

сосуды, затем подвешивают весь этот сосуд на воздухе на воротах против ветра, чтобы он охлаждался всю ночь. Затем перед восходом солнца они ставят их на увлажненную холодной водой землю и обкладывают весь кувшин холодными листьями или винограда или латука.

(*In Hipp. Epid. VI IV*, 11 [CMG V 10, 2, 2, p. 209];
пер. И.В. Пролыгиной)

О пище и питании египтян Гален отзывается с явным пренебрежением. Египетское вино он называет слишком легким и водянистым¹. Вполне обычным делом было употребление в пищу древесных червей, гадюк и других змей². Еще хуже, по его мнению, поедание мяса обезьян, верблюдов и даже ослов. Но поскольку египтяне с давних времен привыкли употреблять это мясо, притом в небольших количествах, и постоянно подвержены тяжелому физическому труду, они быстро выводят эту дурную пищу, так что она не успевает нанести вред телу³. Тем не менее, в некоторых случаях такие пищевые пристрастия не проходят бесследно и в условиях жаркого климата, который служит препятствием для выведения пищи, становятся причиной тяжелых заболеваний, таких как распространенный в этом регионе *эlefантиаз*:

В Александрии многие люди страдают от *эlefантиаза* по причине своего рациона и жары в этой стране. Напротив, в Германии и Мизии это заболевание встречается крайне редко. И у скифов, пьющих молоко, он почти никогда не встречается. Но в Александрии его можно встретить повсеместно из-за рациона. Ибо они едят много крупяных каш, чечевицы, улиток и соленой рыбы. Кроме того, некоторые едят мясо осла и ему подобных, которое производит густой сок, состоящий из черной желчи. А поскольку окружающий воздух жаркий, движение соков направлено на кожу.

(*Ad Glauc. de med. meth.* II, 12 [Kühn XI, 142];
пер. И.В. Пролыгиной)

В сочинениях по фармакологии Гален неоднократно упоминает о Египте в связи с большим числом лекарственных субстан-

¹ *De diaeta Hipp.* III, 8 (CMG V 9, 1, p. 229).

² *De alim. fac.* III, 2 (CMG V 4, 2, p. 337).

³ *Ibid.* I, 2 (CMG V 4, 2, p. 220).

ций, ароматов и мазей, происходящих из этого региона, таких, например, как касторовое масло, масло из редьки и горчицы. В Александрии произрастало также любопытное египетское дерево под названием *persea* (совр. *Cordia mutha*, Кордия слизистая), чьи листья использовали в припарках против головной боли. Ценными терапевтическими свойствами обладала и египетская глина.

Также Гален сообщает о египетском обычае носить на шее амулеты из камней, защищающие от болезней, и цитирует сочинение, приписываемое фараону Нехепсо: «Некоторые приписывают кое-каким камням свойство, сравнимое со свойствами, которыми действительно обладает зеленая яшма, полезная для желудка <...>. Некоторые вставляют камень в кольцо и гравировать на нем змею, испускающую лучи, как написал об этом царь Нехепсо в своей четырнадцатой книге <...> Что касается камня омфатита, то один достойный веры человек сказал, что он действительно помогает тем, кого укусила гадюка, если они носят его в амулете»¹.

В 157 г., в возрасте 27 лет Гален возвратился в Пергам, где в течение 4 лет работал в гладиаторской школе, обогатив свои знания в области ортопедической хирургии.

О врачевании в гладиаторской школе Пергама

В обязанности Галена как врача школы гладиаторов входило лечение ран, полученных в ходе состязаний, наблюдение за режимом и рационом питания атлетов. Проведение гладиаторских боев в Пергаме, как и в других городах Азии, по традиции было связано с культом императора и возлагалось на городского первосвященника. Он же занимался наймом наиболее опытных врачей, которые в ходе предварительного испытания должны были продемонстрировать свои знания в области хирургии и фармакологии. Главным образом, уделялось внимание знанию гемостатической и противотечной рецептуры. Игры в Пергаме проходили летом и продолжались несколько дней. Гален сохранил несколько воспоминаний о своей практике лечения различных ран, которая отличалась целым рядом нововведений:

¹ *De simpl. med.* IX, 19 (Kühn XII, 207).

Я видел, что все мои учителя лечат [поврежденные нервы — прим. пер], прибегая к методу, который новые врачи уже по обычаю называют кровоостанавливающим и склеивающим. Ибо в начале они накладывают одно из лекарств, называемых кровоостанавливающими, и пытаются склеить края раны. Если же она начинает воспаляться, тогда они обильно промывают ее теплой водой, добавляя масло, и накладывают компресс из пшеничной муки, проваренной в смеси воды и масла. И действительно, я видел, что гладиаторов, получивших ранение в колено и выше в область широкого и тонкого сухожилия, они лечили таким образом. Но лучше, наверно, сказать, не лечили, а губили, поскольку лишь немногие из них выживали, и то становясь хромыми.

(*De comp. med. per gen.* III, 2 [Kühn XIII, 564];
пер. И.В. Пролыгиной)

Гален предлагает свой метод лечения, основанный на постоянном увлажнении ран маслом или вином: «Тогда как все врачи до меня по большей части орошали раны теплой водой и накладывали на них компрессы из пшеничной муки, проваренной в смеси воды и масла, я вовсе не употреблял воду, но постоянно увлажнял их маслом с указанными лекарствами и быстро возвращал им всем здоровье»¹.

Помимо лечения ран простым наложением лекарств Гален без колебаний прибегает и к хирургическим методам, призывая и других врачей следовать его опыту:

В это время я приступил к лечению такого рода, которое должно привлечь пристальное внимание врачей, желающих правильно лечить раны. Осмотрев одного из гладиаторов, которых называют всадниками (*hippeus*), я увидел, что он имел кривой и очень глубокий разрез в передней нижней части бедра, и один из краев раны был оттянут вверх, тогда как другой был оттянут вниз к коленной чашечке. Опасаясь пришить сухожилия к мышцам, я сначала обнажил их и только тогда приступил к швам на достаточной глубине, зная, что в этом месте оперировать плоть мышц безопасно, но опасность проистекает от сухожилий, хотя я никогда не видел ни одного из моих учителей за таким занятием. Ибо в случае таких ранений одни из них просто сшивали края кожи, другие решались сшить сами мышцы в их мясистых частях, производя лишь поверхностное со-

¹ *Ibid.* III, 2 (Kühn XIII, 600).

единение, так что в случае ранения, проникающего в конечность особенно глубоко, но не распространяющего в длину, поверхность мышцы, конечно, склеивалась, а все остальное оставалось несклеенным. В самом деле, в случае ранений, нанесенных вдоль конечности, может быть достаточным наложение повязки на части раненой мышцы для их соединения, но в случае косо́го ранения повязка будет бесполезной, а достичь результата можно будет только с помощью наложения швов. Ибо без проникновения вглубь части мышцы с той стороны остаются несклеенными.

(*De comp. med. per gen.* III, 2 [Kühn XIII, 600-602];
пер. И.В. Пролыгиной)

Другой важной задачей Галена было наблюдение за режимом питания гладиаторов, рацион которых был по большей части вегетарианским и состоял из пюре и супов на основе ячменя и фасоли, приготовленных разными способами¹.

О путешествиях по восточному Средиземноморью

В 161 г. Гален отправился в Рим, по пути посетив целый ряд областей восточного Средиземноморья: Фракию, Македонию, Кипр и даже Палестину. Целью этих путешествий было знакомство с окружающей средой разных стран, которая влияет на здоровье и болезнь, исследование свойств местных трав и минералов и сбор лекарственных средств для личной аптеки «в количестве, достаточном на всю жизнь»². Он пишет, что его интересовали, главным образом, ценные продукты минерального и растительного происхождения, входящие в состав различных рецептов:

Желая исследовать по этим причинам Кипр и имея друга, который был там очень влиятельным и приближенным к надзирающему за рудниками наместнику цезаря, я раздобыл там много кадмия, медного шлака, вулканического шлака, оксида цинка, квасцов, медной руды, сульфата железа и меди, а также из Сирии-Палестины я привез сок бальзамического тополя <...>. И поплыл на Лемнос, да будут мне свидетелями боги, только ради лемноской почвы.

(*De antidot.* I, 2 [Kühn XIV, 7];
пер. И.В. Пролыгиной).

¹ *De alim. fac.* I, 19 (Kühn VI, 529). Ср. Plinius, *Hist. nat.* XVIII, 14, 72.

² *De simpl. med.* IX, 3 (Kühn XII, 216).

В случае если сам врач не в состоянии отправиться за нужными ингредиентами, Гален советует обращаться за помощью к путешественникам, официальным лицам, пользующимся хорошей репутацией, или друзьям, проживающим в той или иной области. Он предостерегает своих читателей от приобретения подделок и некачественных товаров, которые часто предлагали торговцы лекарствами. По словам Галена он имел в своей аптеке лекарства, доставленные ему из Сирии, Палестины, Египта, Каппадокии, Понта, Македонии и западных провинций Империи, где обитают, по его замечанию, кельты и иберийцы, а также из областей, расположенных на противоположной стороне от Мавритании¹.

Главные результаты своих путешествий Гален описал в многочисленных сочинениях по фармакологии, в частности, в обширном трактате «*О свойстве простых лекарств*» и в двух не менее объемных сочинениях «*О лекарствах, составленных согласно видам*» и «*О лекарствах, составленных согласно местам*».

О путешествии на Кипр

Кипр еще с давних времен был известен медными рудниками. Галена, прежде всего, интересовал такой минерал, как кадмий или оксид цинка, получивший свое название от Кадмеи, древнего города в Беотии, где этот металл добывался в естественном состоянии. На Кипре кадмий добывался в медных рудниках г. Сол. Также Гален упоминает о дифригии (от греч. *diphryges* — букв. «дважды оплавленный»), который представлял собой дополнительный этап выработки металла. Оба эти вещества с давних времен были известны своими вяжущими, прижигающими и кровоостанавливающими свойствами и применялись при лечении ран и язв:

[О дифригии]. Дифригий обладает смешанными качествами и свойствами. В нем есть нечто вяжущее и нечто едкое, потому это хорошее лекарство против злокачественным язв. И я привез большое количество этого лекарства из кипрских Сол, где находится рудник приблизительно в 30 стадиях от города. Ибо его выбрасывали в месте, расположенном между зданием, находящимся перед рудником, и низлежащей деревней. Управляющий рудником говорил, что найденное после кадмия было бес-

¹ *De antidot.* I, 2. (Kühn XIV, 8-9).

полезным, поэтому все это выбрасывали как золу из печки, где сжигают дрова. Но это лекарство было мне весьма полезным при лечении гнойных язв рта, или в чистом виде, или в виде пены, смешанной с медом, а также против ангины с предварительной остановкой выделений при помощи вяжущих средств. И после иссечения язычка я также сразу использовал только это лекарство вплоть до полного заживления, часто достигая с его помощью полного закрытия раны в этой части и во всех изъязвленных частях, также как во всех язвах половых органов и ягодиц¹.

(*De simpl. med.* IX, 8 [Kühn XII, 214-215];
пер. И.В. Пролыгиной)

Помимо кадмия и дифригия Гален стремился раздобыть для своей аптеки сульфат меди, сульфат железа и квасцы, которые также использовались для рубцевания различных ран. Путешествия на Кипр, по-видимому, произвели на Галена сильное впечатление, поскольку тридцать лет спустя он так описывал добычу сульфата меди в рудниках, на которых трудились в невыносимой жаре сотни рабов:

[О сульфате меди] ... Когда мне случилось оказаться на Кипре, я видел, как добывают это лекарство. На возвышенности располагалось одно большое здание, находящееся перед входом в рудник. И в левой стене этого здания <...> был вырыт проход, ведущий к прилегающей горе, достаточно широкий, чтобы там можно было расположить вплотную трех человек, и достаточно высокий, чтобы там мог прямо идти человек достаточно высокого роста. Этот проход был на склоне, однако он не был ни крутым, ни обрывистым. В самом конце на расстоянии приблизительно одного стадия находилась яма, полная зеленой воды, тяжелой и теплой. Вдоль всего спуска температура было близка к той, которая поддерживается в первых зданиях бань, называемых обычно *promalacterion*. Собирающаяся каждый день вода поднималась в количестве приблизительно восьми римских амфор, просачиваясь маленькими каплями из стен вырытого прохода все двадцать четыре часа и днем и ночью. Закованные в цепи рабы поднимали эту воду и выливали в четырехугольные глиняные бассейны перед зданием, где за несколько дней оседало отложение сульфата меди.

(*De simpl. med.* IX, 34 [Kühn XII, 239-240]; пер. И.В. Пролыгиной)

¹ *De simpl. med.* IX, 8 (Kühn XII, 214-215).

Не менее важным для Галена было знакомство с местными способами приготовления и хранения лекарств из этих минералов, а также с некоторыми растениями этого острова, самыми знаменитыми из которых были кипрские каперсы и сладкий виноград.

О путешествии в Ликию

Поводом для путешествия в Ликию послужил поиск легендарного камня гагат, упоминаемого старшими современниками Галена Диоскоридом (40-90 гг. н.э.) и Плинием Старшим (22 / 24–79 гг.). В трактате «*О свойстве простых лекарств*» Гален пишет:

[О камне Гагат] Существует и другой камень черного цвета, который при приближении к огню издает запах близкий к асфальту. Диоскорид и некоторые другие говорят, что его находят в Ликии, около реки под названием Гагат, откуда происходит, как мы утверждаем, и название этого камня. Лично я не смог увидеть эту реку, хотя проплыл вдоль всего ликийского побережья на маленьком судне в целях исследования находящихся там камней.

(*De simpl. med.* IX, 10 [Kühn XII, 203];
пер. И.В. Пролыгиной)

Экспедиция Галена, по-видимому, не увенчалась успехом. Сохранившееся описание этого камня у Галена и Плиния указывает на то, что речь идет, скорее всего, о разновидности лигнита, ископаемой углефицированной древесины¹. В поисках этого минерала Гален позднее совершит поездку к Мертвому морю, чтобы раздобыть эти ценные «камни в виде пластинок черного цвета»².

Из этого путешествия он привез еще растение ликион (*lykion*), называемое также пиксакантом (*pyxacanthos*). Этот небольшой колючий кустарник произрастал преимущественно в Ликии и Каппадокии и обладал целым рядом лекарственных свойств³. Гален советует применять его в жидком виде при ушибах лица, опухолях и язвах ягодиц и полости рта, лишаях, гноящихся ранах, гнойных воспалениях ушей, царапинах и панарициях. В сочетании с другими

¹ Moraux 1981: 67.

² *De simpl. med.* IX, 2. 10 (Kühn XII, 203-204).

³ *Ibid.* VII, 11. 20 (Kühn XII, 63-64).

веществами ликион обладал очищающим свойством, например, для рассеивания помутнения зрачка, а также вяжущим — в случае колик, дизентерий или гинекологических кровотечений.

О путешествии в Сирию и Палестину

Спустя некоторое время Гален отправился в Сирию. Он различает собственно Сирию с г. Дамаском и Великую Сирию, Сирию-Палестину с г. Иерихоном, Келесирию и Палестину. В Келесирии находилось Мертвое море, которое Гален называет чаще Асфальтовое озеро, поскольку в Античности из него извлекали асфальт или битум, использовавшийся в Египте для бальзамирования умерших¹. Гален так описывает его медицинские его свойства:

[Об асфальте, происходящем из Мертвого моря] Лучший асфальт образуется в так называемом Мертвом море. Речь идет об одном соленом озере в Келесирии. Это лекарство обладает, во-первых, иссушающим свойством, а во-вторых, согревающим. Соответственно, его используют для заживления кровоточащих ран и во всех случаях, где требуется иссушение вместе с умеренным согреванием.

(*De simpl. med.* XI, 10 [Kühn XII, 375];
пер. И.В. Пролыгиной)

Подобно всем другим путешественникам, впервые посетившим это место, он не скрывает своего удивления от необычных свойств воды Мертвого моря. С одной стороны, как замечает Гален, в ней невозможно утонуть, а с другой, она совершенно непригодна для жизни². Из этого путешествия Гален привез уже упомянутые камни черного цвета, которые при контакте с огнем, издают запах асфальта.

Что касается этих пластинчатых камней черного цвета, то если их поместить на огонь, они производят небольшое пламя. Много таких камней я привез из Келесирии. Они происходят из горы, граничащей с так называемым Мертвым морем в его восточной части там, где также добывают асфальт. И запах у этих камней был таким же, как у асфальта. Я ис-

¹ Boudon-Millot 2012: 113.

² *De simpl. med.* IV, 20 (Kühn XI, 690-693).

пользовал их при хронических отеках колена, которые трудно поддаются лечению¹.

(*De simpl. med.* IX, 2.10 [Kühn XII, 203-204];
пер. И.В. Пролыгиной)

Кроме того, Гален упоминает местные продукты, которые он использовал при изготовлении своих лекарств: шафран, благовонные масла, нард, опобальзам, фисташки, сумах, индийскую крушину, алоэ и некий сирийский камень, который может быть мужским и женским².

О путешествии на Лемнос

На острове Лемнос добывали знаменитые лечебные грязи, которые использовались при лечении многих заболеваний. В своем сочинении «*О свойстве простых лекарств*» Гален приводит длинный рассказ о разных видах почв. Он различает жирную черную почву, которую возделывают крестьяне, рассыпчатую и более светлую почву, напоминающую глину, а также смешанные почвы, содержащие мелкие камни или песок, которые нужно обильно промывать для отделения примесей. Об изготовлении лечебной грязи он пишет следующее:

Лемносскую землю одни называют лемносской охрой, а другие еще лемносской печатью, потому что она получает священную печать Артемиды. По местному обряду жрица отбирает для себя эту землю, принося в жертву не животных, но предлагая земле зерна пшеницы и ячменя. Она привозит эту землю в город и смешивает с водой, чтобы получилась жидкая грязь, которую она сильно вымешивает, прежде чем отложить. Затем, начиная сливать поднявшуюся на поверхность воду и собирая густую часть земли, которая оказывается на дне, она высушивает эту густую часть, пока та не достигнет консистенции мягкого воска. Из нее она берет небольшие части и ставит на них священную печать Артемиды. Затем она снова дает ей высохнуть на солнце, пока та не станет совершенно сухой и лемносская глина не станет этим лекарством, известным всем врачам как

¹ *Ibid.* IX, 2.10 (Kühn XII, 203-204).

² *Ibid.* (Kühn XII-XIII).

лемноская печать. Одни называют ее так, как я уже сказал, из-за того, что она отмечена печатью, тогда как другие называют ее лемносской охрой из-за ее цвета. Она обладает таким же цветом, как охра с тем только отличием, что не оставляет следа, если дотронуться до нее, как бывает в случае с охрой, и происходит с лемносского холма, который весь желтого цвета и не имеет ни дерева, ни камня, ни растения.

(*De simpl. med.* IX, 1.2 [Kühn XII, 169-170];
пер. И.В. Пролягиной)

Эта лемноская почва использовалась, по словам Галена, при лечении трудно рубцующихся ран, укусов ядовитых змей и диких животных. Гален описывает собственный опыт использования этой земли:

Мы на деле применили ее против морского зайца¹ и кантарид² у тех пациентов, которые подозревали, что съели что-то подобное. После того, как они приняли лекарство на основе лемносской печати, их сразу вырвало, и затем не последовал ни один из симптомов, характерных для отравления морским зайцем или кантаридами, хотя попадание яда не вызывало никаких сомнений. По правде говоря, мне неизвестно, обладает ли лекарство на основе можжевельника и лемносской земли таким же действием против других смертельных ядов, которые мы называем еще ядовитыми. Но один человек из Гефестия хвастливо утверждал, будто лемноская земля способна вылечить даже от укуса бешеной собаки, если выпить ее, растворив в вине, и наложить на рану вместе с крепким укусом.

(*De simpl. med.* IX, 2 [Kühn XII, 174-175];
пер. И.В. Пролягиной)

Из этого путешествия, по словам Галена, он привез около двадцати тысяч лемносских таблеток, которые использовал в своей многолетней практике.

Благодаря своим многочисленным путешествиям, которые трудно точно датировать, Гален располагал в Риме одной из самых богатых фармакопей своего времени, которая включала в себя ред-

¹ Речь идет о разновидности ядовитого моллюска, см. Dioscoridus II 18 и Plinius, *Hist. nat.* XXIX, 104.

² Имеется в виду разновидность ядовитых жесткокрылых насекомых.

кие и ценные субстанции минерального и растительного происхождения, входившие в состав различных лекарств. К сожалению, практически вся его коллекция погибла во время пожара в Риме в 192 г.¹

Материал поступил в редакцию 9.03.2022

*Материал поступил в редакцию
после рецензирования 15.03.2022*

СОКРАЩЕНИЯ

Сочинения Галена

Ad Glauc. de med. meth. — Ad Glauc. de medendi methodo

De alim. fac. — De alimentorum facultatibus

De anat. adm. — De anatomicis administrationibus

De antidot. — De antidotis

De comp. med. per gen. — De compositione medicamentorum per genera

De comp. med. sec. loc. — De compositione medicamentorum secundum locos

De diaeta Hipp. — De diaeta Hippocratis in morbis acutis

De ind. — De indolentia

De meth. med. — De methodo medendi

De part. art. med. — De partibus artis medicativae

*De simpl. med. — De simplicium medicamentorum temperamentis ac
facultatibus*

In Hipp. Epid. VI — In Hippocratis librum VI epidemiarum commentarii

Quod opt. med. — Quod optimus medicus sit quoque philosophus

Другие авторы и их сочинения

Plinius. Hist. nat. — Historia naturalis

Rufus. Quaest. med. — Quaestiones medicinales

¹ О гибели своей аптеки и, в частности, большого количества противоядий, среди которых самым известным был т. наз. териак, Гален упоминает в трактате «О том, что не стоит печалиться» (*De ind.*, 6). Гален (2018). С. 181.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Boudon-Millot, V. (2012) *Galien de Pergame. Un médecin grec à Rome*. Paris: Les Belles Lettres.
- Grmek, M. (1983) *Les maladies à l'aube de la civilisation occidentale*. Paris: Payot.
- Grmek, M., Gourevitch, D. (1994) "Aux sources de la doctrine médicale de Galien: l'enseignement de Marinus, Quintus et Numisianus", *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt* II, 37.2, 1491-1528.
- Jouanna, J. (1992) *Hippocrate*. Paris: Fayard.
- Jouanna, J. (1995) "La naissance de l'art médical occidental," M.D. Grmek, ed. *Histoire de la pensée médicale en Occident. 1. Antiquité et Moyen Âge*. Paris: Éditions du Seuil, 25-66.
- Kühn, C.G. ed. (1821-1833) *Claudii Galeni opera omnia*. Leipzig.
- Moraux, P. (1981) "Galen comme philosophe: la philosophie de la nature", V. Nutton, ed. *Problems and Prospects*. London, 87-116.
- Nutton, V. (1973) "The chronology of Galen's early career", *Classical Quarterly* 23, 158-171.
- Nutton, V. (1993) "Galen and Egypt," J. Kollesch-D. Nickel, eds. *Galen und das hellenistische Erbe*. Verhandlungen des IV. Internationalen Galen-Symposiums. Sudhoffs Archiv Beihefte 32. Stuttgart: F. Steiner Verlag, 11-31.
- Nutton, V. (2004) *Ancient Medicine*. London, New York: Routledge.
- Nutton, V. (2007) "Greco-Roman medicine and the Greek papyri", H. Froschauer und C. Römer, eds. *Zwischen Magie und Wissenschaft. Ärzte und Heilkunst in den Papyri aus Ägypten*. Wien: Phoibos Verlag, 5-12.
- Scheidel, W. (2001) *Death of the Nile. Disease and the Demography of Roman Egypt*. Leiden: Brill.
- von Staden, H. (1989) *Herophilus. The Art of Medicine in Early Alexandria*. Cambridge University Press.
- von Staden, H. (2004) "Galen's Alexandria", W.V. Harris and G. Ruffini, eds. *Ancient Alexandria between Egypt and Greece*. Leiden, 179-215.
- Гален (2018) «О том, что не стоит печалиться» / пер. с древнегреч. и комм. И.В. Пролыгиной, *Философский журнал*, 11.4, 180-186.
- Пролыгина, И.В. (2013) "Гален Пергамский и его трактат «О том, что наилучший врач есть также философ»", *Историко-философский*

ежегодник 2011. Институт философии РАН. Москва: Канон+, 82-100.

Irina V. PROLYGINA

ON THE ROLE OF RESEARCH TRAVEL IN MEDICAL EDUCATION IN 2–3 CENTURIES AD

The role of travel in obtaining medical education in Antiquity is well known from the texts of the “*Hippocratic Corpus*”. However, the most valuable evidence about this aspect of the medical profession can be found in the texts by Galen of Pergamum (129–210 / 217), whose works are the main source of this study. Galen's numerous autobiographical notes allow us not only to trace the routes of his voyages, but to uncover their goals as well. After receiving his initial medical education in Pergamum, Galen travelled to Asia Minor, particularly to Mysia, Phrygia, and Cappadocia, attending lectures of famous physicians and philosophers and studying the local traditions of medicine. After that he spent some years in Alexandria. An analysis of a number of texts allows us to conclude that Alexandria in the 2–3 centuries AD was a center for the study of anatomy and commenting on Hippocrates' texts. To study medicine in this city was considered a necessary stage in the career of a successful physician and a prerequisite for recognition in the profession. Important evidence should also be noted regarding the existing medical specialization in Alexandria, the features of the local dietetics and medicinal substances. An important stage in Galen's medical career was the theoretical and practical study of surgery at the gladiatorial school of Pergamum, where his knowledge was expanded not only with the rules for suturing, but also with hemostatic and wound healing prescriptions. From his extant works on pharmacology (“*De simplicium medicamentorum temperamentis ac facultatibus*”, “*De compositione medicamentorum per genera*”, “*De compositione medicamentorum secundum locos*”), we know that Galen also visited a number of places in the Eastern Mediterranean: Thrace, Macedonia, Cyprus and even Palestine. The purpose of these journeys was to observe the local climate that affects human health and causes diseases, to study the peculiar properties of the local herbs and minerals, and to collect medicinal substances for his personal apothecary. According to the evidence preserved in

one of his latest works, “*De indolentia*”, Galen managed to collect one of the richest pharmacopoeias of his time and a unique collection of prescriptions that was destroyed by a fire in Rome in 192.

REFERENCES

- Boudon-Millot, V. (2012) *Galien de Pergame. Un médecin grec à Rome*. Paris: Les Belles Lettres.
- Galen (2018) «O tom, chto ne stoit pechalit'sja» / perevod s drevnegrecheskogo i kommentarii I.V. Prolyginoj, *Filosofskij zhurnal*, 11.4, 180-186.
- Grmek, M. (1983) *Les maladies à l'aube de la civilisation occidentale*. Paris: Payot.
- Grmek, M., Gourevitch, D. (1994) “Aux sources de la doctrine médicale de Galien: l'enseignement de Marinus, Quintus et Numisianus”, *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt II*, 37.2, 1491-1528.
- Jouanna, J. (1992) *Hippocrate*. Paris: Fayard.
- Jouanna, J. (1995) “La naissance de l'art médical occidental”, M.D. Grmek, ed. *Histoire de la pensée médicale en Occident. 1. Antiquité et Moyen Âge*. Paris: Éditions du Seuil, 25-66.
- Kühn, C.G. ed. (1821-1833) *Claudii Galeni opera omnia*. Leipzig.
- Moraux, P. (1981) “Galen comme philosophe: la philosophie de la nature”, V. Nutton, ed. *Problems and Prospects*. London, 87-116.
- Nutton, V. (1973) “The chronology of Galen's early career”, *Classical Quarterly* 23, 158-171.
- Nutton, V. (1993) “Galen and Egypt”, J. Kollesch-D. Nickel, eds. *Galen und das hellenistische Erbe*. Verhandlungen des IV. Internationalen Galen-Symposiums. Sudhoffs Archiv Beihefte 32. Stuttgart: F. Steiner Verlag, 11-31.
- Nutton, V. (2004) *Ancient Medicine*. London, New York: Routledge.
- Nutton, V. (2007) “Greco-Roman medicine and the Greek papyri”, H. Froschauer und C. Römer, eds. *Zwischen Magie und Wissenschaft. Ärzte und Heilkunst in den Papyri aus Ägypten*. Wien: Phoibos Verlag, 5-12.
- Prolygina, I.V. (2013) “Galen Pergamskij i ego traktat «O tom, chto nailuchshij vrach est' takzhe filosof»”, *Istoriko-filosofskij ezhegodnik 2011*. Institut filosofii RAN. Moskva: Kanon+, 82-100.

- Scheidel, W. (2001) *Death of the Nile. Disease and the Demography of Roman Egypt*. Leiden: Brill.
- von Staden, H. (1989) *Herophilus. The Art of Medicine in Early Alexandria*. Cambridge University Press.
- von Staden, H. (2004) "Galen's Alexandria", W.V. Harris and G. Ruffini, eds. *Ancient Alexandria between Egypt and Greece*. Leiden, 179-215.

О МЕДИЦИНЕ, ВРАЧАХ И ЛЕКАРЯХ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

М.С. ПЕТРОВА

В статье на основании античных текстов (Ювенал [«Сатиры»], Плиний Старший [«Естественная история»], Марциал [«Эпиграммы»] и др.) обсуждается проблема отношения к медицине, врачам и лекарям в Древнем Риме (I–V вв.). Показывается, что профессия врача в Риме не сразу получила признание. Выявляются причины такого феномена, сводящиеся как к тому, что римляне не считали медицину искусством (наукой), так и к тому, что те, кто был связан с медициной, не были римлянами по происхождению и изначально не имели гражданских прав. Реконструируется коллективная биография римского врача, основанная на сохранившихся свидетельствах об Антонии Мусе, Секстии Нигере, Скрибонии Ларге, Руфе Эфесском, Галене, Серене Саммоне, Феодоре Прискиане, Адамантии, Марцелле Эмпирике и др. Учитываются сведения об их происхождении, именах и прозвищах, должностях, социальном статусе, обязанностях и правах, особенностях профессиональной деятельности; предмете и содержании медицинских сочинений. Отдельные положения коллективной биографии следующие:

- 1) Римские врачи и связанные с медициной люди изначально имели статус раба.
- 2) Образование, как правило, они получали либо в Александрии, либо в специальных медицинских школах и храмах-больницах, либо у известных учителей.
- 3) Некоторые врачи находились при дворах императоров, имели высокие титулы, должности и привилегии.
- 4) Большей частью, врачи — авторы сочинений, написанных, в основном, на греческом языке, а также арабском и латинском.
- 5) Интересы врачей были связаны с натурфилософией, собственно медициной (теоретической и практической) и различными ее областями, например, физиологией и фармакологией, а также биологией (ботаникой).
- 6) Помимо медицинской практики в круг занятий врачей вхо-

дило преподавание, наставничество и обмен опытом; соби-
рание рецептов и противоядий, изобретение лекарственных
средств. 7) Карьера врача (особенно находящегося при дворе
императора) не всегда могла быть успешной. Он мог быть из-
гнан, вынужден бежать на чужбину или убит.

Наше исследование посвящено рассмотрению отношения
к медицине в Древнем Риме (I–V вв.) и ее представителям — лека-
рям, врачам, медикам, тем, кто обучал этому виду искусства¹, и
определению их статуса, места и роли в римском обществе.

Прежде всего, отметим, что в отличие от Древней Греции и
стран Древнего Востока, профессия врача или лекаря в Риме не
сразу получила признание². К этому роду деятельности, как и к

¹ Ранние латинские авторы в своих текстах обычно не выделяли
умельцев и учителей какой-либо одной области знания, говоря об искус-
ствах (науках) в общем. Исключение составляют описания о грамматиках
и риториках. См., напр., Авсоний, «О преподавателях Бурдигалы» (Шульц
[пер., 1993]. С. 35-49; ср.: White [tr., 1929]. Vol. 1. P. 96-139).

² Например, в Греции и Египте к врачам относились с уважением, а
их общественный статус был весьма высоким. В частности, в Египте ме-
дициной занимались жрецы (в связи с этим сама египетская медицина
отчасти была магической, отчасти — терапевтической), врачей там было
достаточно много; их специализация разделялась по болезням, и «каждый
врач лечил только один определенный недуг» (напр., глазные болезни,
болезни головы, зубов, чрева, внутренних органов). См. Геродот, *Исто-
рия* II (Евтерпа), 84; ср.: Hdt. II.84. — https://www.gutenberg.org/files/2707/2707-h/2707-h.htm#link22Н_4_0001 (январь, 2022). В Греции
медицина носила светский характер; врачи там также пользовались ува-
жением и занимали высокое положение в обществе. Об этом свидетельст-
вуют строки Гомера: ...ἰητρός γάρ ἀνὴρ πολλῶν ἀντάξιός ἄλλων / ἰοῦς τ'
ἐκτάμνειν ἐπὶ τ' ἥλια φάρμακα πλάσσειν — ...ибо врач (ἰητρός) — это муж
(ἀνὴρ), ценный не меньше (ἀντάξιός) многих других (πολλῶν ἄλλων),
чтобы вырезать (ἐκτάμνειν) стрелы / язвы и кропить поверх них лекарст-
вом (Hdt. II. XI, 514-515; пер. В.В. Петрова); ср. пер. Н.И. Гнедича:
«Опытный врач драгоценнее многих других человек // Зная вырезыв-
вать стрелы и язвы целить врачевствами» (см.: Гнедич [пер., 1990]. Ук.
место. С. 157; ср. также: Murray [tr., 1928]. Ad loc. P. 518-519). Это под-
тверждают и строки Геродота (*История* III [Талия], 125-137) о враче Де-

самим врачам, методам их лечения и медицине в целом¹ в римском обществе относились, скорее, настороженно и со злобным пренебрежением, чем с уважением². Это было связано с тем, что различных целителей, лекарей и тех, кто обучал врачебному делу и врачеванию, а также всяких других учителей римляне связывали с рабским трудом³, выполняемым приезжими в Рим (чаще всего из

мокеде, родившемся в Кротоне (Италийское побережье) и стоявшем во главе известной греческой медицинской школы. — <https://www.gutenberg.org/files/2707/2707-h/2707-h.htm#link32> Н 4 0001 (январь, 2022). См. также: Godley (tr., 2010). Ad loc. P. 205-210. — https://www.paxlibrorum.com/wp-content/uploads/2019/03/histories_5by8.pdf (январь, 2022). Однако в Месопотамии картина не была однозначной. Так, согласно Геродоту, там не было врачей, но имела место ситуация, когда «страдающего каким-нибудь недугом... выносили на рынок, прохожие давали ему советы о его болезни (если кто-нибудь из них или сам страдал подобным недугом, или видел его у другого...); затем они объясняли, как они сами исцелились от подобной болезни или видели исцеление других, посколько молча проходить мимо больного человека было запрещено» (Hdt. I.197; пер. Г.А. Стратановского). См.: Стратановский (пер., 1972). Ук. место. См. также: Oppenheim (1964). Ch. 6; на русск. яз.: Оппенхейм, Ботвинник (пер., 1990). Гл. 6. — https://www.history.vuzlib.ru/book_o014_page_32.html (январь, 2022); <https://www.gumer.info/bibliotek/Buks/History/oppenh/06.php> (январь, 2022); Семенов, Сучкова (2012). С. 80-87.

¹ См., напр., у Плиния: «Наши предки осуждали не медицину как таковую, но приемы врачевания... когда же изгнали греков из Италии, что произошло уже много времени спустя после Катона, то [в постановлении об этом изгнании] специально упомянуты были и врачи» (Plin. HN. XXIX, 8, 15-16; пер. Б.А. Старостина). См.: Старостин (пер., 2005). Ук. место. — http://annales.info/ant_lit/plinius/29.htm (январь, 2022). Ср.: английские переводы: Bostock, Riley (tr., 1856). Vol. V. P. 376-377; Jones (tr., 1949-1954). Vol. 8. Lib. XXIX-XXXII. Ad loc. — <https://web.archive.org/web/20161229101439/http://www.masseiana.org/pliny.htm#BOOK%20XXIX> (январь, 2022).

² Здесь уместно привести в пример сложившуюся в Греции противоположную ситуацию по отношению к учителям-медикам, отраженную в клятве Гиппократова. См.: Мелик-Гайказян, Мещерякова (2015). С. 38-41. Ср. также: Davies (1969). P. 519, со ссылкой на: Glover (1901). P. 120-121; Dill (²1899). P. 399-405; Петрова (2013). С. 679-681.

³ Однако иногда все же имели место и добрые слова по отношению к учителям. Так, в письме Плиния Младшего (61-113 гг.) к сенатору Ме-

Греции) умельцами¹. Их они презирали, называя γραικοί (лат. — graeculus) — «гречишками» или «гречонками»², и причисляли к

цилию Непоту, там, где он пишет об учителе ораторской школы Исее, встречается фраза о том, что «...нет людей искреннее, простодушнее и лучше учителей» (Plin. *Ep.* II.3.5; пер. М.Е. Сергеевко). См.: Сергеевко (пер., ²1982). С. 26. — <https://azbyka.ru/otechnik/6/pisma-plinija-mladshego-pane-girik-imperatoru-trajanu/1> (январь, 2022). Ср.: Firth (tr., 1900). Ad loc. — <http://www.attalus.org/old/pliny2.html> (январь, 2022). Кроме того, Корнелий Цельс (I в. до н.э. – I в. н.э.) в трактате «О медицине», наряду с греческими врачами с уважением упоминает и римских учителей в медицинском деле, сделавших открытия в области хирургии: «Но и в Риме также известные наставники и, в особенности, совсем недавно Трифон-отец, Эвеллист и... Мебет, самый эрудированный из них, произведя некоторые улучшения, немало прибавили к этой науке» (Celsus. VII. Proem. 3; пер. Ю.Ф. Шульца). См.: Шульц (пер., 1959). Ук. место. — <https://www.rulit.me/books/o-medicine-read-489942-1.html> (январь, 2022). Ср.: Spencer (tr., 1938). Ad loc. P. 293-294. — https://penelope.uchicago.edu/Thayer/L/Roman/Texts/Celsus/7*.html (январь, 2022).

¹ Заметим, что согласно Плинию, первым врачом, прибывшим в Рим (с Пелопонесса) в 219 г. до н.э. и получившим римское гражданство был Архалакс. Для него на общественные средства купили палату для приема больных на Ацилиевом перекрестке. По прибытию, Архалакс (как специалист по лечению ран) пользовался большой популярностью, однако вскоре «из-за его чрезмерно рьяного пользования ножом и прижиганиями его прозвали мясником, а профессия его стала всем ненавистна, как и врачи вообще» (Plin. *HN.* XXIX.6.12-13; пер. Б.А. Старостина). См.: Старостин (пер., 2005). Ук. место; ср.: Jones (tr., 1949–1954). Ad loc. — <https://web.archive.org/web/20161229101439/http://www.masseiana.org/pliny.htm#BOOK%20XXIX> (январь, 2022); Bostock, Riley (tr., 1856). Ad loc.

² Γραικοί, οἱ — греки, первоначальное, а впоследствии, благодаря римлянам, общепринятое вне Греции название эллинов (см. Arist., *Meteorologica* [TLG, p. 352, 2]: οἱ καλοῦμενοι τότε μὲν Γραικοί, νῦν δ' Ἑλλήνες). Позднее, Цицерон, говоря о греках, использовал немало оскорбительных слов и выражений, одним из которых и было уничижительное словцо “graeculus”. Благодаря Цицерону оно стало общеупотребительным среди латинских авторов. Ср. также: Плутарх о Цицероне (Plut., *Vit. parall.* [Cicero] 5). Подр., см.: Trouard (1942). P. 43 ff.; Nairn (1932). P. 29-33; Никишин (2011). С. 167-189. — <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1366182796> (январь, 2022); Никишин (2017). С. 107-129. — <https://www.readcube.com/articles/10.32880%2F2587-7127-2017-1-1-106-128> (январь, 2022).

тем, кто зарабатывал на жизнь гаданием, ворожбой, хождением по канатам или же растираниями¹ в общественных банях. Так, у Ювенала (6–127 гг.) в «Сатирах» есть такие слова:

Я ж от него и бегу. Перенести не могу я, квиристы,
Греческий Рим! Пусть слой невелик осевших ахейцев,
Но ведь давно уж Оронт сирийский стал Тибра притоком,
Внес свой обычай, язык, самбуку с косыми струнами,
Флейтищи своих, тимпаны туземные, разных девчонок:
Велено им возле цирка стоять. — Идите, кто любит
Этих развратных баб в их пестрых варварских лентах!
Твой селянин, Квирин, оделся теперь паразитом,
Знаком побед цирковых отличил умашенную шею!
Греки же все, — кто с высот Сикиона, а кто амидонец,
Этот с Андроса, а тот с Самоса, из Тралл, Алабанды, —
Все стремятся к холму Эсквилинскому иль Виминалу,
В недра знатных домов, где будут они господами.
Ум их проворен, отчаянна дерзость, а быстрая речь их
Как у Исея течет. Скажи, за кого ты считаешь
Этого мужа, что носит в себе кого только хочешь:
Ритор, грамматик, авгур, геометр, художник, цирюльник,

¹ Заметим, что сами греки относились к растираниям (= массажу [ἀνάτριψις]) иначе. См., например, у Гиппократ: «Во многих вещах врач должен быть опытным, и не менее в массаже... ибо массаж может связать сустав слишком расслабленный и размягчить сустав очень тугой» (Hippocr. Art. 9; пер. В.И. Руднева). См.: Руднев (пер., 1941). Т. 3. С. 27. См. также: «Растирание (массаж) может разрешать, стягивать, давать мясо или заставлять худеть; твердое растирание стягивает, мягкое — разрешает; частые растирания заставляют похудеть, умеренное — потолстеть» (Hippocr. Off. 17; пер. В.И. Руднева). См.: Руднев (пер., 1936). Т. 1. С. 525. Ср.: Adams (tr., 1868), Hipp., *De articulis* I, 9: “The physician ought to be acquainted with many things, and among others with friction (ἀνάτριψις); for from the same name the same results are not always obtained; for friction could brace a joint when unseasonably relaxed, and relax it when unseasonably hard”. — <http://data.perseus.org/citations/urn:cts:greekLit:tlg0627.tlg010.perseus-eng1:9> (январь, 2022); Adams (tr. 1868), Hipp. Off. 17: “Friction (ἀνάτριψις) can relax, brace, incarnate, attenuate: hard braces, soft relaxes, much attenuates, and moderate thickens”. — <http://data.perseus.org/citations/urn:cts:greekLit:tlg0627.tlg008.perseus-eng1:17> ; <https://cmg.bbaw.de/epubl/online/hipoges.html> (январь, 2022).

Канатоходец, и врач, и маг, — все с голоду знает

Этот маленький грек (курсив наш., М. П.); велишь — залезет на небо;

Тот, кто на крыльях летал, — не мавр, не сармат, не фракиец,

Нет, это был человек, родившийся в самых Афинах

Как не бежать мне от их багряниц? Свою руку приложит

Раньше меня и почетней, чем я, возляжет на ложе

Тот, кто в Рим завезен со сливами вместе и смоквой?¹

(Juv. I.3.60-83; пер. Д.С. Недовича)

У претендующего на первенство латиноязычного изложения истории возникновения лечебного искусства² Плиния Старшего (22 / 24–79 гг.)³ также встречается крайне негативное суждение о медицине и врачах⁴ (со ссылкой на Катона, 234–149 гг. до н.э.), их позиции и оценке действий. Суть его в следующем:

...греки — народ распущенный и упрямый... каждый раз, когда этот народ приносит нам, [римлянам], свои знания, он портит все; и будет еще хуже, если они пришлют нам своих врачей. Все они дали друг другу клятву уничтожить всех варваров при помощи медицины, и под именем варваров они подразумевают также и нас самих. Если они требуют вознаграждения за то,

¹ См.: Недович (пер., 1989). Ук. место. — <http://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1536350003> (январь, 2022). Ср.: Ramsay (tr., 1928). Ad loc. P. 36-39. — https://www.tertullian.org/fathers/juvenal_satires_03.htm ; https://en.wikisource.org/wiki/The_Satires_of_Juvenal (январь, 2022).

² См.: «...я теперь обязан более подробно остановиться на самом искусстве лечения: ведь до сих пор никто об этом не писал по-латыни» (Plin. HN. XXIX.1.1; пер. Б.А. Старостина). См.: Старостин (пер., 2005). Ук. место. Здесь следует обратить внимание на тот факт, что Плиний скорее всего не был знаком с сочинениями Корнелия Цельса «О медицине» (несмотря на его известность во времена жизни Плиния) и Скрибония Ларга «О составе лекарств» (лат.: “De compositione medicamentorum”). См. также: Jones (tr. 1949–1954). Ad loc. — <https://web.archive.org/web/20161229101439/http://www.masseiana.org/pliny.htm#BOOK%20XXIX> (январь, 2022); Bostock, Riley (tr., 1856). Ad loc.

³ Plin. HN. XXIX.8. Согласно Плинию, Катон очень резко высказывался о врачах и не жалел уничижительных эпитетов в их адрес. См.: Bostock, Riley (tr., 1856). P. 376-381.

⁴ Подп. см.: Dezobry (1875). P. 534-538. — <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k201461b/f540.item> (январь, 2022).

что лечат нас, то это лишь для того, чтобы втереться в наше доверие и тем вернее погубить нас... (Plin. *HN*. XXIX.7; пер. Б.А. Старостина)^{1/2}.

Плиний также пишет, что:

...[многие] врачи, охотясь за популярностью, путем введения той или иной новизны, не останавливались перед тем, чтобы купить ее хотя бы и ценой нашей жизни. Отсюда эти, производящие такое жалкое впечатление, консилиумы около больных, где ни один врач не хочет сделать уступки ни одному из других [участников консилиума], дабы не признать его превосходства. Отсюда же зловещая надпись, встречаемая на могильных памятниках: «Погиб от разногласия врачей»³... Любой грек, овладевший [даже не столько медициной, сколько] искусством красноречия, начинает распоряжаться нашей жизнью и смертью; тысячи людей не могут жить без врачей и лекарств (хотя

¹ См. также: Jones (tr., 1949–1954). Ad loc.; Bostock, Riley (tr., 1856). Ad loc. В таком ракурсе можно обратить внимание на «Сатирический романс» о женихе-лекаре, приписанный испанскому поэту Франсиско де Кеведо (1580–1645). См.: Гончаренко (пер., 1977). С. 400–402. Ориг. текст: Pou (ed., 2014). Р. 83–85. — <https://www.poemas-del-alma.com/romance-satirico.htm> (январь, 2022).

² Ср. также упоминание Плиния в его же «Естественной истории» (XXIX, 8, 17) о том, что медицинская профессия — единственная, в которой всякий, кто заявляет о себе как о враче, сразу же получает доверие. См. также: Jones (tr., 1949–1954). Ad loc.; Bostock, Riley (tr., 1856). Ad loc.

³ См.: Plin. *Hist. nat.* XXIX, 5, 11. Фраза: “*turbas se medicorum perisse*” («погиб от разногласия врачей») может означать и «погиб от смятения (непонимания, растерянности, некомпетентности, неумения, беспомощности и т.д.) врачей», и «погиб от множества (толп) врачей». Недоверие к врачам, смешение их с колдунами, подозрения в корыстолюбии, обмане, невежестве врачей были широко распространены в древнем мире, а у современников Плиния, в связи с синкретизмом культур и борьбой разных традиций врачевания, особенно. См.: Старостин (пер., 2005). Ук. место и примеч. к нему — http://annales.info/ant_lit/plinius/29.htm (январь, 2022). Ср.: Евангелие от Марка (V:25–26): «Одна женщина, которая страдала кровотечением двенадцать лет, много потерпела от многих врачей, истощила все, что было у ней, и не получила никакой пользы, но пришла еще в худшее состояние». См.: Библия (синод. пер). — <https://bible.by/new-testament/> (январь, 2022).

именно так римский народ жил более шестисот лет), и жаждут [все новых и новых] лекарств, пока опыт не заставит их осудить это желание...¹ (Plin. *HN*.XXIX.5; пер. Б.А. Старостина); <...> ...только медицину из всех греческих искусств римская серьезность не взяла в употребление. Несмотря на величайшую доходность от лечения, только немногие из римских граждан хотели иметь дело [с греческой медициной], и даже они вскоре отправились туда, в Грецию. Воистину, если медицинские трактаты написаны не по-гречески, к ним не будет доверия даже среди неученых, которые и по-гречески-то не знают; а если бы кто и мог [понять их содержание], то тем меньше доверял бы им в вопросах, касающихся здоровья (Plin. *HN*.XXIX.8; пер. Б.А. Старостина)².

Есть свидетельство проявления открытой ненависти Галеном (129 / 31 – 200/17) по отношению к медикам-коллегам. Он пишет, что врачи «только тем отличаются от разбойников, что злодействуют в городе, а не в горах (...μόνον τοῦτ' διαφέροντες τῶν ληστῶν τῷ κατὰ τὴν πόλιν, οὐκ ἐν τοῖς ὄρεσι κακοῦργεῖν)» (Gal. *De praeen. ad Posth.* (Epigenem) 622.14; пер. В.В. Петрова)³; что «сребролюбцы (οἱ φιλοχρήματοι) — знахари, не будучи врачами (φαρμακεῖς εἰσιν, οὐκ ἰατροί), применяют свое искусство противоположно его природе» (Gal. *Quod opt. med.* 61.9-12; пер. В.В. Петрова)⁴, т.е. они лишь продают всякие настойки (рецепты) и не заботятся о врачевании как о науке / искусстве⁵. Имелись и другие примеры недоб-

¹ Ср.: Jones (tr., 1949–1954). Ad loc. — <https://web.archive.org/web/20161229101439/http://www.masseiana.org/pliny.htm#BOOK%20XXIX> (январь, 2022); Bostock, Riley (tr., 1856). P. 374-375 (Ad loc.).

² См. также: Jones (tr., 1949–1954). Ad loc. — <https://web.archive.org/web/20161229101439/http://www.masseiana.org/pliny.htm#BOOK%20XXIX> (январь, 2022); Bostock, Riley (tr., 1856). P. 377 (Ad loc.).

³ Ориг. текст, см.: Kühn (ed., 1827; repr. 1965): 599-673.

⁴ Ориг. текст, см.: Kühn (ed., 1821). Ad loc.

⁵ Ср. также негативное высказывание о врачах Афиней (II–III вв.): «...не ошибся один наш товарищ, сказав: “Не будь врачей, никого не было бы глупее словесников”» (Ath.XV.666a; пер. Н.Т. Голинкевич). См.: Голинкевич (пер., 2016). Ук. место. Ср.: Yonge (tr.). Ad loc. — <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:abo:tlg:0008.001:15> (январь, 2022); ориг. текст: Kaibel (ed., 1887–1890; repr. 1965–1966) = TLG 15, 2, v. 13-15.

рой критики, высказываемой в адрес тех, кто занимался врачеванием. Так Марциал (ок. 40 – ок. 104 гг.) сатирически пишет о навредившем больному методе лечения одного из врачей в своих «Эпиграммах»:

Недомогал я, но тут ко мне, нимало не медля,
Ты появился, Симмах, с сотней своих школяров.
Начали щупать меня сто рук, ледяных от мороза:
Без лихорадки, Симмах, был я, а вот и она¹.
(Mart. V. 9; пер. Ф.А. Петровского)

Возможно, по этим причинам не всякий родитель отдавал своих сыновей обучаться медицине, полагая, что это дело, в отличии, например, от умения играть на кифаре или флейте, не принесет честной прибыли и уважения в обществе. Об этом вновь косвенно свидетельствует Марциал в «Эпиграммах»:

Пристаешь ты давно ко мне с вопросом,
Луп, кому обучение сына вверить.
Всех и риторов ты и грамотеев,
Мой совет, избегай: не надо сыну
Знаться ни с Цицероном, ни с Мароном.
Пусть Тутилий своей гордится славой!
Если ж сын — стихоплет, лиши наследства.
Хочет прибыльным он заняться делом?
Кифаредом пусть будет иль флейтистом.
Коль окажется мальчик тупоумен,
Пусть глашатаем будет или зодчим².

¹ См.: Петровский (пер., 1994). Ук. место. — [https://www.e-reading.club/chapter.php/138925/8/Marcial - Epigrammy. html](https://www.e-reading.club/chapter.php/138925/8/Marcial_-_Epigrammy_.html) (январь, 2022). Ориг. текст: Heraeus, Borovskij (eds., 1982). Ad loc. — <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A2008.01.0506%3Abook%3D5%3Apoem%3D9> (январь, 2022). Ср.: Pearse (tr., 1897). Ad loc. (To Symm.) — https://www.tertullian.org/fathers/martial_epigrams_book05.htm (январь, 2022).

² См.: Петровский (пер., 1994). Ук. место. — [https://www.e-reading.club/chapter.php/138925/8/Marcial - Epigram my.html](https://www.e-reading.club/chapter.php/138925/8/Marcial_-_Epigram_my.html) (январь, 2022). Ориг. текст: Heraeus, Borovskij (eds., 1982). Ad loc. — <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A2008.01.0506%3Abook%3D5%3Apoem%3D56> (январь, 2022). Ср.: Pearse (tr., 1897). Ad loc. (To Lup.). — https://www.tertullian.org/fathers/martial_epigrams_book05.htm (январь, 2022). Тем не менее, в Греции имела место иная картина. Например, клятва

(Mart. V.56; пер. Ф.А. Петровского)

Однако, в связи с проводимой римскими правителями политикой, ситуация постепенно менялась. Об этом, в частности, имеются сведения у Светония (75–160 гг.), который пишет в «Жизни двенадцати Цезарей» (I, 42, 1), что Юлий (100–44 гг. до н.э.) «всем, кто в Риме занимался медициной, и всем преподавателям благородных искусств даровал римское гражданство, чтобы они и сами охотнее селились в городе, и привлекали других»¹. Несколько позже

Гиппократ (α) свидетельствует о почитании самими врачами своих учителей: «...считать научившего меня врачебному искусству наравне с моими родителями, делиться с ним своими недостатками и в случае надобности помогать ему в его нуждах; его потомство считать своими братьями, и это искусство, если они захотят его изучить, преподавать им безвозмездно и без всякого договора; наставления, устные уроки и все остальное в учении сообщать своим сыновьям, сыновьям своего учителя и ученикам, связанным обязательством и клятвой по закону медицинскому, но никому другому» (пер. В.И. Руднева). См.: Мелик-Гайказян, Мещерякова (2015). С. 35-44. Ср.: Potter (tr., in print), 147: 298-299: “...To hold my teacher in this art equal to my own parents; to make him partner in my livelihood; when he is in need of money to share mine with him; to consider his family as my own brothers, and to teach them this art, if they want to learn it, without fee or indenture; to impart precept, oral instruction, and all other instruction to my own sons, the sons of my teacher, and to indentured pupils who have taken the Healer’s oath, but to nobody else”. — https://www.loebclassics.com/view/hippocrates_cos-oath/1923/pb_LCL147.299.xml (январь, 2022).

¹ Здесь мы имеем в виду не только послевоенную политику Юлия, связанную и с пополнением населения, но и его стремление привлечь в Рим различных умельцев (в числе которых и медики). См., напр., у Светония: «...восемьдесят тысяч граждан он расселил по заморским колониям. Желая пополнить поредевшее население города, он издал закон, чтобы никакой гражданин старше двадцати и моложе сорока лет, не находящийся на военной службе, не покидал бы Италию дольше, чем на три года; чтобы никто из сенаторских детей не уезжал из страны иначе, как в составе военной или гражданской свиты при должностном лице; и чтобы скотовладельцы не менее трети своих пастухов набирали из взрослых свободнорожденных людей» (Suet. *Caes.*I.42.1; пер. М.Л. Гаспарова). См.: Гаспаров (пер., 1993). Ук. место. Ср.: Rolfe (tr., 1913). Ad loc. — https://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Suetonius/12Caesars/Julius*.html (январь, 2022). Эту политику продолжил Веспасиан (9–79 гг.),

медицина и образование стали «социализированными», и императоры установили представителям различных профессий (в числе которых были и врачи) общее обеспечение из государственных средств, выплачивая его в виде даров и различных привилегий¹. Но хотя поздние императоры легализовали профессию врачей, служивших при дворе, в провинциях и городах Римской империи²; запретили

первый император предпринявший попытку назначить различным умельцам плату за их труд: «Латинским и греческим риторам он первый стал выплачивать жалование из казны по сто тысяч в год; выдающихся поэтов и художников, как например, восстановителя Колосса и Венеры Косской, он награждал большими подарками; механику, который обещался без больших затрат поднять на Капитолий огромные колонны, он тоже выдал за выдумку хорошую награду, но от услуг отказался, промолвив: “Уж позволь мне подкормить мой народец”» (Suet. *Caes.* 18; пер. М.Л. Гаспарова). См.: Гаспаров (пер., 1993). Ук. место. Ср.: Rolfe (tr., 1913). Ad loc. — https://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Suetonius/12_Caesars/Vespasian*.html (январь, 2022).

¹ См.: *CTh* lib. XIII: De Medicis et Professoribus 13, 3, 1-19; lib. XIV: De Studiis Liberalibus urbis Romae et Constantinopolitanae 14, 9, 1-3; lib. VI: De professoribus, qui in urbe Constantinopolitana docentes ex lege meruerint comitivam 6, 21, 1. — <http://ancientrome.ru/ius/library/codex/theod/liber13.htm#3> ; <http://ancientrome.ru/ius/library/codex/theod/liber14.htm#9> ; <http://ancientrome.ru/ius/library/codex/theod/liber06.htm#21> (январь, 2022).

² Их называли архиятриями (=archiatrius; от греч. ἀρχίατρος [ἀρχι — старший, главный; ατρος — врач]. В греческой традиции этот термин употреблялся Галеном (*De theriaca ad Pisonem* [ed. Kühn, v. 5-6, TLG]), Аэтием (*Iatricorum liber* [ed. Olivieri], VII, 114, 85, TLG) и др.; в латинской — Августином (*Ep.* 41, 2, PL 33, 159), Кассиодором (*Var.* 6, 19, PL 68, 701A) и др. См. также: *CTh* lib. XIII: De Medicis et Professoribus 3, 14 и *CIL* 5, 8741 [Concordia]). Такие врачи находились под контролем местных властей, объединялись в так называемые коллегии, представляющие собой союз лиц профессии. В их обязанности входило лечение людей и преподавание медицины в специальных школах, которые существовали в Риме вплоть до VII в.. Подр. о римских врачах-архиятриях, их деятельности и изменении статуса, см.: Nutton (1977). P. 206; 207-210; Robert (1998). P. 373-378. — <https://www.biusante.parisdescartes.fr/sfhm/hsm/HSMx1998x032x004/HSMx1998x032x004x0373.pdf> (январь, 2022); Сорокина (2008). Т. 1. Ч. 2. Гл. 3. — <http://www.bibliotekar.ru/423/12.htm> (январь, 2022); Ведешкин (2018). С. 301-307.

оскорбление (строго карая по закону обидчиков) и повысили их статус, вряд ли имеет смысл утверждать, что такие деяния правителей были восприняты римлянами с большим энтузиазмом¹. Таким образом, в римском обществе отношение к врачам хотя и менялось, но чрезвычайно медленно.

Для полноты картины перечислим основные положения коллективной биографии римских врачей (I–V вв.)², реконструиро-

¹ В таком ракурсе возможно рассматривать письмо Симмаха (*Ep. / Relat.* [ed. Seech] X, 27), составленное в 384–385 гг., в котором обозначена необходимость назначения привилегий врачам-архиятриям и учителям (*professores*). См.: Seech (ed., 1883). P. 301. — https://www.dmgh.de/mgh_auct_ant_6_1/#page/301/mode/1up (январь, 2022). Ср. также сведения о выздоровлении Августа у Диона Кассия: «(3) Но когда он [Октавиан Август. — М. П.] уже не мог ничего делать — даже самое необходимое, то некий Антоний Муса спас его с помощью холодных купаний и напитков. За это он получил много денег от Августа и от сената, и право носить золотые кольца (а был он сыном вольноотпущенника), и свободу от повинностей — как для себя, так и для товарищей по профессии, и не только для бывших тогда, но и для будущих впоследствии. (4) Однако тому, кто сыграл роль Удачи и Судьбы, было суждено внезапное низвержение: Август был спасен его методом, зато Марцелл (зять и племянник Октавиана Августа, — М. П.), заболевший вскоре после этого и лечившийся тем же самым способом у того же Мусы, — умер» (Cass.Dio. LIII.30.3–4; пер. Н.Н. Трухиной). См.: Трухина (пер., 1987), <http://pstgu.ru/download/1180511769.dion.pdf> (январь, 2022). Ср.: Cary (tr., 1917, repr. 1955). Ad loc. P. 270–271. О признании “*professores*” в конце IV в. свидетельствует не только Авсоний («О преподавателях Бурдигалы»), но и Клавдиан (*De quarto consul. hon. Aug. pan.* VIII, v. 74), упомянувший учителя риторики Евгения, провозглашенного императором. См.: Шульц (пер., 1993). С. 35–49; ср.: White (tr., 1919). Ad loc. P. 96/97–138/139. — https://archive.org/stream/deciausonius01ausouoft/deciausonius01ausouoft_djvu.txt (январь, 2022); Burmannus (ed., 1821). VIII, v. 74: “*Famulus...*” и примеч. к строке 74. P. 234–235). — http://penelope.uchicago.edu/Thayer/L/Roman/Texts/Claudian/De_IV_Consulatu_Honorii*.html (январь, 2022). См. также: Петрова (2013). С. 681. Примеч. 10.

² Здесь задействованы методы и подходы просопографии, занимающейся реконструкцией биографий отдельных исторических личностей (выделяемых на основе выбранных критериев — культурных, интеллектуальных, гендерных и пр.) или группы лиц, живших в определенную

ванной на основании релевантных сведений об Антонии Мусе (63 г. до н.э. – 14 г. н.э.)¹, Секстии Нигере (I в.)¹, Скрибонии Ларге

эпоху или месте, имевших общие политические, социальные или этнические черты, занимавших определенную должность или положение в обществе. Просопографический метод — это выявление определенного круга лиц, постановка ряда однотипных вопросов (напр., о датах рождения и смерти, о браке и семье, социальном происхождении, месте жительства, образовании, роде деятельности, религии и т.д.). См. также: Jones, Martindale, Morris (eds., 1971–1980); Smith (ed., 1813–1893). — https://en.wikisource.org/wiki/A_Dictionary_of_Greek_and_Roman_Antiquities (январь, 2022); Петрова (2004). С. 8-10; Петрова (2013), Пр. С. 417-419. О гипотетичности просопографии, см.: Гаспаров (1964). С. 180.

¹ Антоний Муса (Ἀντώνιος Μοῦσας; Antonius Musa) (63 г. до н.э. – 14 г. н.э.) [см. Илл. 1. С. 60], ученый-натуралист, занимающийся изучением трав; римский врач-практик. Муса был сыном вольноотпущенника, очевидно, греческого происхождения. У Мусы был брат по имени Эфорб (Euphorbus), известный греческий врач царя Мавретании Юбы II (52 / 50 до н.э. – 23 г. н.э.) (см.: Plin. *NH*. XXV.38). Деятельность Антония Мусы приходится на период правления Октавиана Августа. Находясь при дворе и имея соответствующий статус придворного врача, Муса лечил не только самого Октавиана, пользуясь высоким авторитетом и привилегиями, но и членов его семьи (в их числе зять и племянник Марцелл, лечение которого не было успешным). Так, Светоний сообщает, что Антоний Муса советовал Октавиану Августу, страдающему болезнями печени (23 г. до н.э.), холодные компрессы: «...тогда его печень так страдала от истечений желчи, что он [Октавиан Август] в отчаянии вынужден был обратиться к лечению необычному и сомнительному: вместо горячих припарок, которые ему не помогали, он по совету Антония Мусы стал употреблять холодные» (Suet. *Caes.* Aug. 81; пер. М.Л. Гаспарова). См.: Гаспаров (1993). Ad loc. Ср. Plin. *NH*. XIX.28; XXV.38; см.: Bostock, Riley (tr., 1856). Ad loc. См. также соотв. изложение Диона Кассия (*Hist. Rom.* LIII.30.1.3 et 4), см. также *выше*, примеч. 1. С. 52. См.: Suet. *Caes.* Aug. 59: «Врачу Антонию Мусе, исцелившему его, [Октавиана Августа], от смертельной болезни, сенаторы на свои деньги поставили статую возле изваяния Эскулапа» (Suet. *Caes.* Aug. 59; пер. М.Л. Гаспарова). См. Гаспаров (пер., 1993). Ук. место. Под именем Антония Мусы сохранился небольшой медицинский трактат, названный *De herba vettonica liber*, в котором разъясняются свойства травы буквицы (Vettonica). Однако в настоящее время авторство Антония отвергнуто. См.: Langslow (2000). С. 67-68; ориг. текст, см.: Howald, Sigerist (Hrsg., 1927).

(I в.)², Тиберии Менекрате (I в.)³, Руфе Эфесском (I–II вв.)¹, Клав-

¹ Секстий Нигер (Sextius Niger) (перв. пол. I в.) — древнеримский практикующий врач, теоретик медицины и фармакологии, чья деятельности приходится на период правления Октавиана Августа. Происходил из знатной семьи Секстиев (возможно его отцом был Квинт Секстий, известный философ своего времени), обучался у древнегреческого врача и философа Асклепиада Вифинского (124 / 9 г. до н.э. – 40 г. н.э.) (см.: Plin. *NH.* XXVIII.131; XXIX.76; XXXII.26; XXXIII.58; Diosc. *Ped. (Med.). De mat. med.* I. Prooem. 2 (Wellmann)). Ему принадлежит работа на греческом языке «О медицинских веществах» (περὶ ὕλης), содержащая рецепты лекарств из трав (в числе которых и волшебные зелья) от многих известных на то время болезней. Его труды, упомянутые Плинием Старшим (см. *выше*) и Клавдием Галеном (e.g. *De simpl. med.* VI, Prooem. [Kplicium]), послужили источником древнегреческому военному врачу, фармакологу и натурфилософу Педанию Диоскороду (40–90 гг.) (см. *выше*) [см. Илл. 2. С. 61]. См.: Pioreschi (ed., 1998). P. 280-281.

² Скрибоний Ларг (Scribonius Largus) (с. 1–50) — древнеримский врач эпохи императора Клавдия (10 г. до н.э. – 54 г. н.э.); уроженец острова Сицилия. Скрибоний учился у Веттия Валента (ум. 48 г.); сначала был рабом одного из представителей римской семьи Скрибониев, затем — вольноотпущенник и свободно практикующий врач. Будучи личным врачом императора Клавдия, он принимал участие в его британском походе (43 г.). Скрибонию Ларгу принадлежит сборник лекарств (*Compositiones medicamentorum*, см.: Helmreich [ed., 1887]. — http://forumromanum.org/literature/scribonius_largus/compositiones.html#195 [январь, 2022]), написанный на латинском языке в 47 г., в котором перечислен 271 рецепт от различных болезней. В этом сочинении (Ib. 3, 8) Ларг пишет об этических качествах врачей — милосердии (*misericordia*) и человеколюбию (*humanitas*), а также утверждает, что врач должен оказывать помощь всем, кто в ней нуждается независимо от социального и экономического статуса больного [см. Илл. 3. С. 62]. См. также: Capitani (1972). P. 120-140.

³ Тиберий Клавдий Квирина Менекрат (Tiberius Claudius Quirina Menecrates) (I в.) — врач и основатель логической медицины. Сведений о его семье, месте происхождения не сохранилось. Возможно, Менекрат получил образование в Косской или Смирнской медицинской школе. Во время пребывания на Родосе будущего императора Тиберия Клавдия Нерона (42 г. до н.э. – 37 г. н.э.), он стал его приближённым и впоследствии вместе с ним перебрался в Рим. После того как Нерон вззошел на престол (14 г.), он стал римским гражданином (получив имена Тиберий Клавдий) и личным врачом императора. Менекрат является автором основательно-

дии Галене (129 / 31 – 200 / 17 гг.)², Квинте Серене Саммонике (кон. II – 211 / 13 г.)³, Диомиде (кон. III – нач. IV вв.)¹, Феодоре

го сочинения *Zeophletensis*, в котором изложено обоснование логической медицины.. См.: Matthia (ed., 1761). § 61. P. 28-29. — <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=ucm.5323808777&view=1up&seq=40&skin=2021> (янв., 2021). См. подробнее: Smith (ed., 1813–1893): 1036.

¹ Руф Эфесский (I–II вв.) — врач-анатом, грек по происхождению, активность которого приходится на время правления императора Траяна (98–117 гг.). Образование Руф предположительно получил в Александрии, практиковал в Эфесе. Будучи последователем Гиппократов, он приспособивал его учение под свои взгляды и практические нужды. Руф является автором ряда фрагментарно сохранившихся (на греческом, арабском и латинском языках) работ о частях человеческого тела (“*De partibus corporis humani*”) [Илл. 4. С. 63], заболеваниях суставов (“*De corporis humani appellationibus*”), пульсе (“*Synopsis de pulsibus*”), урологии и половых болезнях (“*De satyris et gonorrhoea*”), а также сведений-анамнезов (“*Quaestiones medicinales*”). Кроме того, именно Руфу принадлежит более подробное, по сравнению с предшественниками, описание глаза. См.: Suda, *Lex. P* (Rho) 241 (Adler [ed., 1935; repr. 2001]: 301-302); Scarborough (1993). S. 44-48; Prioreschi (ed., 1998). P. 255-267. См. также: Бекштрем (1899). С. 121-132.

² О Галене [Илл. 5. С. 64] и его практике в Риме, см., напр.: Prioreschi (ed., 1998): 315-500; Eichholz (1951). P. 60-71; Littman, R.; Littman (1973). P. 243-255; Hankinson (ed., 2008). Ch. 1. P. 1-33; Nutton (2004). P. 226-227; Балалыкин (2014). С. 11-100.

³ Квинт Серен Саммоник (Quintus Serenus Sammonicus) (кон. II в. – 211 / 12) — врач и натурфилософ, автор работы “*Res reconditae*” («О загадочных вещах») в пяти книгах, написанной на латинском языке; собиратель рукописей и обладатель библиотеки, насчитывающей более 62000 свитков (О К. Саммонике как обладателе большой коллекции рукописей пишет Юлий Капитолин в «Жизнеописании Августов»: «Учитель его Серен Саммоник, ближайший друг его отца, до такой степени был привязан к нему и любил его, что, умирая, оставил Гордиану младшему все книги своего отца Серена Саммоника, которых насчитывалось до шестидесяти двух тысяч» (*Script. Hist. Aug.* XX.18.2.2; пер. С.П. Кондратьева). См.: Кондратьев (пер., 1992). Ук. место. Ср.: Magie (tr., 1924). P. 413; ориг. текст: Ibidem. P. 412. Деятельность Квинта Саммоника приходится на период правления императора Марка Аврелия (161–180 гг.), которому он посвящал свои сочинения. Возможно, Квинту Саммониду принадлежит «Медицинская книга» (“*Liber Medicinales*”, см.: Vollmer [ed., 1916];

Присциане (IV в.)², Адамантии (кон. IV – нач. V вв.)³, Дисарии

Brodersen [ed., tr., 2016]), известная также под названием “De medicina praecepta saluberrima” [см. Илл. 6. С. 65]), в которой немало магических заклинаний, среди которых “abracadabra” в виде треугольного амулета (Ib. Ch. 51, v. 935, PHI 5 [1515]; Илл. 7-8. С. 66). О Саммонике имеются упоминания у Макробия (*Sat.* III.9.6; 16.5-9; 17.3-5). См. также: с. 14-15; Ковнер (1893). С. 14-15; Champlin (1981). P. 189-212.

¹ Диомид [Διομήδης] (кон. III – нач. IV вв.) [Илл. 9. С. 67] — врач, родившийся в Тарсе (Киликия), приверженец и проповедник христианской религии. Его активность приходится на время правления имп. Диоклетиана (284–305 гг.), по приказу которого он был арестован в Никее и убит. Мы придерживаемся мнения, что фигура Диомиды — вымышленная. Свидетельства о нем имеются лишь в двух агиографических сочинениях, восходящих к общему несохранившемуся источнику (см.: Крюкова [2007]. С. 128-239. — <http://www.pravenc.ru/text/178291.html> [январь, 2022]). Тем не менее, мы считаем возможным привлечение и учет сведений такого рода, поскольку они подтверждают вероятность убийства врачей на основании религиозных убеждений, в эпоху гонения христиан, начатого Диоклетианом (303 г.). См. также: Van Doren (1912, repr. 2018). Col. 504. — <https://www.rhe.eu.com/en/dhge.html> (январь, 2020); Becquet (1964). Col. 629-630; Janin (ed., 1953): 95-97.

² Феодор Присциан (Theodorus Priscianus) (IV–V вв.) — медик, личный врач императоров Аркадия и Феодосия II. См.: Prioreschi (ed., 1998). P. 516-519.

³ Адамантий [Ἀδαμάντιος] (кон. IV – нач. V вв.), вероятно, иудей, родившийся в Александрии; получивший титул Iatrosophista (ιατρικὸν λόγον σοφιστής), позиционирующий его статус «учителя врачебного искусства» и создателя лекарственных средств (см.: Socrates. *Hist. eccl.* VII.13. — https://azbyka.ru/otechnik/Sokrat/Sholastik/tserkovnaja-istorija-socrata/7_13 [январь, 2022]); ιατροσοφιστής: ιατρός — врач, σοφιστής — умелец, знаток, мудрец [в медицине]). Он жил; вероятно, получил образование и практиковал в Александрии, из которой бежал во время изгнания из нее иудеев Патриархом Кириллом (415 г.) в Константинополь. Там он принял христианство по наущению епископа Константинополя Аттика и, по всей видимости, жил в этом городе какое-то время. Затем он вновь вернулся в Александрию (см.: Socrates. *Hist. eccl.* VII.13). Адамантию принадлежит трактат по физиогномике (“Physiognomica”) в двух книгах и сочинение “De ventis” («О ветрах» — см.: Rose [ed. 1864; repr. 1963]. P. 29-48), написанные на греческом языке. См.: Smith (ed., 1813–1893). P. 18; Jones, Martindale, Morris (eds., 1971–1980). T. 2. С. 6. Заметим, что

(кон. IV – нач. V вв.)¹, Марцелле из Бурдигалы (IV–V вв.)², Целии Аврелиане (V в.)³. Мы акцентируем внимание на их происхождении, именах, прозвищах и титулах; должностях, социальном статусе

“Physiognomica” посвящена Констанцию (возможно, западноримскому императору Констанцию III). Сам же автор утверждает, что в своем сочинении он следовал методу физиогномики Аристотеля (Arist. *Ph.* I.1.1. TLG), предпочитая его всяким другим. В целом же (также, по словам Адамантия), этот труд представляет собой переделку трактата Антония Полемона (88–145) (см.: Förster [ed., 1893]. P. 297–426).

¹ Дисарий (Dysarius) (IV в.) — врач и натурфилософ; грек по происхождению; принадлежал к кругу римских аристократов. Будучи приверженцем врача Эрасистрата (304–250 гг. до н.э.), он резко критиковал попытки вторжения философии в область медицины. См.: Петрова (2013). С. xx–xxI.

² Марцелл из Бурдигалы (Marcellus Burdigalensis) [Эмпирик] (IV–V вв.) — древнеримский врач, живший и практиковавший в эпоху правления императора Феодосия I (347–395 гг.). Он родился в Бурдигале, принадлежал к семье аристократов, получил хорошее образование. При дворе императора Феодосия занимал должность *magister officiorum* (CTh VI.29.8; VII.1.14; XVI.5.29). Вероятно, какое-то время он был личным врачом Феодосия. При дворе он находился до тех пор, пока Южная Галлия не была захвачена вестготами. После раздела Империи, он служил императору ее восточной части — Аркадию. Возможно, Марцелл находился на службе вестготских правителей, захвативших Южную Галлию, поскольку умер в ее столице (г. Нарбон) (см.: Opsomer, Halleux [1991]. P. 159–178; Prioreschi [ed., 1998]. P. 519–521). Марцеллу принадлежит работа “De medicamentis empiricis, physicis et rationalibus liber”, написанная на латинском языке и представляющая собой сборник фармакологических рецептов для домашнего употребления (см.: Sharpe [1964]. P. 14).

³ Казлий Аврелиан (Caelius Aurelianus) (V в. [?]) — древнеримский медик и теоретик медицины. Вероятно, родился в городе Сикка (Нумидия); был врачом в Карфагене. Он занимался не только изучением острых и хронических болезней, а также выявлением причин и поиском методов их лечения, но и выполнением переводов на латинский язык сочинений об острых и хронических болезнях (“Acutae passiones” [в 3-х кн.] и “Chronicae passiones” [в 5-ти кн.]) работающего в Риме греческого врача Сорана Эфесского (98 – ок. 138 гг.). См.: Jones, Martindale, Morris (eds., 1971–1980). Vol. 2. P. 201. О Соране, см.: Микиртичан, Джарман (2015). С. 73–87. — <https://cyberleninka.ru/article/n/soran-efesskiy-kak-antichnyy-rimskiy-vrach-i-pervyy-pediatr/viewer> (январь, 2022).

се, семейном положении; особенностях профессиональной деятельности, стереотипах поведения и моральных ценностях, круге обязанностей и прав; тематике и содержании сочинений¹.

- 1) Римские врачи и связанные с медициной люди не являлись римлянами по происхождению. Как правило, это греки [Антоний Муса; Руф Эфесский; Дисарий], иудеи [Адамантий], представители прочих наций и народностей [Диомид; Скрибоний Ларг; Целий Аврелиан], входивших в состав Римской империи.
- 2) В основном врачи изначально имеют статус рабов [Скрибоний Ларг], затем становятся вольноотпущенниками [Скрибоний Ларг; Антоний Муса] и гражданами [Менекрат] (в связи с проводимой политикой римских императоров).
- 3) Как правило, врачи являлись приверженцами традиционной языческой религии [Дисарий], но иногда — христианской [Адамантий, Диомид].
- 4) Некоторые (особенно выдающиеся) врачи находились при дворах императоров [Гален; Квинт Саммоник; Менекрат], будучи их личными врачами [Антоний Муса; Гален; Марцелл из Бурдигалы; Скрибоний Ларг; Менекрат; Феодор Присциан], а также врачами членов их семей [Антоний Муса; Гален] и ближайшего окружения. Все они имели высокие титулы [Адамантий], должности и привилегии; пользовались авторитетом [Антоний Муса; Гален].
- 5) Имеют место случаи происхождения врачей из знатных, богатых [Гален] и аристократических семей [Марцелл из Бурдигалы; Секст Нигер; Квинт Саммоник], что, в свою очередь, способствовало получению хорошего образования [Гален], а впоследствии — высоких титулов и государственных должностей [Марцелл из Бурдигалы].
- 6) Образование, как правило, врачи получали либо в Александрии [Адамантий; Руф Эфесский; Гален], либо в специальных медицинских школах [Менекрат] и храмах-больницах [Га-

¹ *Ниже*, в квадратных скобках [] будут указаны имена персонажей, соответствующих тому или иному критерию.

лен], либо у известных учителей [Скрибоний Ларг; Феодор Присциан]. Интересы врачей были связаны с натурфилософией [Гален; Квинт Саммоник; Дисарий], собственно медициной (теоретической [Гален; Руф Эфесский; Секст Нигер; Менекрат; Феодор Присциан; Целий Аврелиан] и практической [Антоний Муса; Гален; Марцелл из Бурдигалы; Руф Эфесский; Секст Нигер; Скрибоний Ларг; Менекрат; Феодор Присциан]) и различными ее областями, например, физиологией [Феодор Присциан] и фармакологией [Гален; Руф Эфесский; Феодор Присциан], а также биологией (ботаникой) [Феодор Присциан] и др. Помимо медицинской практики в круг занятий врачей входило преподавание [Адамантий], наставничество и обмен опытом; собирание рецептов [Марцелл из Бурдигалы] и противоядий [Феодор Присциан], изобретение лекарственных средств [Адамантий].

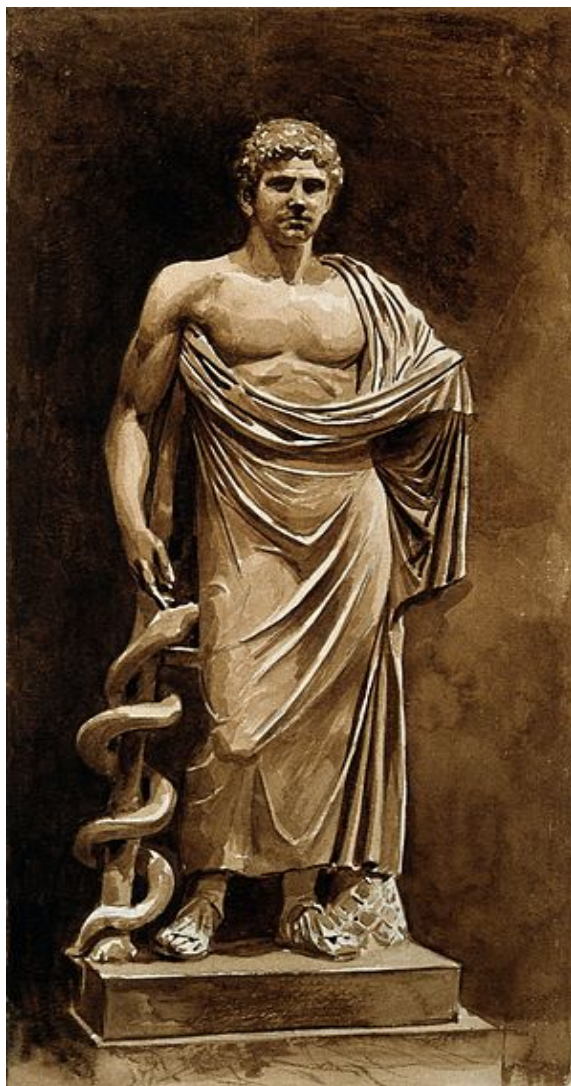
- 7) Большей частью, врачи — авторы сочинений, написанных, в основном, на греческом языке [Адамантий; Гален; Руф Эфесский; Секст Нигер], а также арабском [Руф Эфесский] и латинском [Руф Эфесский; Скрибоний Ларг]. В них рассматриваются не только специальные [Гален] и чисто медицинские, но и общие натурфилософские вопросы, коррелирующие с медициной и биологией, строением тела человека и его душой, недомоганиями и болезнями, а также средствами, позиционированными как волшебные или магические [Секст Нигер].
- 8) Врач обладает традиционным набором добродетелей, согласно философским и религиозным установкам своего времени [Скрибоний Ларг].
- 9) Врач имеет ряд обязанностей (например, оказание бесплатной медицинской помощи [ар. Скрибоний Ларг]), а также прав и привилегий (в числе которых, в частности, освобождение от налогов).
- 10) Досуг врачей, имеющих высокий социальный статус, мог быть связан с собиранием книг [Квинт Саммоник], а также ведением бесед на философские темы, как правило, во время праздничных дней [Дисарий].

- 11) Карьера врача (особенно находящегося при дворе императора) не всегда могла быть успешной. Он мог быть изгнан [Антоний Муса], вынужден бежать на чужбину [Гален] или убит [Диомид].
- 12) Профессия врача в Риме не сразу получила признание: сначала к этому роду деятельности (как и самим врачам) в обществе относились скорее настороженно и со злобным пренебрежением, чем с уважением¹, позднее, к IV–V вв., ситуация изменилась.

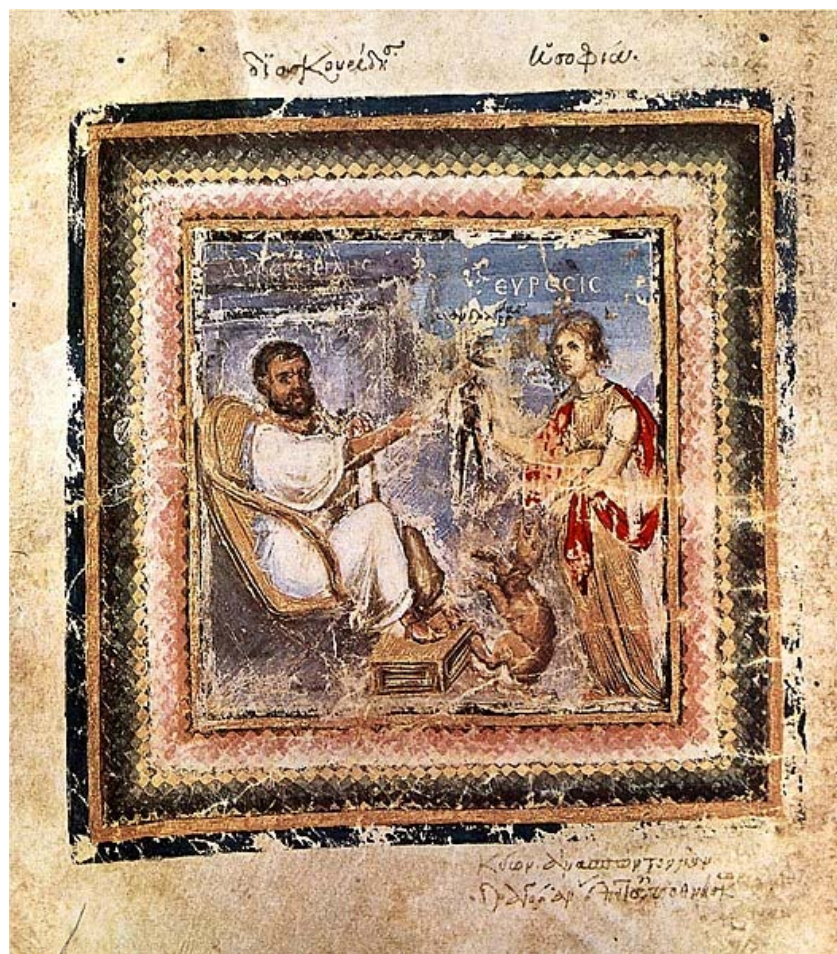
Как представляется, социальная значимость и статус рассматриваемой группы людей в римском обществе I–V веков, в целом, были невысокими (несмотря на проводимую политику Юлием и Веспасианом). Причина этого состояла не только в том, что римляне не считали медицину наукой и не смогли ее принять, но и в том, что те, кто был связан с врачеванием, как правило, были ино-го происхождения и не обладали гражданскими правами. Случаи получения ими гражданства и привилегий хотя и имели место, но были редки; и это было, скорее, не нормой, а исключением из общего правила. К такой ситуации возможно «применить» понятие ранней формы греческого национализма, сформировавшегося еще в V веке до н.э. (в период греко-персидских войн) и существовавшего в качестве идеологии. Но эта форма национализма, перенесенного на римскую почву, приобретает иное качество, представляя собой синтез греческих составляющих (этнической и гражданской) и римской, выразившейся в неприятии (ксенофобии) к тем, кто был связан с врачеванием.

¹ См.: Петрова (2013). С. 679–681; Ведешкин (2018). С. 301–307; Петрова (2019). С. 263–284.

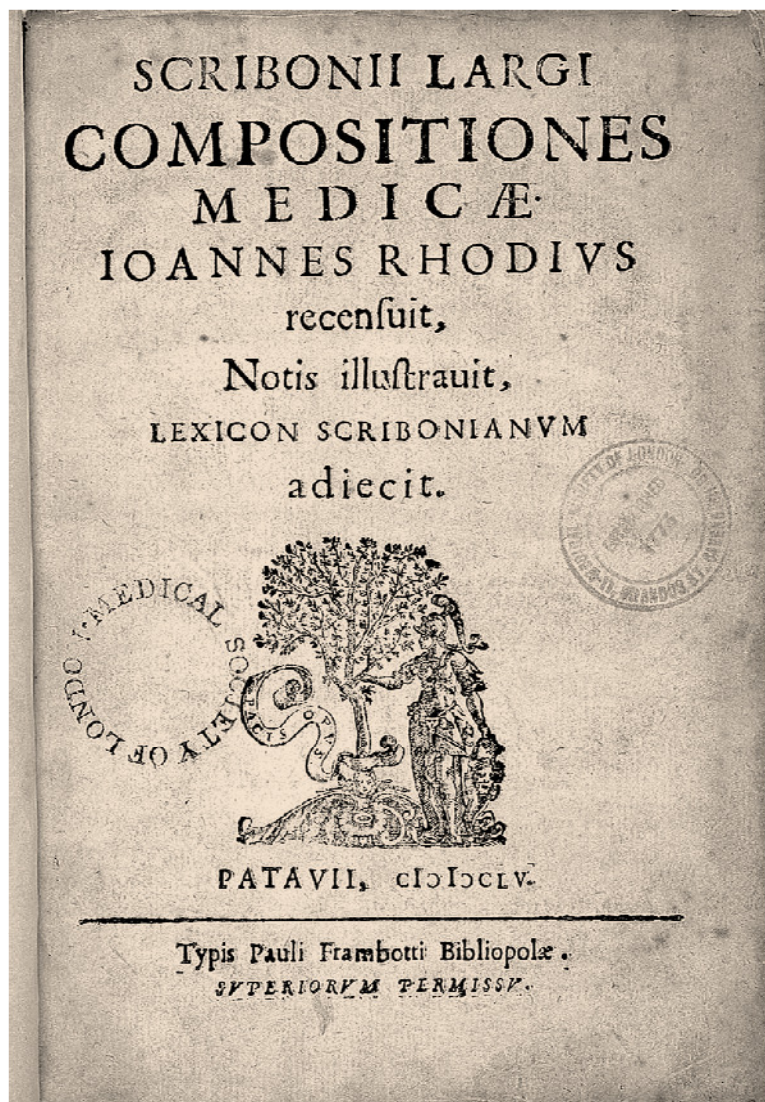
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1.
Антоний Муса.

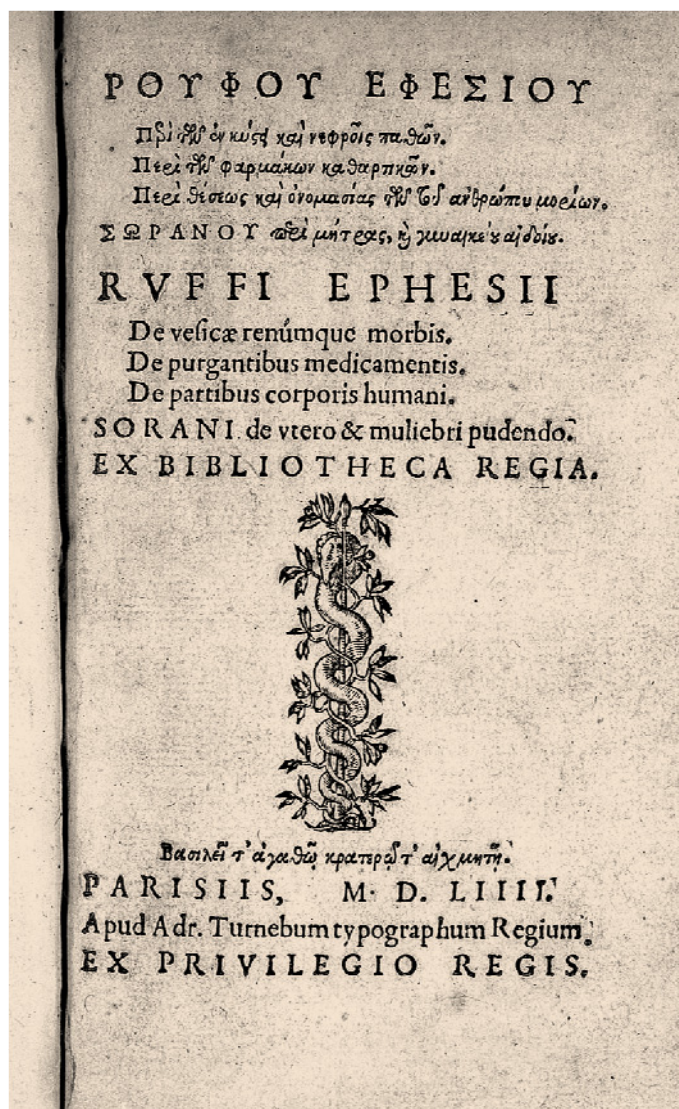

Илл. 2.
Венский Диоскорид. Портреты авторов.

Илл. 3.

Титульный лист сочинения Скрибония Ларга
Compositiones medicae (издание 1655 года).

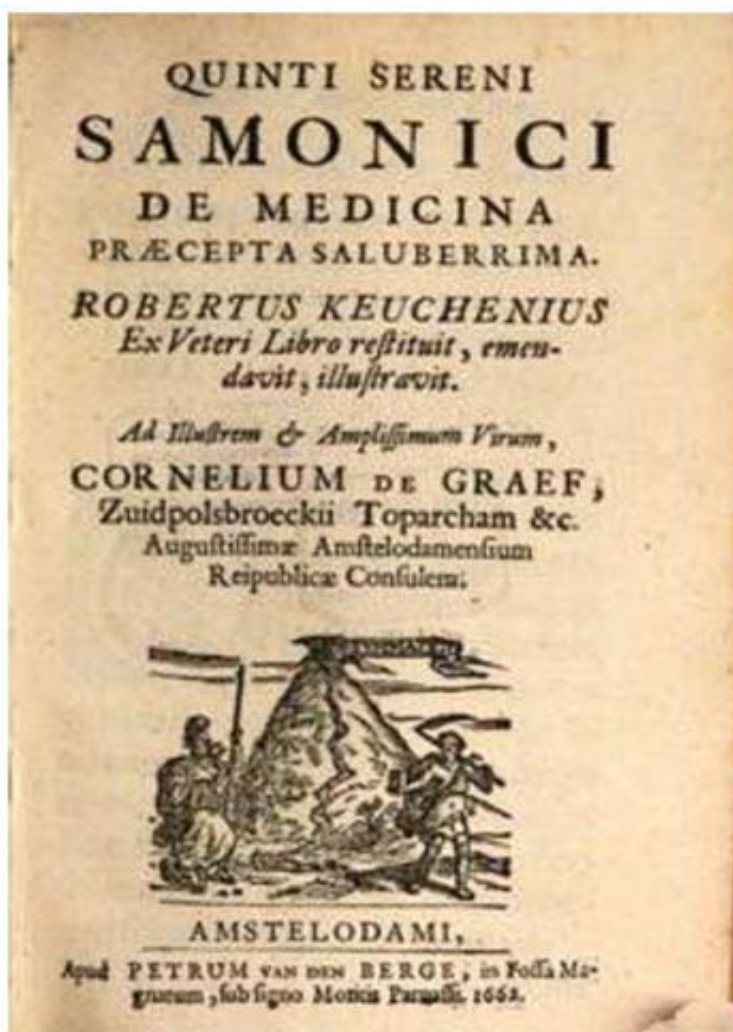

Илл. 4.

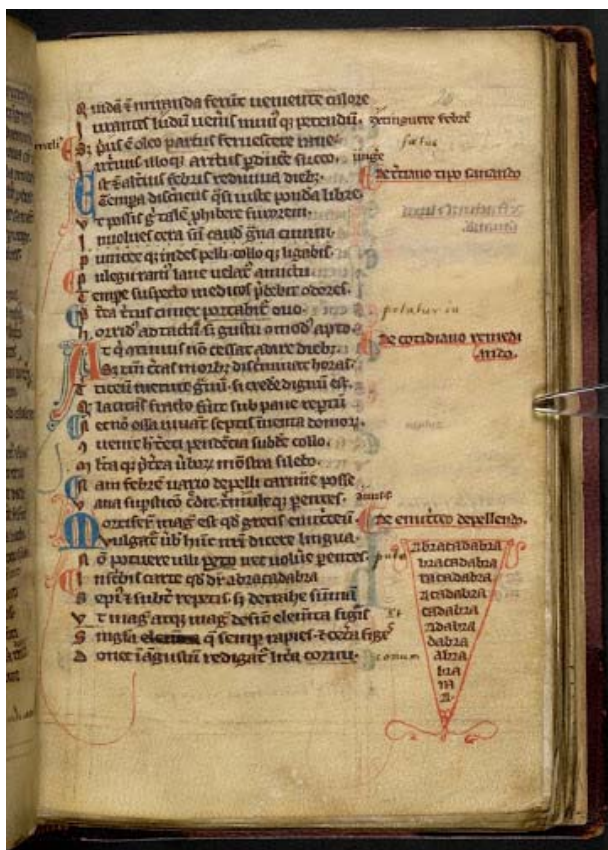
Титульный лист сочинений Руфа Эфесского (издание 1554 г.).

Илл. 5.
Гален. Гравюра Георга Пауля Буша (? –1756).

Илл. 6.
Титульный лист издания Квинта Серена Саммоника
De medicina...

Илл. 7-8.

Страница средневекового манускрипта с изображением треугольной формулы "Abracadabra".

Илл. 9.

Диомид. Фреска в монастыре Хиландар (Афон, Греция), XIX век.
Неизвестный автор.

Материал поступил в редакцию 9.03.2022

*Материал поступил в редакцию
после рецензирования 15.03.2022*

БИБЛИОГРАФИЯ

Оригинальные тексты см. в электронных базах данных: Packard Humanities Institute Latin Library texts [PHI 5, CD-ROM edition]; Thesaurus Linguae Graecae [TLG] или в открытом доступе в сети Интернет (<http://stephanus.tlg.uci.edu>); Patrologia Latina [PL, CD-ROM edition] или в открытом доступе в сети Интернет (<http://patristica.net/latina/#t069>); Corpus Inscriptionum Latinaram (CIL) — <https://arachne.uni-koeln.de/drupal/?q=en/node/291> (январь, 2022); Word Doctors, Resources in Ancient Medicine — <https://worddoctors.org/texts-and-translations/> (январь, 2022). Оригинальные тексты, их переводы на русский, английский и др. языки см. по имени издателя, переводчика и времени их выхода в свет в открытом доступе сети Интернет.

Becquet, T. (1964) “Diomede”, *Bibliotheca Sanctorum*, 4. Rome: Pontificia Università Lateranense, 1961–, cols. 629-630.

Capitani, U. (1972) “Celso, Scribonio Largo, Plinio il Vecchio e il loro atteggiamento nei confronti della medicina popolare”, *Maia* 24, 120-140.

Champlin, E. (1981) “Serenus Sammonicus”, *Harvard Studies in Classical Philology* 85, 189-212.

Collins, M. (2000) *Medieval herbals: the illustrative traditions*. Toronto: University of Toronto Press.

Davies, P.V. (1969) “Introduction”, *Macrobius, The Saturnalia* / tr. by Percival Vaughan Davies. New-York – London: Columbia University Press.

Dezobry, Ch. (1875) *Rome au siècle d'Auguste, ou Voyage d'un Gaulois à Rome à l'époque du règne d'Auguste et pendant une partie du règne de Tibère*, t. 3, lettre XCIII. Les Médecins. — <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k201461b/f540.item> (январь, 2022).

Dill, S. (1899) *Roman Society in the Last Century of the Western Empire*. London: Macmillan.

Eichholz, D.E. (1951) “Galen and his Environment”, *Greece & Rome* 20.59, 60-71.

Glover, T.R. (1901) *Life and Letters in the Fourth Century*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hankinson, R.J. (2008) “The man and his work”, *The Cambridge Companion to Galen* / ed. R.J. Hankinson. Cambridge: Cambridge University Press, 1-33.

Janin, R. ed. (1953) *La géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin: Première partie, Le Siège de Constantinople et le Patriarcat oecuménique*, t. III:

- Les églises et les monastères*. Paris: De l'Institut français d'études byzantines.
- Jones, A.H.M.; Martindale, J.R.; Morris, J. eds. (1971–1980) *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Cambridge University Press, vol. I: AD 260–395; vol. II: AD 395–527.
- Langslow, D.R. (2000) *Medical Latin in the Roman Empire*. Oxford: Oxford University Press.
- Littman, R.J., Littman, M.L. (1973) “Galen and the Antonine Plague”, *The American Journal of Philology* 94.3, 243-255.
- Nairn, J.A. (1932) “Cicero and his Greek originals”, *Proceedings of the Classical Association* 29, 29-33.
- Nutton, V. (1977) “Archiatři and the Medical Profession in Antiquity”, *Papers of the British School at Rome* 45, 191-226.
- Nutton, V. (2004) *Ancient Medicine*. London and New York: Routledge.
- Oppenheim, A. (1964) *Leo, Ancient Mesopotamia. Portrait of a Dead Civilization*. Chicago – London: Univ. of Chicago Press.
- Opsomer, C., Halleux, R. (1991) “Marcellus ou le mythe empirique”, Philippe Mudry and Jackie Pigeaud, eds. *Les écoles médicales à Rome. Actes du 2ème Colloque international sur les textes médicaux latins antiques, Lausanne, septembre 1986*. Geneva: Librairie Droz.
- Prioreschi, P. ed. (1998) *A History of Medicine*, vol. III: Roman medicine. Omaha: Horatius Press.
- Robert, G. (1998) “Le Premier Médecin du Roi”, *Histoire des Sciences Médicales* XXXII.4, 373-378 — <https://www.biusante.parisdescartes.fr/sfhm/hsm/HSMx1998x032x004/HSMx1998x032x004x0373.pdf> (январь, 2022).
- Scarborough, J. (1993) “Roman Medicine to Galen”, W. Haase, H. Temporini, eds. *Rise and Decline of the Roman World*. Berlin: de Gruyter, 3-48.
- Sharpe, W.D. (1964) “Introduction to ‘Isidore of Seville’: The Medical Writings, an English Translation with an Introduction and Commentary by William D. Sharpe”, *Transactions of the American Philosophical Society*, 54.2, 1-75.
- Smith, W. ed. (1813–1893) *A Dictionary of Greek and Roman biography and mythology*, William Smith, ed. London. — https://en.wikisource.org/wiki/A_Dictionary_of_Greek_and_Roman_Antiquities (январь, 2022).
- Trouard, M.A. (1942) *Cicero's attitude towards the Greeks*. PhD thesis, Chicago.

- Van Doren, R. (1912, repr. 2018) “Dionysos”, in: *Dictionnaire d'histoire et de Géographie Ecclésiastiques*, t. 14. Paris: Letouzey et Ané. — <https://www.rhe.eu.com/en/dhge.html> (январь, 2022).
- Балалыкин, Д.А. (2014) «Гален и галенизм в истории медицины», *Гален, Сочинения*. Москва: Весть, т. 1, 11-100.
- Бекштрём, А.Г. (1899) «Неизданные отрывки Руфа Эфесского», *Журнал Министерства народного просвещения* V, 121-132.
- Библия, Евангелие от Марка. — <https://bible.by/new-testament/> (январь, 2022).
- Ведешкин, М.А. (2018) «Социально-правовой статус врача в Поздней Римской империи», *История медицины* 4, 301-307.
- Гаспаров, М.Л. (1964) «Новая зарубежная литература о Таците и Светонии», *Вестник древней истории* 1, 176-191.
- Ковнер, С. (1893) *История средневековой медицины*, вып. IX. Тип. Императорского университета св. Владимира, 1893.
- Крюкова, А.Н. (2007) «Диомид», *Православная энциклопедия*, т. 15. Москва: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия». — <http://www.pravenc.ru/text/178291.html> (январь, 2022).
- Мелик-Гайказян, И.В., Мещерякова, Т.В. (2015) «Клятва Гипократа: трансформация семантики и возрождение прагматики», *СХОИИ* 9.1, 35-44.
- Микиртичан, Г.Л., Джарман, О.А. (2015) «Соран Эфесский как античный римский врач и “первый педиатр”», *Cursor Mundi: Человек Античности, Средневековья и Возрождения* 7, 73-87. — <https://cyberleninka.ru/article/n/soran-efesskiy-kak-antichnyy-rimskiy-vrach-i-pervyy-pediatr/viewer> (январь, 2022).
- Никишин, В.О. (2011) «Цицерон и греки», *Studia historica* 11, 167-189. — <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1366182796> (январь, 2022).
- Никишин, В.О. (2017) «Место и роль эллинистической культуры в гуманитарной концепции Цицерона», *Hypothekai* 1, 107-129. — <https://www.readcube.com/articles/10.32880%2F2587-7127-2017-1-1-106-128> (январь, 2022).
- Оппенгейм, А.Л. (1990) *Древняя Месопотамия: Портрет погибшей цивилизации* / пер. с англ. М.Н. Ботвинника, послесл. М.А. Дандамаева. Москва: Наука. — https://www.history.vuzlib.su/book_o014_page_32.html ; https://royallib.com/read/oppenheyam_a/drevnyaya_mesopotamiya_portret_pogibshey_tsivilizatsii.html#0 (январь, 2022).

- Петрова, М.С. (2004) *Просопография как специальная историческая дисциплина на примере авторов Поздней Античности (Макробий Феодосий и Марциан Капелла)*. СПб.: Алетейя.
- Петрова, М.С. (2013) «Медики и риторы», *Макробий Феодосий, Сатурналии* / пер. В.Т. Звиревича, изд. подг. М.С. Петровой. Москва: Кругъ, 679-681.
- Петрова, М.С. (2013) «Просопография», *Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь* / отв. ред. акад. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 417-419.
- Петрова, М.С. (2019) «О формировании общественных отношений в Римской империи (I–V вв.) в ракурсе проблемного поля биоэтики: врачи и умельцы; наставники и учителя», *Социально-гуманитарное познание: методологические и содержательные параллели* / под общ. ред. А.Г. Грехова и А.Н. Фатенкова. Москва: Аквилон, 263-284.
- Семено, А.В., Сучкова, Т.Е. (2012), «Некоторые аспекты становления института юридической ответственности врачей», *Вестник Вятского Государственного гуманитарного университета* 1/1, 80-87.
- Сорокина, Т.С. (2008) *История медицины в 2-х томах*. Москва: Академия, т. 1, ч. 2, гл. 3. — <http://www.bibliotekar.ru/423/12.htm> (январь, 2022).

ССЫЛКИ НА ИЛЛЮСТРАЦИИ

- Илл. 1. Антоний Муса. — <http://catalogue.wellcomelibrary.org/record=b1170680> ; https://wellcomeimages.org/indexplus/obf_images/51/13/6d72ea52f8a700320a145d1f3963.jpg ; сайт: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Antonius_Musa._Bistre_wash_with_pencil_underdrawing._Wellcome_V0004186.jpg . Доступ по: [Creative Commons Attribution 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
- Илл. 2. Портреты авторов из Венского Диоскорида. — <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:ViennaDioscoridesAuthorPortrait.jpg> ; https://commons.wikimedia.org/wiki/Commons:Copyright_tags/Country-specific_tags#United_States_of_America . Общественное достояние.
- Илл. 3. Титульный лист сочинения Скрибония Лапра *Compositiones medicae* (издание 1655 года). — https://fr.wikipedia.org/wiki/Scribonius_Largus#/media/Fichier:Scribonius_Largus._Compositiones._1655_Wellcome_L0023699.jpg ; Gallery https://wellcomeimages.org/indexplus/obf_images/b3/0f/64e6bdb979c9a1010d1b40c4f693.jpg ; <https://wellcomeimages.org/indexplus/image/L0023699.html> ; Wellcome

- Collection gallery (2018-04-02): <https://wellcomecollection.org/works/dwu4cdy6CC-BY-4.0> . Доступ по: [Creative Commons Attribution 4.0 International](#) .
- Илл. 4. Титульный лист сочинений Руфа Эфесского (издание 1554 г.). — https://wellcomeimages.org/indexplus/obf_images/60/e5/cecb31726c88ceaa9ccf2d9d7d45.jpg Gallery: <https://wellcomeimages.org/indexplus/image/L0016478.html> ; [https://fr.wikipedia.org/wiki/Rufus_\(m%C3%A9decin\)#/media/Fichier:Rufus_Ephesius_%22De_vesicae...%22_1554;title_page_Wellcome_L0016478.jpg](https://fr.wikipedia.org/wiki/Rufus_(m%C3%A9decin)#/media/Fichier:Rufus_Ephesius_%22De_vesicae...%22_1554;title_page_Wellcome_L0016478.jpg) . Номер фотографии: L0016478. Полная библиографическая запись: <http://catalogue.wellcomelibrary.org/record=b1456894> ; https://wellcomeimages.org/indexplus/obf_images/60/e5/cecb31726c88ceaa9ccf2d9d7d45.jpg . Галерея: <https://wellcomeimages.org/indexplus/image/L0016478.html> . Доступ по: [Creative Commons Attribution 4.0 International](#) .
- Илл. 5. Гален. Гравюра Георга Пауля Буша (? –1756). — <https://en.wikipedia.org/wiki/Galen#/media/File:Galenus.jpg> ; <https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736%2812%2960846-0/fulltext> . Общественное достояние.
- Илл. 6. Титульный лист издания Квинта Серена Саммоника *De Medicina Praecepta Saluberrima* — <https://nonsonoipocondriaco.wordpress.com/2018/10/05/abracadabra/> .
- Илл. 7-8. Страница средневекового манускрипта с изображением треугольной формулы “Abracadabra” (Британская библиотека). — https://en.wikipedia.org/wiki/Serenus_Sammonicus#/media/File:.png . Доступ по: [Creative Commons Attribution-Share Alike 3.0 Unported license](#) (Il Dottore); <https://nonsonoipocondriaco.wordpress.com/2018/10/05/abracadabra/> ; <https://artsandculture.google.com/entity/m04mrp4?hl=ru> ; <https://oddathenaem.com/abracadabra/>
- Илл. 9. Диомид. Фреска в монастыре Хиландар (Афон, Греция), XIX в. Неизвестный автор. — <http://www.onk.ns.ac.rs/archive/Vol13/V13n2cp.htm> . Общественное достояние.

Maya S. PETROVA
ON MEDICINE, PHYSICIANS, AND HEALERS
IN ANCIENT ROME

The paper discusses the issue of the attitude towards medicine, physicians, and healers in Ancient Rome (1st – 5th centuries) based on ancient texts (Juv. Sat., Plin. Nat. Hist., Mart. Ep., etc.). It is shown that the profession of physician in Rome did not immediately receive recognition. The reasons for this are revealed: first, Romans did not consider medicine an art (science), and second, those who were associated with medicine were not Romans by origin and did not initially have civil rights. The collective biography of the Roman physician is reconstructed; it is based on the surviving testimonies about Anthonius Musa, Sextius Niger, Scribonius Largus, Rufus of Ephesus, Galen, Serenus Sammonicus, Theodorus Priscianus, Adamantius, Marcellus Empiricus, and others. Information about their origin, names and nicknames, positions, social status, duties and rights, features of professional activity, subject and content of their medical texts is taken into account. Some provisions of the collective biography are as follows: 1) Roman physicians and people associated with medicine initially had the status of a slave; 2) As a rule, they received education either in Alexandria, or in special medical schools and temples-hospitals, or from famous teachers; 3) Some physicians were at emperors' courts, had high titles, positions and privileges; 4) For the most part, physicians authored works written mainly in Greek, but also in Arabic and Latin; 5) The interests of physicians were connected with natural philosophy, medicine itself (theoretical and practical) and its fields, for example, physiology and pharmacology, as well as biology (botany); 6) In addition to medical practice, physicians' occupations included teaching, mentoring, and sharing experience; collecting prescriptions and antidotes, inventing medical drugs; 7) The career of a physician (especially at the court of an emperor) could not always be successful. He could be expelled, forced to flee to a foreign country, or murdered.

REFERENCES

- Balalykin, D.A. (2014) "Galen i galenizm v istorii mediciny", *Galen, Sochinenija*. Moskva: Vest', t. 1, 11-100.
- Becquet, T. (1964) "Diomede", *Bibliotheca Sanctorum*, 4. Rome: Pontificia Università Lateranense, 1961–, cols. 629-630.
- Bekshtram, A.G. (1899) "Neizdannye otryvki Rufa Jefesskogo", *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvjashhenija* V, 121-132.
- Biblija, Evangelie ot Marka. — <https://bible.by/new-testament/> (janvar', 2022).
- Capitani, U. (1972) "Celso, Scribonio Largo, Plinio il Vecchio e il loro atteggiamento nei confronti della medicina popolare", *Maia* 24, 120-140.
- Champlin, E. (1981) "Serenus Sammonicus", *Harvard Studies in Classical Philology* 85, 189-212.
- Collins, M. (2000) *Medieval herbals: the illustrative traditions*. Toronto: University of Toronto Press.
- Davies, P.V. (1969) "Introduction", *Macrobius, The Saturnalia* / tr. by Percival Vaughan Davies. New-York – London: Columbia University Press.
- Dezobry, Ch. (1875) *Rome au siècle d'Auguste, ou Voyage d'un Gaulois à Rome à l'époque du règne d'Auguste et pendant une partie du règne de Tibère*, t. 3, lettre XCIII. Les Médecins. — <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k201461b/f540.item> (janvar', 2022).
- Dill, S. (1899) *Roman Society in the Last Century of the Western Empire*. London: Macmillan.
- Eichholz, D.E. (1951) "Galen and his Environment", *Greece & Rome* 20.59, 60-71.
- Gasparov, M.L. (1964) "Novaja zarubezhnaja literatura o Tacite i Svetonii", *Vestnik drevnej istorii* 1, 176-191.
- Glover, T.R. (1901) *Life and Letters in the Fourth Century*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hankinson, R.J. (2008) "The man and his work", *The Cambridge Companion to Galen* / ed. R.J. Hankinson. Cambridge: Cambridge University Press, 1-33.
- Janin, R. ed. (1953) *La géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin: Première partie, Le Siège de Constantinople et le Patriarcat oecuménique*, t. III: *Les églises et les monastères*. Paris: De l'Institut français d'études byzantines.

- Jones, A.H.M; Martindale, J.R.; Morris, J. eds. (1971–1980) *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Cambridge University Press, vol. I: AD 260–395; vol. II: AD 395–527.
- Kovner, S. (1893) *Istorija srednevekovoj mediciny*, вып. IX. Тип. Imperatorskogo universiteta sv. Vladimira, 1893.
- Krjukova, A.N. (2007) “Diomid”, *Pravoslavnaia jenciklopedija*, t. 15. Moskva: Cerkovno-nauchnyj centr “Pravoslavnaia Jenciklopedija”. — <http://www.pravenc.ru/text/178291.html> (janvar', 2022).
- Langslow, D.R. (2000) *Medical Latin in the Roman Empire*. Oxford: Oxford University Press.
- Littman, R.J., Littman, M.L. (1973) “Galen and the Antonine Plague”, *The American Journal of Philology* 94.3, 243-255.
- Melik-Gajkazjan, I.V., Meshherjakova, T.V. (2015) “Kljatva Gippokrata: transformacija semantiki i vozrozhdenie pragmatiki”, *ΣΧΟΛΗ* 9.1, 35-44.
- Mikirtichan, G.L., Dzharman, O.A. (2015) “Soran Jefesskij kak antichnyj rimskij vrach i ‘pervyj pediater’”, *Cursor Mundi: Chelovek Antichnosti, Srednevekov'ja i Vozrozhdenija* 7, 73-87. — <https://cyberleninka.ru/article/n/soran-efesskiy-kak-antichnyy-rimskiy-vrach-i-pervyy-pediater/viewer> (janvar', 2022).
- Nairn, J.A. (1932) “Cicero and his Greek originals”, *Proceedings of the Classical Association* 29, 29-33.
- Nikishin, V.O. (2011) “Ciceron i greki”, *Studia historica* 11, 167-189. — <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1366182796> (janv., 2022).
- Nikishin, V.O. (2017) “Mesto i rol' jellinisticheskoy kul'tury v gu-manitarnoy koncepcii Cicerona”, *Hypothekai* 1, 107-129. — <https://www.readcube.com/articles/10.32880%2F2587-7127-2017-1-1-106-128> (janv., 2022).
- Nutton, V. (1977) “Archiatry and the Medical Profession in Antiquity”, *Papers of the British School at Rome* 45, 191-226.
- Nutton, V. (2004) *Ancient Medicine*. London and New York: Routledge.
- Oppenheim, A. (1964) *Leo, Ancient Mesopotamia. Portrait of a Dead Civilization*. Chicago – London: Univ. of Chicago Press.
- Oppenhejm, A.L. (1990) *Drevnjaja Mesopotamija: Portret pogibshej civilizacii* / per. s angl. M.N. Botvinnika, poslesl. M.A. Dandamaeva. Moskva: Nauka. — https://www.history.vuzlib.su/book_o014_page

- [32.html](#) ; https://royallib.com/read/oppenheym_a/drevnyaya_mesopo_tamiya_portret_pogibshey_tsivilizatsii.html#0 (janv., 2022).
- Opsomer, C., Halleux, R. (1991) “Marcellus ou le mythe empirique”, Philippe Mudry and Jackie Pigeaud, eds. *Les écoles médicales à Rome. Actes du 2ème Colloque international sur les textes médicaux latins antiques, Lausanne, septembre 1986*. Geneva: Librairie Droz.
- Petrova, M.S. (2004) *Prosopografija kak special'naja istoricheskaja disciplina na primere avtorov Pozdnej Antichnosti (Makrobij Feodosij i Marcian Kapella)*. SPb.: Aletejja.
- Petrova, M.S. (2013) “Mediki i ritory”, *Makrobij Feodosij, Saturnalii* / per. V.T. Zvirevicha, izd. podg. M.S. Petrovoj. Moskva: Krug#, 679-681.
- Petrova, M.S. (2013) “Prosopografija”, *Teorija i metodologija istoricheskoi nauki. Terminologicheskij slovar'* / otv. red. akad. A.O. Chubar'jan. M.: Nauka, 417-419.
- Petrova, M.S. (2019) “O formirovanii obshhestvennyh otnoshenij v Rimskoj imperii (I–V vv.) v raketse problemnogo polja biojetiki: vrachi i umel'cy; nastavniki i uchitelja”, *Social'nogumanitarnoe poznanie: metodologicheskie i sodержatel'nye paralleli* / pod obshh. red. A.G. Grehova i A.N. Fatenkova. Moskva: Akvilon, 263-284.
- Prioreschi, P. ed. (1998) *A History of Medicine*, vol. III: Roman medicine. Omaha: Horatius Press.
- Robert, G. (1998) “Le Premier Médecin du Roi”, *Histoire des Sciences Médicales XXXII.4*, 373-378 — <https://www.biusante.parisdescartes.fr/sfhm/hsm/HSMx1998x032x004/HSMx1998x032x004x0373.pdf> (janvar', 2022).
- Scarborough, J. (1993) “Roman Medicine to Galen”, W. Haase, H. Temporini, eds. *Rise and Decline of the Roman World*. Berlin: de Gruyter, 3-48.
- Semenov, A.V., Suchkova, T.E. (2012), “Nekotorye aspekty stanovlenija instituta juridicheskoi otvetstvennosti vrachej”, *Vestnik Vjatskogo Gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* 1/1, 80-87.
- Sharpe, W.D. (1964) “Introduction to ‘Isidore of Seville’: The Medical Writings, an English Translation with an Introduction and Commentary by William D. Sharpe”, *Transactions of the American Philosophical Society*, 54.2, 1-75.
- Smith, W. ed. (1813–1893) *A Dictionary of Greek and Roman biography and mythology*, William Smith, ed. London. — https://en.wikisource.org/wiki/A_Dictionary_of_Greek_and_Roman_Antiquities (janvar', 2022).

- Sorokina, T.S. (2008) *Istorija mediciny v 2-h tomah*. Moskva: Akademija, t. 1, ch. 2, gl. 3. — <http://www.bibliotekar.ru/423/12.htm> (janvar', 2022).
- Trouard, M.A. (1942) *Cicero's attitude towards the Greeks*. PhD thesis, Chicago.
- Van Doren, R. (1912, repr. 2018) “Diomède”, *Dictionnaire d'histoire et de Géographie Ecclésiastiques*, t. 14. Paris: Letouzey et Ané. — <https://www.rhe.eu.com/en/dhge.html> (janvar', 2022).
- Vedeshkin, M.A. (2018) “Social'nopravovoj status vracha v Pozdnej Rimskoj imperii”, *Istorija mediciny* 4, 301-307.

ХИРОН КАК НАСТАВНИК В МЕДИЦИНЕ АХИЛЛЕСА И АСКЛЕПИЯ

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МИССИЯ
ГОРОДСКОГО КЕНТАВРА *

В.К. ПИЧУГИНА

В статье осуществлен историко-педагогический анализ образов Хирона — кентавра, посвятившего существенную часть жизни педагогической деятельности. Среди обширного перечня знаний, умений и навыков, которыми обладал и которые передавал Хирон своим многочисленным ученикам, выделяются три сферы, связанные с обучением: 1) ведению боя, отнятию жизни, 2) медицине, возвращению жизни — искусству врачевания, обратному воинскому, 3) специальным навыкам, например, игре на музыкальных инструментах или распознаванию очертаний созвездий. Нами сопоставлены текстовая традиция и визуальная традиция (изображения на керамике VI–V вв. до н.э.), представлявшие ученические пути Ахиллеса и Асклепия, для которых Хирон сделал медицинское знание значимой частью учебной программы. Ахиллес и Асклепий были учениками, которые попали к Хирону в младенческом возрасте и получили в его лице наставника-кормилицу. Асклепий являлся замечательным учеником, который существенно преуспел в медицине, но Ахиллес, все же, являлся самым одаренным учеником кентавра и, вероятно, самым близким для него, не только по родству, но и по духу. Сопоставление сюже-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 18–78–10001–П. — <https://rscf.ru/project/18-78-10001/> (март, 2022).

тов об обучении и воспитании Хироном Ахиллеса и Асклепия позволяет увидеть, что в античной традиции Хирон предстает как городской кентавр. В отличие от других кентавров, его двойственная природа подчинена человеческому началу: в отличие от сородичей, он мудр, не агрессивен, исцеляет людей и устраивает их дела, разрабатывает для учеников уникальные учебные планы и воспитывает их вне города, но для города. Именно поэтому Хирон как наставник в вазописии всегда изображается с доброжелательным лицом и вне помещения; он наполовину одет в хитон и его передние ноги не заканчиваются копытами, это ноги человека. Своеобразие организованной им школы на горе Пелион проявляется в том, что обучение и воспитание на лоне природы призвано подготовить ученика к жизни в городе и деятельности на благо городу.

Искуснейшими врачами стали бы те, кто начиная с малолетства кроме изучения своей науки имел бы дело по возможности с большим числом совсем безнадежных больных, да и сам перенес бы всякие болезни и от природы был бы не слишком здоровым. Ведь лечат, по-моему, не телом тело — иначе было бы недопустимо плохое телесное состояние самого врача, — нет, лечат тело душой, а ею невозможно хорошо лечить, если она у врача плохая или стала такой.

(Pl. Resp.408d; пер. А.Н. Егунова)

Хирон как городской кентавр и наставник для героя

В античной педагогической традиции Хирон был наставником, известным как своим мастерством, так и своими учениками. Согласно Гесиоду, учениками Хирона были Ахиллес, Ясон, сын Ясона и Медеи Медей, Актеон; согласно Пиндару — Асклепий, Ахиллес и Ясон; согласно Еврипиду — Ахиллес и Гиппа (дочь Хирона); согласно Ксенофонт — Тесей и Ипполит, Асклепий и два его сына Подалир и Махаон, Пелей и Ахиллес¹. Единого и непротиворечивого списка тех, кто «учен уроками Хирона» (Pind.

¹ Традиция сохранила сведения и о том, что учениками Хирона были Орфей, Кастор и Полидевк.

*Pyth.*4; пер. М.Л. Гаспарова), не существует. Но А.-И. Марру обращает внимание, что у Ксенофонт самый обширный из списков, указывающий на двадцать одного ученика Хирона¹. Далее я буду часто обращаться к книге Дж. Грегори «Путь Хирона: обучение юношества у Гомера и в трагедиях» (2019 г.)², поскольку ее автор стала Ксенофонтом нашего времени, собрав наиболее полные сведения об учениках Хирона и способах их обучения.

Хирон — «первый учитель, засвидетельствованный в древнегреческой литературной традиции», получивший «монополию на воспитание героев» и дававший им «элитное индивидуальное образование (профессиональное, социальное и этическое)»³. Каждому из учеников кроме общей программы, включающей бег, схватку с мечом, стрельбу из лука, Хирон подбирал наиболее подходящую науку. Так, согласно Пиндару, предводителя аргонавтов Ясона Хирон учил распознавать очертания созвездий, а Асклепия научил⁴ «кротким законам зелий» (*Pind. Nem.*3; пер. М.Л. Гаспарова).

Вероятно, особенности разных программ для героев были отражены в сборнике наставлений для юношества под названием «*Nypothekai*», который приписывают Хирону и который, вероятно, во многих отношениях был похож на «*Theognidea*» — самый известный из существующих сборников советов по воспитанию аристократической молодежи. Дж. Грегори дает такую оценку педагогической деятельности Хирона: «Кентавр делает все возможное, чтобы поощрять естественные наклонности каждого ученика, прививая всем им традиционные принципы морали и правила поведения. Однако каждый ученик привносит в обучение тенденции, которые Хирон бессилен изменить; соответственно, педагогические усилия кентавра увенчивались переменным успехом»⁵. И речь шла не только об изменении характера учеников⁶, но и о приучении

¹ Марру (1998). С. 25.

² Gregory (2019).

³ Gregory (2019). Р. 27;28.

⁴ Согласно другой версии, Асклепий получил медицинские знания непосредственно от своего отца Аполлона.

⁵ Gregory (2019). Р. 43.

⁶ Хирону было не под силу отучить Ахиллеса в порыве гнева совершать поступки, меняющие судьбы окружающих; склонность Геракла

правильно использовать полученные знания¹.

Хирон, с одной стороны, живет в пещере на горе Пелион, воспитывая учеников на лоне природы, а с другой — предстает как очень городской кентавр. Он постоянно участвует в делах «великих и славных», появляясь в эпицентре культурной и политической жизни своей эпохи. Попробуем пояснить это с опорой на фрагменты из трагедий Еврипида. Трагичность действия «Ифигении в Авлиде» связана с тем, что Агамемнон распространил ложное известие о скором браке своей дочери Ифигении и Ахиллеса, чтобы принести ее в жертву во имя успешности троянского похода. В диалог Клитемнестры и Агамемнона о достоинствах Ахиллеса как зятя, включено краткое обсуждение его семьи и значимости Хирона для всех ее членов. Обсуждение начинается с вопроса Клитемнестры о том, где был заключен брак Пелея и Фетиды:

Агамемнон: Где жил Хирон — в ущельях Пелиона.

Клитемнестра: И где живут кентавры, по преданью?

Агамемнон: Да; среди богов там пировал Пелей.

Клитемнестра: А кем же был воспитан сын Фетиды?

Агамемнон: Хироном, от соблазнов вдалеке.

Клитемнестра: О, мудреца не выберет немудрый.

Агамемнон: Так вот он, зять наш будущий, каков...

Клитемнестра: Завидный, да...<...>

(Eur. *IA*.704-712; пер. И. Анненского)

Пелей доверил сына кентавру, чтобы тот удерживал его на безопасном расстоянии от дурного влияния², то есть выполнил возложенную на него педагогическую миссию, о которой столь высоко отзывается Гекуба в одноименной трагедии Еврипида, противопоставляя образование сельскохозяйственному циклу:

к насилию оказались бессильны изменить все окружающие его, и Хирон явился не исключением.

¹ Пример с Асклепием, на который мы укажем ниже, является наиболее показательным.

² В оригинале, речь в данном фрагменте идет именно о том, чтобы Ахиллес «не научился повадкам злых людей».

Если нива
С бесплодною землею орошена
И вовремя согрета небом, может
Она родить сторицей. А другие,
И тучные порой, неурожай
Постигнет от погоды. Между смертных
Совсем не то. Порочный только злым
И может быть. А добрый — только добрым:
Несчастья не властны извратить
Природный дар. Ну, а заслуга чья же?
Родивших ли, иль тех, кто воспитал?
О, воспитанье много значит. Если
Кто обучен прекрасному, того
Не увлечет постыдное: имеет
Он образец в прекрасном.

(Eur. *Нес.* 592-603; пер. И. Анненского)

Острота противопоставления природного и приобретенного благодаря воспитанию в конце речи Гекубы смягчается, и она постулирует, что образование позволяет привить благородство. Агамемнон, рассказывая Клитемнестре об образовательном пути Ахиллеса, подчеркивает объединение его природного благородства и благородства, приобретенного благодаря наставлениям Хирона¹.

В одном из монологов, обращенном к Клитемнестре (Eur. *IA*. 917-976), Ахиллес вспоминает своего наставника Хирона и дает оценку обучению у него: «На высях гор благочестивый муж / Меня взрастил в немом повиновенье, / И я умею слушаться» (Eur. *IA*. 925-27; пер. И. Анненского). Ахиллес говорит Клитемнестре, что особенности его воспитания диктуют ему линию поведения: если Агамемнон будет поступать благородно, Ахиллес подчинится ему, но если нет — то будет сопротивляться, проявляя строптивый характер. Еврипид не просто «сопоставляет своего собственного Ахиллеса с его гомеровским прототипом, приписывая учению Хи-

¹ Показательно, что Агамемнон говорит жене, что ни Фетида, ни Пелей не воспитывали Ахиллеса; этим занимался именно Хирон. Тем самым, Еврипид вносит свой вклад в и без того противоречивую оценку роли матери в воспитании Ахиллеса.

рона то, что в “Илиаде” кажется укоренившейся чертой характера¹, но и превращает оппозицию воспитание на природе / воспитание в городе в практику воспитания на природе для города. Хирон до определенного возраста воспитывает «маленького дикаря»², который охотится и приобретает все необходимые воину навыки, а затем превращает его в отважного героя троянского похода. Очевидно, что Хирон — городской кентавр, поскольку его методы воспитания готовят ученика именно к жизни в городе; в противном случае, Ахиллес и другие ученики Хирона стали бы Маугли, которые были бы совершенно не способны жить в городских джунглях.

Именно поэтому античные авторы склонны указывать на двойственную природу кентавра, отделяя его от сородичей, относя к полубожественным / получеловеческим существам и называя «дружелюбный» (Hom. *Il.* IV.219; пер. Н. Гнедича), «благочестивый муж» (Eur. *IA.* 926; пер. И. Анненского), «премудрый» (Pl. *Resp.* 391c; пер. А.Н. Егунова) и даже «частью — Бога, частью — коня, с родителем схожего сына» (Ap. Rhod. *Argon.* 1232-33; пер. Н.А. Чистяковой). Отдельно стоит обратить внимание на умение кентавра смеяться «из-под добрых бровей» (Pind. *Pyth.* 9.28; пер. М.Л. Гаспарова), которое широко обсуждалось переводчиками и комментаторами³. Хирон отличался от своих сородичей не только характером, но и желанием посвятить существенную часть своей жизни педагогической деятельности; за все это Хирона можно назвать «антикентавром»⁴. Далее в статье, анализируя и сопоставляя текстовую и визуальную традиции (изображения на керамике VI–V вв. до н.э.), я укажу на способы изображения Хирона, позволяющие называть его городским кентавром. Поскольку все изображения невозможно поместить в статью, я буду указывать ссылки на электронные коллекции, чтобы читатель мог легко обратиться к интересующему его сюжету.

Отметим, что среди учеников Хирона особенно выделялись Ахиллес и Асклепий. Это были единственные ученики кентавра, которых он обучал и воспитывал с самого рождения. Среди об-

¹ Gregory (2019). P. 55;56.

² Robertson (1940). P. 179.

³ Francis (1972). P. 288-291.

⁴ Gregory (2019). P. 27.

ширного перечня знаний, умений и навыков, которыми обладал и которые передавал мудрый Хирон ученикам, выделяются три сферы, связанные с обучением: 1) ведению боя, отнятию жизни, 2) медицине, возвращению жизни — искусству, обратному воинскому, 3) специальным навыкам, например, игре на музыкальных инструментах или распознаванию очертания созвездий. Медицинское знание было значимой частью их учебной программы, несмотря на то, что один из них преуспел в медицине больше, а другой меньше. Прежде чем перейти именно к обучению медицине, обратим внимание на особенности Хирона как наставника-няни для маленьких Ахиллеса и Асклепия.

По одной из версий, после того как Фетида родила Ахиллеса, Пелей сразу принес сына к кентавру Хирону и передал ему младенца на воспитание (Apollod. *Bibl.* III.13.6). По другой версии, Фетида находится во дворце Пелея, когда Ахиллес растет, а вскармливанием маленького Ахиллеса занимался Феникс¹. У Гомера обе версии соединяются, но приоритет отдан второй: к Ахиллесу с ранних лет был приставлен воспитатель Феникс (Hom. *Il.* IX.438-445; IX.485-495), но при этом некоторое время находился на воспитании у Хирона (Hom. *Il.* XI.832), и мать не была исключена из процесса воспитания сына (Hom. *Il.* I.396-398), о чем она сама и сообщает (Hom. *Il.* XVIII. 55-60). Вазопись говорит нам о том, что обе эти традиции были известны, и потому мы видим изображения, где Хирону передают или совсем маленького, или уже юного Ахиллеса. Так, на чернофигурной ойнохойе ок. 550-500 гг. до н.э. (London, British Museum, B620) изображено как Пелей передает совсем крошечного Ахиллеса Хирону, который держит двумя руками ствол дерева на плече. На Пелея с Ахиллесом приветственно лает собака². На чернофигурной амфоре, датированной тем же пе-

¹ У Еврипида в трагедии «Ифигения в Авлиде», давая характеристику Ахиллесу, хор указывает на его ученичество у Хирона и роль Фетиды в этом процессе: «Там и повитый Фетидою, / Мудрым Кентавром взлелеянный, / Взоры Ахилл пленял, / Ветра соперник...» (Eur. *IA.*207-208; пер. И. Анненского).

² Ссылки на изображение: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/62DF58B2-CE3A-430B-9AC8-51F60EDEC8E0>; http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=398741&

приодом, Пелей несет на руках Ахиллеса, чтобы передать Хирону¹ (Paris, Musée du Louvre: F21).

Этот сюжет удивительным образом напоминает нам еще об одном ученике Хирона — Геракле. Об обучении Геракла у Хирона практически ничего не известно². Визуальная традиция их общения очень специфична: на чернофигурной вазе из Вульчи ок. 525–475 гг. до н.э. Гермес с маленьким Гераклом бежит к Хирону (Munich, Antikensammlungen, 1615)³, что соответствует популярному в первой половине V в. до н.э. сюжету о передаче Ахиллеса Хирону⁴: например, изображение на краснофигурном лекифе ок. 500–450 гг. до н.э., где Гермес передает Ахиллеса Хирону (Copenhagen, National Museum, 6328) (Илл. 1. С. 86).

Изображения такого рода иллюстрируют то, что «молодежь поступает к Хирону как в некую завершающую школу для героев» (эту школу Хирона Дж. Грегори называет «школой воина»⁵; кентавр «всегда изображается вне помещения и символизирует традиционный взгляд на образование до появления формального школьного обучения, которое проводилось в классной комнате»⁶). Этот вывод является еще одним подкреплением моего гипотетического предположения о Хироне как городском кентавре.

[partId=1&searchText=b620&from=bc&fromDate=800&to=ad&toDate=400&page=1](http://www.beazley.ox.ac.uk/record/40FB62A7-6014-4180-9CFA-EC2CA5C70006) (март, 2022).

¹ Ссылка на изображение: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/40FB62A7-6014-4180-9CFA-EC2CA5C70006> (март, 2022).

² Хирон упоминается как учитель Геракла всего в двух литературных источниках: схолиях к Феокриту и сочинении Плутарха «О “Е” в Дельфах». См. об этом: Пичугина (2022) (в печати).

³ Ссылка на изображение: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/78946389-19D6-4D67-8463-70997712FCDB> (март, 2022).

⁴ См. об этом: Пичугина, Жирнова (2021). С. 30–44.

⁵ Gregory (2019). P. 63.

⁶ Pache (2021). P. 10.

Илл. 1.
Гермес передает Ахиллеса Хирону¹.

¹ Ссылка на изображение: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/734EE0A8-6122-44B1-B74F-EB49A9079EEE> (март, 2022). Источник: <https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/0/01/Hermes bringing Achilles to Chiron Nationalmuseum 6328.jpg> Online. Accessed 03/02/2022. Wikimedia Commons / Creative Commons Attribution 4.0 International license.

Асклепий — сын Аполлона и Коронида — как (вероятно) и Ахиллес попадает к Хирону в младенческом возрасте, но его история более драматична. Когда Коронида погибает, не дожив до срока рождения своего ребенка, Аполлон вызволяет сына из ее чрева и отдает кентавру. Некоторые подробности этой истории сообщает Аполлодор:

Аполлон проклял ворона, сообщившего ему об измене Корониды, и окрасил его бывшие до этого белыми перья в черный цвет. Саму же Корониду он убил. Когда ее тело сжигали на костре, Аполлон выхватил свое дитя из огня и принес его к кентавру Хирону, который воспитал его и научил искусству врачевания и охоты.

(*Apollod. Bibl.* III.10.3; пер. В.Г. Боруховича)

Этот сюжет не присутствует на керамике, но есть изображение на краснофигурном блюде ок. 450–400 гг. до н.э. (Leuven, University, 1000), где маленького Асклепия держит на руках одна женщина (Евклея?) и рядом с ними сидит другая¹. Колонна между ними с ионической капителью намекает на отца Асклепия Аполлона и святилище, принадлежавшее обоим. По понятным причинам не приходится говорить о роли матери в воспитании Асклепия. Об Ахиллесе же Фетида заботится вплоть до его смерти. Роль Аполлона в воспитании Асклепия также нельзя сравнить с ролью Пелея.

На артефактах, где Пелей доверяет уже юного Ахиллеса кентавру Хирону часто изображается Фетида. На чернофигурной гидрии ок. 550–500 гг. до н.э. передача ученика наставнику происходит в ее присутствии (Rome, market, 302018)²: Ахиллес держит ленту, Хирон — традиционное для него дерево с зайцами, Пелей — копья, а Фетида стоит рядом с колесницей и собакой. На чернофигурном лекифе (Athens, National Museum, 550) Пелей (слева) также доверяет уже юного Ахиллеса (в центре) кентавру Хирону (справа) (Илл. 2. С. 89). Аналогичный сюжет, но с Фетидой присутствует, например, на чернофигурном лекифе (USA, private, 6905)³, где Пелей, за спи-

¹ Ссылка на изображение: http://www.beazley.ox.ac.uk/record/96EF_A24D-D411-4625-A691-839580EA7F98 (март, 2022).

² Ссылка на изображение: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/A6E97281-55D5-4685-B665-3C2659D7F4AF> (март, 2022).

³ Ссылка на изображение: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/5FF14>

ной которого стоит Фетида, передает Хирону Ахиллеса, или на краснофигурном килике (Berlin, Antikensammlung, F4220), где не присутствует Пелей, и Фетида ведет юного Ахиллеса к Хирону, который несет на плече ствол дерева¹. Все три артефакта датируются одним периодом — ок. 525–475 гг. до н.э.

Интересным для нашего исследования является сюжет, выходящий за обозначенный хронологический период, но напоминающий о сюжетах с Ахиллесом, Хироном и Пелеем. На фреске из Помпей, которая находится в Национальном археологическом музее (Неаполь, I в. н.э.), изображены Аполлон, Асклепий и Хирон (Илл. 3. С. 90).

Фреска из Помпей позволяет увидеть контраст с древнегреческой традиция изображения наставника Ахиллеса. На рассмотренной нами выше керамике Хирон, в отличие от других кентавров, не обнажен и его лицо всегда доброжелательно; передняя половина его тела одета в хитон и передние ноги не заканчиваются копытами, это ноги человека. С определенного ракурса можно увидеть на артефактах не встречу кентавра и человека, а встречу двух людей, поскольку длинное тело Хирона сразу не видно зрителю целиком, а лишь в его первой, «человеческой» части. Аполлоний Родосский следует этой же традиции изображения Хирона: прощаясь с аргонавтами, кентавр машет им рукой и стоит в морской воде не копытами, а «стопами» (Ap. Rhod. *Argon.* 1.555; пер. Н.А. Чистяковой). На фреске из Помпей мы видим Хирона как наставника Асклепия, изображенного с копытами, но с неизменным деревом в виде посоха.

646-A55D-4F31-837F-717F1BDC0AA3 (март, 2022).

¹ Ссылка на изображение: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/8CE82BFC-E237-4BC2-8AD3-D6883381210E> (март, 2022)

Илл. 2.

Пелей доверяет сына Ахиллеса кентавру Хирону¹.

¹ Ссылка на изображение: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/269D3BFB-F95F-4A17-BB9D-0F5DE4E357C8> . Источник: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/d/d3/NAMA_P%C3%A9l%C3%A9e%2C_Achille%26_Chiron.jpg Online. Accessed 27/10/2021. Wikimedia Commons / Creative Commons Attribution 3.0 Unported license.

Илл. 3.
Аполлон, Хирон и Асклепий¹.

Дж. Грегори, делает вывод о том, что Асклепий является замечательным учеником Хирона, но, Ахиллес, все же, является самым одаренным учеником кентавра². Без Хирона образовательный путь Ахиллеса был бы похож на пути других ахейских лидеров, от которых он был удален, «что вряд ли было бы подходящим для такого воина»³. Античные авторы подчеркивали, что именно Хирон научил Ахиллеса всему необычному⁴, а Феникс — обычным

¹ Источник: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Apollo_Chiron_Asclepios_MAN_Napoli_Inv8846.jpg Online. Accessed 7/03/2022. Wikimedia Commons / Creative Commons Attribution 3.0 Unported license

² Gregory (2019). P. 42;43.

³ Mackie (1997). P. 4.

⁴ Необычность Хирона как наставника, который не был человеком, не является единичным примером: «Учитель, который принадлежит к другой категории существ, чем его ученики, фигурирует в более поздних литературных традициях — наставник короля Артура Мерлин является

(=нормальным) для аристократа вещам. Но, поскольку «никто никогда не стал бы обвинять Ахилла в том, что он нормальный, по поводу некоторых его исключительных качеств мы и должны обратиться к Хирону»¹. То же самое, вероятно, справедливо и для Асклепия, образовательный путь которого без Хирона был бы совершенно иным.

Хирон как целитель и наставник в медицине

Хирон в разное время получает на воспитание двух младенцев — Ахиллеса (по одной из версий) и Асклепия — для которых нужно было изобретать способы кормления. В античной педагогической традиции эта забота, возложенная на плечи Хирона, была не совсем обычной для воспитателя мужского пола². Традиция сохранила сведения и о причастности Хирона к переименованию Ахиллеса именно в связи с особенностями его кормления: «Он стал кормить его внутренностями львов и диких кабанов и костным мозгом медведей и назвал мальчика Ахиллесом (до этого его имя было Лигирон) потому, что он не прижимал свои губы к груди кормилицы» (Apollod. *Bibl.* III.13.6; пер. В.Г. Боруховича). Вероятно, способы питания Асклепия не сильно отличались от способов питания Ахиллеса. Особенности происхождения Хирона дают ответ, почему кентавр мог быть воспитателем именно маленких детей, выступая в роли кормилицы³.

Д. Робинсон, анализируя особенности питания Ахиллеса, указывает на третью Немейскую оду Пиндара, где сообщается, что Ахиллес с шестилетнего возраста приносит Хирону туши животных не просто как охотничьи трофеи: звери еще дышали, чтобы была возможность выпить их костный мозг⁴. Есть основания пола-

средневековым примером, в то время как современные примеры включают медведя Балу, учителя Маугли в «Книге джунглей» Редьярда Киплинга...» (Gregory [2019]. P. 29).

¹ Mackie (1997). P. 5.

² Когда Пиндар описывает заботу Хирона об Ахиллесе он говорит о кентавре именно как о няне для беспомощного новорожденного (Pind. *Nem.* III.58).

³ Parker (2005). P. 426-430.

⁴ Robertson (1940). P. 179-180.

гать, что Пиндар сообщает нам о воспитательной практике (Pind. *Nem.* 3.45-50), которая была одновременно частью военной подготовки и медицинского обучения. Д. Робертсон считает, что в основе «диеты Ахиллеса» была смесь животного происхождения — аналог «современных синтетических лекарств», и находит аналогии с древними обрядами: «Чем свежее мясо или мозг, тем сильнее, надо полагать, будет лекарство: лучше всего, может быть, отодрать или высосать их из живого тела»¹. Вероятно, указание на эту практику присутствует на краснофигурной амфоре ок. 525–475 гг. до н.э. (Илл. 4. С. 93), где Хирон держит на вытянутой правой руке сидящего Ахиллеса, перекинув через левое плечо ствол дерева, на котором висит заяц (Paris, Musée du Louvre, G3)². Этот сюжет не может быть иллюстрацией к эпизоду возвращения учителя и ученика с охоты. Хирон поощрял успехи Ахиллеса в этом деле, но никогда не охотился вместе с учеником: античные авторы изображают Хирона, ожидающего возвращения Ахиллеса с охотничьими трофеями в пещере (см. напр. Stat. *Achil.* I.126).

Очевидно, что Хирон учил своих учеников как будущих воинов, как отнятию жизни, так и врачеванию — обратному воинскому искусству, возвращению жизни. Будучи вдохновляющим примером, Хирон, вероятно, никогда не обучал Ахиллеса и Асклепия охоте в стиле «делай как я». Да и это было бы проблематично, учитывая, все же, существенную разницу между учителем и учениками: при всем желании Ахиллес и Асклепий физически не смогли бы повторить очень многое за кентавром. Последняя ремарка является, конечно же, иронией автора этой статьи.

В «Илиаде» повзрослевший Ахиллес говорит своему умиротворяющему противнику Гектору: «Сам я, коль слушал бы гнева, тебя растерзал бы на части, / Тело сырое твое пожирал бы я...» (Hom. *Il.* XX.346-7; пер. Н. Гнедича). Ахиллес подчеркивает свою моральную силу, которая останавливает его от такого деяния; силу, которой обладает далеко не каждый.

¹ Robertson (1940). P. 180; 177.

² Ссылка на изображение: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/AFDE2804-EC7B-42DB-8441-6743D6B8A6AF> (март, 2022).

Илл. 4.
Ахиллес, Хирон и заяц¹.

В следующем мифоисторическом поколении после Ахиллеса Тидей разбивает череп защитника Фив Меланиппа и поедает его мозг (Стаций гротескно и подробно описывает это в «Фиваиде» *Stat. Theb.* VIII.751-66), что ужасает Афины. Вероятно, Хирон устраивает воспитание Ахиллеса, опираясь на древнюю педагогическую традицию, которая в глазах авторов позднего времени воспринималась как дикость. Детство Ахиллеса — это «переход от маленького дикаря, высасывающего животную жестокость из задыхающейся волчицы, к героическому ребенку, чью душу Хирон возвращает прославленной репутацией и в чьей груди отвага, чтобы никогда не подчиняться и не уступать»². Ксенофонт отмечает,

¹ Источник: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/5/57/Nikosthenic_amphora_Pamphaios_Louvre_G3_n2.jpg Online. Accessed 03/02/2022. Wikimedia Commons / Creative Commons Attribution 4.0 International license.

² Robertson (1940). P. 179.

что Аполлон и Артемида даровали Хирону искусство охоты для того, чтобы он обучал ему учеников (Хен. Сун. 1.1). Охота рассматривается Ксенофонтом как основа воспитания хорошего воина и высококультурного человека, который умеет мыслить, рассуждать и добродетельно действовать¹.

В третьей Пифийской оде, которая является утешением в болезни покровителя Пиндара Гиерона, ключевыми являются темы смертности и неизбежности болезней. Пиндар желает Хирону процветать, как тогда, когда он растил и обучал Асклепия. Обстоятельства передачи ребенка кентавру Пиндар сообщает так: после смерти Корониды, Аполлон передает сына на обучение.

А унес его бог к магнесийскому кентавру
Для науки
Исцелять живущих от страдальных недугов.
Шли к нему, кто сжился с язвами, евшими себя,
Кто ранен блеклой медью или дальним камнем,
Кого гложет стужа и летний зной,—
Он разрешал их страсти, изымал из мучений,
Одних обхаживал мягкими запевами,
Других миротворным питьем
Или снадобьем, обхватывающим рану,
А иных, спасал ножевой разрез.

(Pind. *Pyth.* 3.45-54; пер. М.Л. Гаспарова)

Пиндар в этом фрагменте приписывает кентавру широкую палетку медицинских умений, которыми он пользовался и которую передал Асклепию. Последний получил возможность лечить от множества болезней с помощью увещаний, настоев, лекарств и хирургических вмешательств. Далее Пиндар сообщает, что не все было гладко в истории этого успешного, но своенравного целителя. Пиндар указывает, что Асклепий, унаследовав от матери склонность к преступным деяниям, взял взятку, чтобы вернуть мертвого к жизни. То есть, стал тем самым врачом с «плохой душой», о котором говорил платоновский Сократ в «Государстве» (см. эпиграф к статье).

¹ См.: Ксенофонт. Охота / пер. Г.А. Янчевецкого // Сочинения Ксенофонта в пяти выпусках, вып. 5. Мелкие статьи. Митава, 1880 — 12 с.

Это деяние стало вызовом божественному миропорядку, а потому Зевс ударом молнии убил и Асклепия, и воскрешенного им. Асклепий, как и его мать, умер из-за гнева бога. Вывод Пиндара таков: смертные должны искать жизненную опору не в мечте о бессмертии, а в своих внутренних силах¹. На примере Асклепия Пиндар сформулировал «педагогическое правило» для смертных, желающих приобщиться к особому знанию: «Ищи себе смертный у богов / Уменья по уму, ступени по стопе, / Помни, в какой мы доле...» (Pind. *Pyth.* 3; пер. М. Л. Гаспарова). Далее Пиндар снова выражает желание, чтобы Хирон помогал страдающим от болезней людям:

Если бы в Хироновой пещере
Жив был здоровый его дух,
Если бы медвяная моя хвала
Чарою запала в его сердце,
То явил бы он знатым людям по мольбам моим
Лекаря жгучих болей,
Зовущегося по Фебу или по Фебову отцу.
(Pind. *Pyth.* 3.63-67; пер. М.Л. Гаспарова)

Помощь, на которую рассчитывает Пиндар, заключается в том, чтобы у людей появился новый целитель, такой же сильный как Асклепий. Именно этого хочет и Гомер, который неоднократно сообщает в «Илиаде» о Хироне как наставнике в медицине, но всего несколько раз упоминает Асклепия.

В одном из эпизодов врач осматривает раненого Менелая: «Язвину врач осмотрел, нанесенную горькой стрелою; / Выжал кровь и, искусный, ее врачевствами осыпал, / Силу которых отцу его Хирон открыл дружелюбный» (Hom. *Il.* IV.217-219; пер. Н. Гнедича). Здесь Хирон определен как «φίλα φρονέων» («дружелюбный», «радушный», «благосклонный»). Врачом, на которого

¹ Аполлоний, также сообщавший эту историю, указал не безразличие Аполлона к судьбе сына: «Зевс испугался, как бы люди не стали спасать друг друга, позаимствовав у этого врачевателя его искусство, и поразили его своим перуном. Разгневанный этим Аполлон перебил киклопов, выковавших Зевсу перун» (Apollod. *Bibl.* III.10.4; пер. В.Г. Боруховича).

указывает Гомер, является Махаон — сын Асклепия, который получил знание о лечебных травах от своего отца. В другом эпизоде Асклепий упомянут как отец двух искусных¹ врачей, сопровождавших греческую армию в Трои: «Асклепия мудрые чада, / Славные оба данаев врачи, Подалир и Махаон» (Ном. II. II.731-32; пер Гаспарова). Гомер не сообщает о том, умели ли сыновья Асклепия, как и их отец, воскрешать умерших. Аполлодор подчеркивает, что это умение Асклепия стало результатом его обучения у Хирона и накопленного опыта, и даже приводит способ воскрешения и список воскрешенных врачевателем людей (Apolloclod. *Bibl.* III.10.3). Дж. Грегори видит преемственность в «консервативном характере педагогики кентавра: что хорошо для отца, самоочевидно хорошо и для сына»². Таким образом, у Гомера медицинское знание Хирона — это знание, которому ученик кентавра легко может обучить других, что и демонстрируется на примере Асклепия и его сыновей. Иными словами, этот способ передачи медицинского знания демонстрировал, что «доступ к медицинской профессии формально не регулировался»³.

У Пиндара Хирон представлен как врач, лечащий практически от всех болезней (Pind. *Pyth.*3.45-54); Г. Джинмэр, опираясь на Пиндара, называющего кентавра «глубоко хитроумным»⁴ (βαθυμῆτα, Pind. *Nem.*3.53), определяет его как мудреца-целителя, который может быть поставлен в один ряд с такими членами эзотерического братства как Пифагор или Эмпедокл⁵. Однако медицинское знание, которое так многим помогало и которым так со многими делился кентавр, не было связано с чем-то мистическим⁶.

¹ В «Государстве» на вопрос, были ли квалифицированными врачами сыновья Асклепия, Сократ отвечает утвердительно (Pl. *Resp.*408c).

² Gregory (2019). P.27

³ Bannert (2015). P.413.

⁴ В русском переводе «глубокий думами» (пер. М.Л. Гаспарова). Нам кажется, что еще одним вариантом перевода может быть «глубоко напутственный».

⁵ Jeanmaire (1949). P.262.

⁶ Традиция сохранила сведения о том, что Хирон, вероятно, учил и свою дочь, которая относилась к целителям-пророкам. Этот факт не может быть отнесен к мистической составляющей, поскольку сведений об

Исключение составляет эпизод, на который указывает Аполлодор. Фетида, не желая участия сына в троянском походе, привезла десятилетнего Ахиллеса под видом девушки к Ликомеду. Одиссей же отправился на поиски Ахиллеса, и тому пришлось идти на Трою: «Вместе с Ахиллесом пошел туда и Феникс, сын Аминтора. Он некогда был ослеплен своим отцом, будучи ложно обвинен Фтией, наложницей своего отца, в том, что он ее соблазнил. Пелей привел Феникса к кентавру Хирону и, когда тот вернул ему зрение, поставил Феникса царем над долопами» (Apollod. *Bibl.* III.13.8; пер. В.Г. Боруховича). Еще раз подчеркнем, что это исцеление, напоминающее деятельность его ученика Асклепия, уникально для Хирона.

О том что, Ахиллес тоже был искусен в медицине, свидетельствует, например, краснофигурный килик ок. 500 г. до н.э. (Berlin, *Antikensammlung*, F2278) с изображением, где Ахиллес перевязывает руку Патроклу (Илл. 5. С. 98).

Оценка успехов Ахиллеса в деле обучения медицины дана в разговоре Эврипила с Патроком:

Нет, благородный Патрокл, избавления нет никакого
Ратям ахейским! в суда они черные бросятся скоро!
Все, которые в воинстве были храбрейшие мужи,
В стане лежат пораженные или пронзенные в брани
Медью троян, а могущество гордых растет непрестанно;
Но спаси ты меня, проводи на корабль мой черный;
Вырежь стрелу из бедра мне, омой с него теплой водою
Черную кровь и целебными язву осыпь врачевствами,
Здравыми; их ты, вещают, узнал от Пелеева сына,
Коего Хирон учил, справедливейший всех из кентавров.
(Hom. *Il.* XI.822-831; пер. Н. Гнедича)

этом обучении недостаточно.

Илл. 5.
Ахилл перевязывает руку Патрокла¹.

Эврипил возлагает надежды на медицинские знания Патрокла, указывая на традицию передачи этих знаний от Хирона к Ахиллеса, а затем Патроклу. Такие надежды оказалось невозможным возложить на Геркала, выпустившего стрелу в Хирона и оказавшегося не

¹ Ссылка на изображение: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/2E23511B-953D-4807-86A8-7126BB40FAFF>. Источник: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Akhilleus_Patroklos_Antikensammlung_Berlin_F2278.jpg Online. Accessed 27/10/2020. Wikimedia Commons / Creative Commons Attribution 3.0 Unported license.

способным его вылечить. Аполлодор сообщает о том, что Геракл сделал это непреднамеренно и сильно пожалел о случившемся:

Целясь из лука в кентавров, столпившихся вокруг Хирона, Геракл выпустил стрелу, но она, пронзив плечо кентавра Элата, засела в колене Хирона. Глубоко огорченный этим, Геракл подбежал и, вытащив стрелу, приложил к ране лекарство, которое дал ему Хирон. Но рана была неизлечимой...

(*Apollod. Bibl.* II.5.4; пер. В.Г. Боруховича).

Сюжет, где Ахиллес лечит руку Патрокла, не превращается в сюжет, где Геракл лечит колено Хирона. Овидий вносит в сюжет о смерти Хирона от стрелы Геракла педагогическую составляющую, смягчая ответственность Геракла и включая в эти события Ахиллеса¹:

Смерть мгновенно пришла, некогда было помочь.
Замер, как перед отцом, Ахилл, обливаясь слезами:
Был бы оплакан Пелей так, если б он умирал!
Как он сжимал рукою своей умиравшего руки
(Верно, недаром Хирон добрый внушил ему нрав);
Как он его целовал и как мертвецу говорил он
«Не умирай, я молю, сына, отец, не покинь!»

(*Ov.Fast.* 406-412; пер. Ф.А. Петровского).

Показательно, что ни у одного из античных авторов мы не находим и намек на странность образовательной программы Ахиллеса и Асклепия. Напротив, подчеркивается идеальное соответствие этой программы особенностям природных данных учеников и предназначенной им судьбы.

А.-И. Марру, однако, сомневается в том, что Ахиллес как «архаический рыцарь» действительно обучен так многому, как в этом хотят убедить: «Множество литературных и изобразительных памятников представляют Хирона, обучающего Ахилла спорту и рыцарским забавам — охоте, верховой езде, метанию копья, а так-

¹ В этом фрагменте подчеркиваются родственные связи Хирона и Ахиллеса, а также то, что отношения между учителем и его учеником были отношениями, похожими на отношения отца и сына.

же куртуазным искусствам — игре на лире и даже (ведь он царствует над долинами Пелиона, изобилующими целебными травами) хирургии и изготовлению снадобий, любопытная примета энциклопедического знания с явно восточным привкусом. <...> ...перед нами идеализированный образ: гомеровский герой должен знать все, но это герой. Наивно было бы предполагать, что архаический рыцарь обычно бывал заодно и кудесником-целителем»¹. В. Г. Безрогов считает, что А.-И. Марру слишком абсолютизирует рыцарское воспитание, говоря об Ахиллесе; и вопрос не в объеме, а в структуре обучения: «Это соотношение в структуре педагогического идеала будет впоследствии меняться, но для дальнейшей его эволюции весьма существенно, что подобная, пусть пока еще неравноправная внутри себя, диада “копья и слова” формируется уже на столь ранней стадии развития греческой культуры»². А.-И. Марру ничего не говорит об Асклепии, вероятно, потому, что в его обучении был четко виден профессиональный уклон и заподозрить его в сидении на нескольких стульях не так-то просто.

Таким образом, уникальность образовательных путей Ахиллеса и Асклепия, наставником которых был наделенный бессмертием кентавр Хирон, подчеркивают как античные авторы, так и современные исследователи. Ахиллес и Асклепий были учениками с непростыми характерами и не менее непростыми судьбами, но для них обоих Хирон стал наставником-кормилицей. Текстовая традиция, представлявшая их ученический путь, дополнялась визуальной традицией, где сюжеты об Ахиллесе значительно превосходили сюжеты об Асклепии. Объединение этих традиций дает представление об учебном плане для непростых детей, а также особенностях и парадоксах их приобщения к медицинскому знанию. Учитель и ученики принадлежали к разным категориям существ, что не помешало реализации уникальных стратегий обучения и воспитания. Двойственная природа Хирона сосуществовала не в равных долях, и человеческое начало в нем преобладало: в отличие от других кентавров, он был мудр, не агрессивен, исцелял людей и устраивал их дела. Именно поэтому Хирон как наставник

¹ Марру (1998). С.25.

² Безрогов (2009). С.25-28.

изображается с доброжелательным лицом, наполовину одетым в хитон, его передние ноги были человеческими ногами, а не заканчивались копытцами. Несмотря на то, что Хирон живет на горе Пелион и воспитывает учеников на лоне природы, он всегда изображается вне помещения, что подчеркивало своеобразие организованной им школы, где ученики получали уникальное образование вне города, но для города.

Материал поступил в редакцию 22.02.2022

*Материал поступил в редакцию
после рецензирования 11.03.2022*

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bannert, H. (2015) "Medical Education", W. Martin Bloomer, ed. *A Companion to Ancient Education*. Chichester: MA: Wiley-Blackwell, 413-421.
- Francis, E. D. (1972) "Chiron's laughter (*Pyth.* 9.38)", *Classical Philology*, 67.4, 288-291.
- Gregory, J. (2019) *Cheiron's way: youthful education in Homer and Tragedy*. Oxford: Oxford University Press.
- Jeanmaire, H. (1949). "Chiron", *Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves* 9, 255-265.
- Mackie, C.J. (1997) "Achilles' Teachers: Chiron and Phoenix in the 'Iliad'", *Greece & Rome* 44.1, 1-10.
- Pache, C.O. (2021) "Birth and Childhood", Daniel Ogden, ed. *The Oxford handbook of Heracles*. Oxford: Oxford University Press, 3-12.
- Parker, R. (2005). *Polytheism and Society at Athens*. Oxford: Oxford University Press.
- Paton, W. R. (1912). "The armor of Achilles", *CR* 26, 1-4.
- Robbins, E. (1993) "The Education of Achilles", *Quaderni Urbinati di cultura classica* 45.3, 7-20.
- Robertson, D.S. (1940) "The Food of Achilles", *CR* 54.4, 177-180.
- Безрогов, В.Г. (2009) «Человеческое воспитание Ахилла-героя (о концепции ученичества в поэмах Гомера)», Г.Б. Корнетов, ред. *Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия: актуализация пе-*

- дагогического наследия прошлого. Материалы Пятой национальной науч. конф. Москва, 12.11.2009. М.: АСОУ, С. 25-28.
- Марру, А.-И. (1998) *История воспитания в античности (Греция)*. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шачалина.
- Пичугина, В.К., Жирнова, А.С. (2021) «Визуальность и нарративность в античной традиции об Ахиллесе: уникальный проект аристократического образования», *Отечественная и зарубежная педагогика* 1.4(77), 30-44.
- Пичугина, В.К. (2022) «Геракл как плохой ученик: особенности куррикулума для древнегреческого героя», *Отечественная и зарубежная педагогика* 2.2(83), в печати.

Victoria K. PICHUGINA

CHEIRON AS A MENTOR
IN MEDICINE TO ACHILLES AND ASCLEPIUS
THE PEDAGOGICAL MISSION OF AN URBAN CENTAUR

The article provides a historical and pedagogical analysis of the images of Chiron, a centaur who devoted a significant part of his life to teaching. Among the extensive list of knowledge, skills and abilities that Chiron possessed and passed on to his numerous students, there are three areas related to education: 1) how to fight and take a life, 2) how to heal and return life — the art of healing, the reverse of the military, 3) special skills, such as how to play musical instruments or recognize constellations. We have compared the textual and visual (images on ceramics of the 6th – 5th centuries BC) traditions that represent the student paths of Achilles and Asclepius, for whom medical knowledge was an important part of the curriculum. Achilles and Asclepius were students who came to Chiron as infants and for whom Chiron became a mentor-nurse. Asclepius was an excellent student who made significant progress in medicine, but Achilles, nevertheless, was the most gifted student of the centaur and, probably, the closest to him, not only in kinship, but also in spirit. A comparison of stories about how Chiron trained and educated Achilles and Asclepius allows us to see that in the ancient tradition Chiron is depicted as an urban centaur. Unlike other centaurs, his dual nature is subject to humanity: unlike his relatives, he is wise, not aggressive, heals people and arranges their affairs, de-

velops unique curricula for students and educates them outside the city, but for the city. That is why Chiron as a mentor is always depicted with a kind face and outdoors; he is half dressed in a tunic and his front legs do not end with hooves, these are human legs. His school on Mount Pelion is distinguished by its originality: education and upbringing close to nature is designed to prepare a student for life in the city and activities for the benefit of the city.

REFERENCES

- Bannert, H. (2015) "Medical Education", W. Martin Bloomer, ed. *A Companion to Ancient Education*. Chichester: MA: Wiley-Blackwell, 413-421.
- Bezrogov, V.G. (2009) "Chelovecheskoe vospitanie Ahilla-geroja (o koncepcii uchenichestva v pojemah Gomera)," G.B. Kornetov, red. *Istoriko-pedagogicheskoe znanie v nachale III tysjacheletija: aktualizacija pedagogicheskogo nasledija proshlogo. Materialy Pjatoj nacional'noj nauchnoj konferencii*. Moskva, 12.11.2009. Moskva: ASOU, S.25-28.
- Francis, E. D. (1972) "Chiron's laughter (*Pyth.* 9.38)", *Classical Philology*, 67.4, 288-291.
- Gregory, J. (2019) *Cheiron's way: youthful education in Homer and Tragedy*. Oxford: Oxford University Press.
- Jeanmaire, H. (1949). "Chiron", *Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves* 9, 255-265.
- Mackie, C.J. (1997) "Achilles' Teachers: Chiron and Phoenix in the 'Iliad'", *Greece & Rome* 44.1, 1-10.
- Marru, A.-I. (1998) *Istorija vospitanija v antichnosti (Grecija)*. Moskva: Greko-latinskij kabinet Ju.A. Shachalina.
- Pache, C.O. (2021) "Birth and Childhood", Daniel Ogden, ed. *The Oxford handbook of Heracles*. Oxford: Oxford University Press, 3-12.
- Parker, R. (2005). *Polytheism and Society at Athens*. Oxford: Oxford University Press.
- Paton, W. R. (1912). "The armor of Achilles", *CR* 26, 1-4.
- Pichugina, V.K. (2022) "Gerakl kak plohoj uchenik: osobennosti kurrikuluma dlja drevnegrecheskogo geroja", *Otechestvennaja i zarubezhnaja pedagogika* 2.2(83), v pechaty.

- Pichugina, V.K., Zhirnova, A.S. (2021) "Vizual'nost' i narrativnost' v antichnoj tradicii ob Ahillese: unikal'nyj proekt aristokraticeskogo obrazovanija", *Otechestvennaja i zarubezhnaja pedagogika* 1.4(77), 30-44.
- Robbins, E. (1993) "The Education of Achilles", *Quaderni Urbinati di cultura classica* 45.3, 7-20.
- Robertson, D.S. (1940) "The Food of Achilles", *CR* 54.4, 177-180.

ЯТРОСОФИСТ ЗЕНОН И МЕДИЦИНСКИЕ ШКОЛЫ АЛЕКСАНДРИИ IV ВЕКА*

М.А. ВЕДЕШКИН

В настоящей статье обсуждаются некоторые аспекты курукулума позднеантичных медицинских училищ, статус медицинских школ и образовательное пространство позднеантичной Александрии в IV в. н.э. В центре исследования — биография ятрософиста Зенона Кипрского — эрудита, ритора и одного из самых известных преподавателей медицины IV в. н. э., биографию которого софист Евнапий Сардский включил в свои «Жизни философов и софистов». Автор выступает против утвердившейся в историографии гипотезы В. К. Райт и М. Чивилетти, согласно которой Зенон умер до 336 г., и выдвигает новые аргументы в пользу того, что он был тождественен архиатру Зенону Александрийскому, с которым в 359–361 г. переписывались ритор Либаний и император Флавий Клавдий Юлиан (Отступник). Исследование хронологии жизней учеников Зенона Кипрского (Орибасия Пергамского, Ионика Сардского и Магна Нисибисского) однозначно свидетельствует в пользу того, что ятрософист не мог скончаться до 336 г. Кроме того, можно считать доказанным и то, что школа Зенона Кипрского базировалась в Александрии. Последовательное занятие медицинской кафедры столице Египта двумя знаменитыми ятрософистами по имени Зенон не невозможно, но все же весьма маловероятно. Таким образом, корреспондентом ритора Либания и императора Юлиана Отступника с высокой долей вероятности был тот же Зенон, о котором рассказывал Евнапий

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 18–78–10001–П. — <https://rscf.ru/project/18-78-10001/> (март, 2022).

Сардский. Иными словами, Зенон Кипрский дожил как минимум до конца 361 г. н.э. В целом, результаты исследования позволяют скорректировать устоявшиеся представления о времени жизни ятрософиста и дают новые доводы в пользу концепции Р. Пенеллы и Дж. Джигангранде, полагавших что Зенон Кипрский и Зенон Александрийский — один и тот же человеком. Кроме того, в статье приводится авторский перевод ранее не издававшегося на русском языке письма Либания к Зенону.

Гален считал, что врачу следует изучать не только анатомию и медицинскую теорию, но также геометрию, логику, астрономию и ораторское искусство¹. К IV в. галенизм стал господствующим направлением медицинской мысли², учение знаменитого архиатра превратилось в непреложный закон для всякого практикующего врача. Именно представления Галена об идеальном враче заложили базу для формирования куррикулума позднеантичных медицинских школ. Отныне от готовившихся к врачебной карьере юношей требовалось не только изучить практическую и теоретическую медицину, но и получить широкие познания о самых разных науках. Список дисциплин, которые в середине IV столетия должен был усвоить будущий врач, оставил Григорий Назианзин. Рассказывая о своем брате — архиатре Кесарии, епископ сообщал, что помимо собственно врачебной науки его герой изучал геометрию, астрономию и математику (Greg. Naz. VII.7)³. Столь широкий круг предметов требовал преподавателя нового типа, способного не только наставлять своих воспитанников в премудростях гиппократова учения, но и читать курс точных и гуманитарных наук, прежде всего риторики. Начиная со второй половины IV в. этих

¹ См., напр.: Gal. *Opt. med.*; *Meth. med.* 1.1.

² По меньшей мере до V столетия существовала и школа методистов, впрочем, ее влияние, судя по всему, было совсем не велико. См. Eijk (2005). P. 299-327.

³ Ср. Greg. Naz. *Epit.* 12; 13; 21. О позднеантичном медицинском куррикулуме, см. подробнее Westerink (1964). P. 169-177; Iskandar (1976). P. 235-258; Duffy (1984). P. 21; Roueché (1999). P. 153-169; Andorlini (2007). P. 401-414; Marasco (2010). P. 205-219; Pormann (2010). P. 419-441.

универсальных интеллектуалов стали именовать ятрософистами (ιατροσοφιστής)¹, то есть врачами-софистами.

Известия об их общественной и преподавательской деятельности не раз попадали на страницы сочинений позднеантичных авторов. В частности, коллективный портрет пяти представителей этой профессии был выведен на страницах труда Евнапия «Vita Sophistarum» (далее VS) — сборника биографий представителей восточноримской интеллектуальной элиты III–IV столетий. Среди упомянутых в нем ятрософистов первое место Евнапий отводил Зенону Кирпскому — основателю медицинской школы и одному из самых прославленных врачей своего века. По данным сардского ритора Зенон был в равной степени известен как целитель и как ритор, и преподавал оба искусства: «Некоторые из его знаменитых учеников избрали для себя одно из этих занятий, разделив, таким образом, между собой то, чему они научились; другие же выбрали оба; как бы то ни было, все они превосходно владели тем, что унаследовали от учителя, — и наукой врачевания, и искусством слова»² (Eunap. VS. 497; пер. Е.В. Дарк, М.Л. Хорькова). Остальные врачи, о которых Евнапий рассказывал в своем труде, а именно Магн Нисибиский, Орибасий Пергамский, Ионик Сардский и Теон Галатский³, были учениками Зенона.

Свидетельства об архиатре Зеноне, преподававшем медицину в Александрии, также сохранились в посланиях ритора Либания и императора Юлиана. В письме Либания, написанном ок. 359–360 г., сообщалось об обрушившихся на врача бедствиях:

¹ Впервые этот термин встречается у писавшего во второй половине IV в. Епифания Кипрского (Ephr. Adv. haer. 44(64).67; 46(66).10; 47(67); De mens. 265). О феномене ятрософизма, см. подробнее: Temkin (1962). P. 99–102; Cracco Ruggini (2003). P. 189–216; Bowersock (2010). P. 83–91; Janiszewski, Stebnicka, Szabat (2014). P. 404–406.

² ...ἅμω δὲ ὁ Ζήνων ἐξήσκητο λέγειν τε καὶ ποιεῖν ἰατρικὴν. τῶν δὲ ὀνομαστῶν ὁμολητῶν αὐτοῦ διαλαχόντες, οἱ μὲν τὸ ἕτερον, οἱ δὲ ἀμφοτέρω, κατελείφθησαν· ἐκράτουν δὲ ὁμῶς καὶ καθ' ὃ τις ἐκληρονόμησεν ἔργου τε καὶ λόγου.

³ Сам Евнапий не называет Теона учеником Зенона, но это логично вытекает из композиции текста VS. См. Penella (1990). P. 115; Watts (2005). P. 342, n. 25.

Хотя мы никогда не встречались, ты прекрасно делаешь, что считаешь меня другом и пишешь мне, ведь меня некогда спасли твоим ученики, потому я уже давно люблю тебя. Твои бедствия удручают меня. Как ты смог их перенести!? Часто я молил Судьбу, чтобы она поспешила вернуть все в привычное русло. И, похоже, она прислушалась и переменилась, ведь ходят слухи, что вся эта интрига приближается к развязке. Так что утешь себя надеждой и прими то, что есть. Тот, кто передал мне твои письма, признал, что задержался, и жаловался на [неблагоприятные] ветра. Посему и ты сам вини ветра, а не команду.

(Lib. Ep. F171¹, пер. М.А. Ведешкина)².

Характер обрушившихся на Зенона «несчастий» проясняет письмо Юлиана, датированное ноябрем или декабрем 361 г.³:

И многое другое свидетельствует, что ты достиг высших степеней врачебного искусства и что добропорядочность и умеренность твоей жизни находятся в полном согласии с твоим искусством, а теперь к этому прибавилось высшее свидетельство: в свое отсутствие ты склонил на свою сторону город александрийцев; такое жало ты, как пчела, оставил после себя. И это естественно. Ведь прекрасно, как я думаю, сказано у Гомера: «Опытный врач драгоценнее многих других людей». Ты же не просто врач, но и учитель стремящихся овладеть этим искусством, так что для врачей ты почти то же, что врачи для всех остальных людей. И эта самая причина кладет конец, и притом блистательный, твоему изгнанию. Ведь если ты был удален из Александрии из-за Георгия, то был уда-

¹ Нумерация писем Либания дается по изд. Ферстера (F), Нормана (N) и Брэдбери (B).

² Καλῶς ποιεῖς φίλον τέ με νομίζων καὶ ἐπιστέλλον, εἰ καὶ μῆπω συνειζάμεν, ἐπεὶ καὶ αὐτὸς πάλαι τέ σε φιλῶ διὰ τῶν σῶν μαθητῶν σεσωσμένος καὶ τῇ <σῇ> συμφορᾷ λιανέπληγην, οἷος ὢν οἷα πέπονθας, τὴν τε Τύχην ἰκέτευσα πολλάκις σπείσασθαί σοι καὶ καταστήσαι πάλιν εἰς τὰ εἰωθότα. ἡ δέ, ὡς ἔοικε, πείθεται τε καὶ διαλλάττεται· τοιοῦτος ἦκει λόγος περὶ τῆς ὅλης σκευωρίας ὡς αὐτίκα δέχεται λύσιν. τῇ τε οὖν ἐλπίδι κουφίζου καὶ προσδέχου τὸ ἔργον.

³ По мнению Биде и Фурмана письмо было написано до того, как Юлиан узнал о том, что александрийцы линчевали архиепископа Георгия, т.е. до конца 361 г. См. Bidez, Cumont (1922). P. 63; Фурман (1970). С. 241, сн. 1.

лен не по праву, и поэтому твое возвращение было бы в высшей степени справедливо. Итак, приходи обратно с честью и прежним почетом; у нас же пусть будет двойная радость — что александрийцам возвращен Зенон, а тебе — Александрия.

(Jul. Ep. B58/W17/F27¹; пер. Д.Е. Фурмана)²

Сопоставление данных этих писем позволяют в общих чертах восстановить ход событий. Судя по всему, Зенон был одним из многих александрийских интеллектуалов-язычников, осужденных в ходе инспирированного архиепископом Георгием Скифопольского процесса 359–360 гг.³ Скорее всего, к Либанию ятрософист обратился, находясь под следствием или пребывая в ссылке. Его расчет был прост. Антиохийский ритор имел широкие связи среди представителей центральной и местной администрации. В частности, его добрым другом был один из организаторов судилища — комит Востока Модест. Вероятно, Зенон надеялся, что Либаний сможет как-то повлиять на следствие и облегчить его участь⁴. Впрочем, судя по тому, что к концу 361 г. врач все еще пребывал в ссылке, вмешательство ритора (если он действительно решился ходатайствовать за своего корреспондента) не смогло смягчить

¹ Нумерация писем императора приведена по изд. Биде и Кюмона (B); Райт (W) и Фурмана (Ф).

² Πολλὰ μὲν καὶ ἄλλα σοὶ μαρτυρεῖ καὶ τῆς ἱατρικῆς τέχνης εἰς τὰ πρῶτα ἀνήκειν, καὶ ἤθους ἐπιεικείας καὶ βίου σωφροσύνης συμφώνως πρὸς τὴν τέχνην ἔχειν, νῦν δὲ προσῆλθε τὸ κεφάλαιον τῆς μαρτυρίας· τὴν τῶν Ἀλεξανδρέων πόλιν ἀπὸν ἐπιστρέφεις εἰς σεαυτόν· τοιοῦτον αὐτῇ ἱητρὸς γὰρ ἀνὴρ πολλῶν ἀντάξιός ἄλλων. Σὺ δὲ οὐκ ἱατρὸς ἀπλῶς, ἀλλὰ καὶ διδάσκαλος τοῖς βουλομένοις τῆς τέχνης, ὥστε σχεδὸν ὁ πρὸς τοὺς πολλοὺς εἰσιν οἱ ἱατροί, τοῦτο ἐκείνοις σύ. Λύει δὲ σοὶ τὴν φυγὴν καὶ ἡ πρόφασις αὐτῆς καὶ μάλα λαμπρῶς· εἰ γὰρ διὰ Γεώργιον μετέστης τῆς Ἀλεξανδρείας, οὐ δικαίως μετέστης, καὶ δικαιοῦτά ἐστιν ὅπως κατέλθοις. Κάτιθι τοῖνον ἐπίτιμος καὶ τὸ πρότερον ἔχων ἀξίωμα, καὶ ἡμῖν κοινὴ πρὸς ἀμφοτέρων χάρις ἀντικεισθῶ, Ἀλεξανδρεῦσι μὲν Ζήνωνα, σοὶ δὲ ἀποδοῦσι τὴν Ἀλεξανδρείαν.

³ См. подробнее: Haehling (1978). S. 74-101; Коптелов (2003). С. 135-137; Sandwell (2005). P. 114-116; Heyden (2010). P. 310-312; Ведешкин (2018). С. 196-198.

⁴ Известно, что Либанию уже приходилось ходатайствовать перед Модестом за своих друзей. См. Lib. Ep. F37/N49. О связях ритора с чиновником, см. Petit (1994). P. 165-172; Bradbury (2003). P. 255–257.

приговора. Добиться пересмотра своего дела Зенону удалось лишь после того, как власть над империей перешла в руки Юлиана Отступника. Новый август не остался безучастным к бедствиям врача — Зенон был помилован и получил возможность вернуться в Александрию.

По меньшей мере с XVIII в. считалось, что Зенон Кипрский из сообщения Евнапия и Зенон Александрийский из писем Либания и Юлиана — один и тот же человек¹. В 1922 г. В. К. Райт выдвинула несколько возражений против этой уже устоявшейся гипотезы. Во-первых, она отметила, что Евнапий не упоминал о том, что «его» Зенон преподавал в Александрии. Далее, по мнению Райт, обращаясь к учителю своего ближайшего друга Орибасия, император Юлиан не мог не похвалить его красноречие, и в то же время в императорском письме отсутствуют какие-либо упоминаний о риторическом даре адресата². Главный аргумент исследовательница базировалась на хронологических расчетах. Из евнапиевой обмолвки о том, что Зенон «дожил до времен софиста Юлиана, а его ученики были современниками Проересия» (*VS.* 497)³, можно сделать вывод, что Зенон Кипрский скончался раньше Юлиана Каппадокийского, умершего до 336 г.⁴. Из этого Райт заключала, что архиастр, с которым в 359–361 гг. переписывались Либаний и император Юлиан, не мог быть упомянутым в *VS* ятрософистом.

В последующие десятилетия версия Райт была принята большинством исследователей. В частности, она легла в основу статьи о Зеноне в авторитетнейшей «*Prosopography of the Later Roman Empire*» (далее PLRE)⁵, до сих пор остающейся стандартным справочным изданием для исследователей позднеантичной эпохи.

¹ См., напр.: Swinton et al. 1748. P. 274; Boissonade, Wytttenbach (1822). P. 410; Bidez, Cumont (1922). P. 62–63.

² Wright (1922). P. 336–337; Wright (1922). P. 365; Wright (1923). P. lxiii–lxiv.

³ ...ἐπέβαλε τοῖς χρόνοις Ἰουλιανῶ τῷ σοφιστῇ καὶ μετ' ἐκεῖνον, κατὰ τοὺς Προαερεσίου χρόνους, οἱ διάδοχοι Ζήνωνος

⁴ Райт ошибочно датировала его смерть 340 г. О времени смерти софиста Юлиана, см. Penella (1990). P. 91; Janiszewski, Stebnicka, Szabat E. (2014). P. 187; Ведешкин (2021). С. 303.

⁵ Jones, Martindale, Morris (1971). P. 992 (Zenon 2; Zenon 4).

Впрочем, некоторые историки продолжали отстаивать версию об идентичности двух Зенонов¹. Так, Дж. Джигангранде считал, что путаница с хронологией была следствием ошибки переписчика и предложил свою корректуру текста VS. По его мнению, вместо «ἐπέβαλε» следует читать «ὕπερέβαλε»: «ὕπερέβαλε τοῖς χρόνοις Ἰουλιανῶ τῷ σοφιστῇ» ([Зенон] пережил времена софиста Юлиана). Кроме того, он отмечал, что непосредственно перед посвященный Зенону параграфом идет описание биографии ратора Нимфидиана, который дожил по меньшей мере до второй половины 370-х гг. Следовательно, начинающийся с фразы «Ἰατροὶ δὲ κατὰ τοῦτους ἡκμαζον τοὺς χρόνους» раздел о ятрософисте также должен охватывать период середины IV². В конце XX столетия концепция Райт была подвергнута критике Р. Пенеллой, отметившим, что Евнапий начинал свою заметку о времени жизни Зенона с противопоставления «но» (ἀλλ'), из чего историк делал вывод, что обсуждаемая фраза может читаться: «но (Зенон) жил и во времена софиста Юлиана»³. Опираясь на это прочтение Пенелла утверждал, что врач был младшим современником Юлиана Каппадокийского, а значит вполне мог дожить до 361 г.⁴ Несмотря на то, что некоторые авторы посчитали эти объяснения убедительными⁵, большинство современных исследователей отвергает филологические построения Джигангранде и Пенеллы, как маловероятные и продолжает следовать гипотезе Райт⁶. В частности, М. Чивилетти

¹ Фурман (1970). С. 241, сн. 1; Kudlien (1972). S. 147; Nutton (1972). P. 172; 176, n. 56; Piganiol (1973). P. 430. Справедливости ради, следует отметить, что за исключением В. Наттона никто из перечисленных выше авторов никак не комментировал свою позицию по этому вопросу. Скорее всего, они просто не обратили внимания на проблему.

² Giangrande (1956). P. 146.

³ ...ἀλλ' ἐπέβαλε τοῖς χρόνοις Ἰουλιανῶ τῷ σοφιστῇ...

⁴ Penella (1990). P. 110-111

⁵ Sardiello (1998). P. 222, n. 160; Crusciola (1999). P. 53, n. 11; Nutton (2009).

⁶ Напр., Cribiore (2007). P. 79, n. 219; Becker (2013). S. 520-521. Следует отметить, что многие из них просто дублируют данные PLRE. См. напр. Baldwin (1975). P. 87; Caltabiano (1991). P. 55; Janiszewski, Stebnicka, Szabat (2014). P. 415 (26. Zenon).

утверждал, что из синтаксиса евнапиева текста следует, что автор представлял жизни софистов Юлиана и Проересия как две точки отчета, позволяющие воссоздать хронологию описываемых автором событий, а значит Зенон жил во время первого, а его ученики — второго¹. Иными словами, проблема идентичности двух ятрософистов продолжает вызывать споры. При этом участники полемики обошли вниманием некоторые факты, которые, думается, могут пролить свет на этот сложный вопрос.

Первым делом, обратимся к замечаниям Райт об отсутствии упоминаний о риторическом таланте Зенона в письме императора Юлиана, а также молчании Евнапия о местонахождении школы кипрского ятрософиста. В целом, они являются типичными примерами т. н. *argumentum ad ignorantiam*. Так, Евнапий писал о том, что Орибасий был очень красноречив (Eunap. *VS.* 498). При этом в единственном сохранившемся послании императора Юлиана к архиадру о его риторическом даре ничего не сообщается (Jul. *Ep.* B14/W4/Ф8). Следуя логике Райт, можно предположить, что в данном случае речь также идет о двух разных Орибасиях. Далее, в рассказе о философе Ямвлихе Халкидском Евнапий не упоминал о местоположении его школы (Eunap. *VS.* 457–461). В то же время, согласно данным пс. Юлиана, Либания и Иоанна Малалы на разных этапах своей карьеры философ преподавал в Апамее Сирийской (Jul. *Ep.* B184/W78; B183/W77; Lib. *Or.* XVIII.187; LI.21; *Ep.* F1389) и возможно в антиохийском предместье Дафна (Malal. XII. 312.47)². Из этого, впрочем, совершенно не следует, что в начале IV в. одновременно жили два знаменитых неоплатоника по имени Ямвлих.

Более того, существует ряд косвенных аргументов о том, что школа Зенона Кипрского была расположена именно в Александрии. В частности, об этом свидетельствуют данные из биографий его учеников: Магна Нисибисского и Орибасия Пергамского. Из сообщения Евнапия известно, что первый из них занимал пост штатного преподавателя медицины в столице Египта (Eunap. *VS.* 498). О том, что Магн преподавал в Александрии, также рассказывали Либаний (Lib. *Ep.* F1208/ B140; F843/N147) и Филосторгий

¹ Civiletti (2007). P. 643–644

² Обсуждение старого спора о возможной деятельности школы Ямвлиха в Дафне выходит за пределы проблематики нашей статьи.

(Philost. VIII.10)¹. В IV в. Александрия оставалась крупнейшим центром медицинской науки. По данным анонимного географического трактата середины века город славился искуснейшими лекарями и буквально «возвращал людям здоровье» (Ехр. 37)². На исходе того же столетия Аммиан Марцеллин заявлял, что «врачу вместо любого доказательства своей опытности достаточно в виде рекомендации о своем искусстве заявить, что он изучал медицину в Александрии» (Amm. XXII.16.18, пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни)³. Как известно муниципальные риторы и врачи избирались местной курией⁴. Учитывая высочайший престиж местной медицинской школы совершенно непонятны причины, по которым члены городского «сената» Александрии могли выбрать на должность муниципального преподавателя врачебного искусства уроженца Месопотамии, то есть человека «со стороны», чужака. Иное дело, если Магн был воспитанником любимого жителями столицы Египта ятрософиста⁵, учился в их городе, а следовательно, имел возможность установить связи с местной элитой.

Некоторые косвенные данные указывают на то, что Орибасий Пергамский также изучал медицину в Александрии. В своей «Collectiones medicae» он сообщал, что мидии, которых городские рыбаки ловят в районе порта, лучше, чем те, что добываются на острове Фарос и у Диолка (Orib. Coll. Med. II.58.129–130)⁶. Пред-

¹ Намек на то, что Магн работал в столице Египта содержится и в посвященной знаменитому врачу эпиграмме александрийцы Паллада (AP. XI.281), творчество которого в основном было посвящено его согражданам и родному городу.

² Itaque et Aesculapius dare ei voluit medicinae peritiam <et> ut habeat: in toto mundo medicos optimos praestare dignatus est, et quam plurime initium salutis omnibus hominibus illa ciuitas constat.

³ ...pro omni tamen experimento sufficiat medico ad commendandam artis auctoritatem, si Alexandriae se dixerit eruditum. О статусе Александрийской медицины в IV в. см. Nutton (1972). P. 165–176.

⁴ См., напр.: Lib. Or. I.35; CTh. XIII.3.5.

⁵ Об отношении александрийцев к Зенону, см. Jul. Ep. B58/ W17/ Ф27.

⁶ ...ὥς πελωρίδες καὶ χημαί, ποικιλία καὶ σχηματισμῶ· αἱ μὲν γὰρ ἐν τῇ ἐν Ἀλεξανδρείᾳ λιμένι ἄρισται, αἱ δὲ περὶ τὸν Δίολκον καὶ Φάρον καὶ γέφυραν ἐπιμήκεις καὶ τραχεῖαι. Ср. Orib. Med. Coll. II.58.54–55.

ставляется очевидным, что такие нюансы могли быть известны лишь человеку, который некоторое время жил в столице Египта. Из вступления в «*Collectiones medicae*» следует, что это сочинение было составлено, в то время, когда автор служил при галльском дворе Юлиана, то есть в 355–361 гг. (*Orib. Coll. Med. I.Pr. = Phot. Bibl. 217*). Как уже было сказано выше, к свите цезаря он присоединился, будучи еще совсем молодым человеком. До своего поступления на службу императору, он очевидно какое-то время практиковал медицину у себя на родине. Судя по всему, именно там состоялось его знакомство с будущим Отступником¹ — во время своей третьей ссылки в Малую Азию (349–354 гг.) Юлиан некоторое время изучал философию в пергамской школе неоплатоника Эдесия (*Eupar. VS. 474*). В 355 г. Орибасий, судя по всему, находился при дворе императора Констанция II в Северной Италии². Иными словами, до своего отъезда в Галлию у него было не так много возможностей посетить Египет. Представляется логичным, что обширные знания об александрийской кулинарии Орибасий получил в годы своего ученичества³. Таким образом, у нас есть весомые основания считать, что в Александрии учились по меньшей мере двое из четырех известных «диадохов» Зенона.

Против гипотезы Райт свидетельствуют и данные о хронологии жизней учеников Зенона. Так, несмотря на то что источники не сохранили точную дату рождения Орибасия, известно, что он прославился и стал придворным архиатром цезаря Юлиана в 355 г.⁴, еще будучи очень молодым человеком (ἐκ μεираκίου δὲ οὕτω ἐπιφανῆς γενόμενος, Ἰουλιανὸς μὲν αὐτὸν εἰς τὸν Καίσαρα προῖόν συνήρπασεν ἐπὶ τῇ τέχνῃ — *Eupar. VS. 498*). При этом на момент написания *VS*, врач он был еще жив и находился в добром здравии

¹ Kokoszko, Jagusiak (2014). S. 10–11; Grant (2018). P. 2; Slaveva-Griffin (2018). P. 971.

² См. *Jul. Ep. ad Ath. 277b–c*.

³ Считается, что в своих рассказах о морских животных Орибасий опирался на труд Ксенократа Афродисийского. См. Abdo (2019). P. 89; Chrone-Vakalopoulos, Vakalopoulos (2008). P. 125, n. 6. Из этого, впрочем, не следует, что он не мог дополнять его информацию, сведениями, полученными из личного опыта.

⁴ См. *Jul. Ep. ad Ath. Loc. cit.*

(ibid. 499). Время написания *VS* традиционно определялось рубежом IV–V вв. Однако, как было недавно показано автором этих строк, в труде Евнапия нашла отражение информация о перенесении мощей свв. Кира и Иоанна в египетский Менуфис. Это событие произошло во время архиепископства Кирилла Александрийского¹, интронизация которого состоялась 18 октября 412 г. (Soc. VII.7). Эту дату можно считать *terminus post quem* для определения времени публикации *VS*². Иными словами, Орибасий дожил до второго десятилетия V в. Следовательно, он едва ли мог появиться на свет раньше 325 г.³.

Его ровесниками, судя по всему, были Ионик Сардский и Магн Нисибиский. Первый из них умер за несколько лет до того, как Евнапий закончил свое сочинение (ibid. 499) — вероятно в первое десятилетие V в. Что касается Магна, то определение точной даты его смерти не представляется возможным. Последнее точно датированное упоминание о нем относится к 388 г. — в тот год ему писал Либаний с просьбой посодействовать поездке александрийских атлетов на антиохийские Олимпиады (Lib. *Ep.* F843/ N147)⁴. Впрочем, скорее всего Магн был приблизительно того же возраста, что и Орибасий — Евнапий описывал их как однокашников (Eunap. *VS.* 498). Таким образом, трое из четырех известных нам «диадохов» Зенона появились на свет не ранее 325 г. Таким образом, принятие гипотезы Райт о том, что Зенон Кипрский умер до 336 г., приводит к парадоксальному заключению — Орибасий, Ионик, и Магн покинули

¹ О времени утверждения культа Кира и Иоанна в Менуфисе, см. подробнее Ведешкин (2021). С. 319-321, см. 32 с библиографией.

² Ведешкин (2021). С. 326-341.

³ См. Bussemaker, Daremberg (1876). P. II; Baldwin (1975). P. 87-88; Lim (1995). P. 58; Goulet, Boudon-Millot (2005). P. 800; Pormann (2018). P. 1106. Иногда встречается датировка «ок. 320 г.» или «начало 320-х годов». См. Grant (1994). P. 1-2; Touwaide (2006).

⁴ В корпусе сочинений Паллада сохранилась эпитафия на смерть врача Магна (AP. XI.281), которого подавляющее большинство исследователей идентифицируют с Магном Нисибисским. Впрочем, определение периода творчества самого Паллада также вызывает ожесточенные научные споры. Некоторые исследователи датируют его с 20-х гг. IV в. до 20-х гг. V в. Обзор полемики, см. в Benelli (2016). P. 978-1007.

отчий дом и начали учиться медицине, не достигнув даже отроческого возраста, что конечно же, совершенно невероятно.

На первый взгляд может показаться, что эти рассуждения противоречат рассказу Евнапия о том, что расцвет «диадохов» Зенона пришелся на время жизни наследника софиста Юлиана Каппадокийского — Проересия Армянина (*ibid.* 497)¹. По данным VS в 362 г. Проересию исполнилось 87 лет (*ibid.* 485). Соответственно, он появился на свет в 275 г. — то есть приблизительно за полвека до рождения Орибасия, Ионика и Магна. Это несоответствие, впрочем, обманчиво. Сам Евнапий проходил курс риторики у Проересия с 362 по 366 г.² Представляется логичным предположить, что именно период своего ученичества Евнапий считал временем акме наставника. Несмотря на то, что Орибасий и Магн были существенно младше Проересия расцвет их профессиональной деятельности пришелся примерно на те же годы. С 355 и по 363 г. Орибасий был придворным архиатром, то есть занимал самый высокий пост, который мог получить практикующий врач³. Исходя из данных переписки Либания, еще до 364 г. Магн возглавил медицинскую школу Александрии, что является неоспоримым свидетельством профессионального успеха ятрософиста (*Lib. Ep.* F1208/ B140).

В целом, сообщение Евнапия о том, что ученики Зенона были современниками Проересия, а сам Зенон жил во времена софиста Юлиан Каппадокийский, естественно вытекает из общей структуры составленного им сборника. VS — глубоко личное произведение. Евнапий не стремился написать биографии всех скольконибудь заметных философов, софистов и врачей своего века⁴. Основной темой его труда была его собственная «интеллектуальная

¹ Как уже было сказано выше, именно это заставило Чивилетти примкнуть к числу сторонников гипотезы Райт (Civiletti (2007). P. 644.

² Гипотеза Р. Гуле, считавшего, что Евнапий родился поступил в школу Проересия в 364 г. (Goulet (1980). P. 60-72; ср. Blockley (1981) IX; 1), распространения не получила. См. Banchich (1987). P. 164-167; Penella (1990). P. 2-3.

³ См. Ведешкин (2018). С. 304-305.

⁴ К примеру, он ни словом не упоминал ни о знаменитом константинопольском перипатетике Фемистии, ни о Гипатии Александрийской и афинских неоплатониках.

генеалогии». Евнапий преподавал риторику и изучал философию и медицину. Отсюда разделения текста VS на три части, посвященные философской, риторической и медицинской школам, к которым причислял себя автор¹. Свое повествование он строил по поколениям их учеников. После рассказа об основателе школы (его школьных «дедах» и, в случае с «философским» разделом его труда, «прадедах» и «прапрадедах»), он переходил к биографиям их преемников наставников самого Евнапия (т.е. его школьных «отцов» и «дядьев») и их учеников (которые, соответственно, приходились автору «братьями» по школе)². Философию Евнапий изучал под руководством Хризанфия Сардского (Eunap. VS. 458; 461; 500–504), чьим наставником был неоплатоник Эдесий Пергамский (ibid. 474–475; 481–482); риторику — у Проересия (ibid. 485–493), унаследовавшего школу Юлиана Каппадокийского (ibid. 483–485)); а медицину у Орибасия³ (ibid. 499) — ученика Зенона Кипрского. Иными словами, Эдесий, софист Юлиан и ятрософист Зенон были школьными «дедами» Евнапия, а — Хризанфий, Проересий и Орибасий его «отцами». Таким образом, для Евнапия Эдесий, Юлиан и Зенон были представителями одного «школьного поколения». Отсюда и его настойчивые попытки сблизить время их жизни и творческой деятельности (ibid. 482; 497)⁴. При этом, для него было совершенно не важно, что софист Юлиан скончался до 336 г., а Эдесий дожил по меньшей мере до начала 350-х. Такие «мелочи», как точные даты рождений и смертей его героев или же их разница в возрасте Евнапия совершенно не интересовали — с точки зрения сардского ритора «подробно же исчисленные времена, как незванные свидетели, являющиеся произвольно, никакой в этом деле (т.е. в написании исторических трудов — М.В.) пользы

¹ Buck (1992). P. 149-150; Cox Miller (2000). P. 235-241; Watts (2005). P. 342.

² О квази-семейных отношениях в позднеантичных школах, см. Petit (1957). P. 35-36; Kaster (1988). P. 67-69; Cribiore (2007). P. 140-141; Watts (2012). P. 472; Ведешкин (2020). С. 296.

³ Орибасий посвятил Евнапию книгу о медицинском искусстве (Phot. Cod. 218).

⁴ См. Penella (1990). P. 79; Buck (1992). P. 154; Watts E. (2005). P. 341-342.

не приносят» (Eunap. *Hist.* fr. 1, пер. С. Дестунис)¹. Иначе говоря, есть все основания полагать, что в случае с «проблемой Зенона», мы вновь имеем дело с туманностью текста Евнапия и его волюнтаристскому подходу к хронологии.

Подведем итоги. Исследование хронологии жизней учеников Зенона однозначно свидетельствует о том, что ятрософист никак не мог скончаться до 336 г. Кроме того, можно считать доказанным и то, что его школа располагалась в Александрии. Последовательное занятие медицинской кафедры в столице Египта двумя знаменитыми ятрософистами по имени Зенон не невозможно, но все же весьма маловероятно. Таким образом, корреспондентом Либания и императора Юлиана с высокой долей вероятности был тот же Зенон, о котором рассказывал Евнапий. Следовательно, Зенон дожил как минимум до конца 361 г. Впрочем, вскоре после его возвращения из ссылки он, судя по всему, прекратил преподавательскую деятельность. Как уже отмечалось выше, в 364 г. главой медицинского училища Александрии уже был его ученик Магн Нисибисский. Причины, по которым Зенон оставил кафедру, неизвестны. Можно предположить, что он решил уйти на покой или же умер.

Материал поступил в редакцию 19.02.2022

*Материал поступил в редакцию
после рецензирования 1.03.2022*

¹ ...οἱ δὲ ἀκριβεῖς λογισμοὶ τῶν χρόνων, ὥσπερ ἄκλητοι μάρτυρες, αὐτομάτως ἐπεισίνοντες, ἐς ταῦτα ὠφελοῦσιν οὐδέν. В результате своего пренебрежения хронологией Евнапий подчас совершал довольно нелепые ошибки. К примеру, он путал военные кампании персидского шахиншаха Шапура I (240 / 243–272 / 273 гг.) и походы его правнука Шапура II (309–379 гг.) (Eunap. *VS.* 465).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Abdo, A. (2019) *Alexandria in antiquity: a topographical reconstruction*. Barcelona: Universitat Autònoma de Barcelona.
- Andorlini, I. (2007) "Teaching medicine in Late Antiquity: method, texts and contexts", ed. by P. Lendinara, L. Lazzali, M.A. D'Aronco. *Form and Content of Instruction in Anglo-Saxon England in the Light of Contemporary Manuscript Evidence: Papers Presented at the International Conference, Udine, 6–8 April 2006*. Turnhout: Brepols Publishers, 401-414.
- Baldwin, B. (1975) "The Career of Oribasius", *Acta Classica* 18, 85-97.
- Banchich, T. (1987) "On Goulet's Chronology of Eunapius' Life and Works", *The Journal of Hellenic Studies* 107, 164-167.
- Becker, M. (2013) *Eunapios aus Sardes: Biographien über Philosophen und Sophisten. Einleitung, Übersetzung, Kommentar*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Benelli, L. (2016) "The Age of Palladas", *Mnemosyne* 69, 978-1007.
- Bidez, J.; Cumont, F. (1922) *Imp. Caesaris Flavii Claudii Iuliani epistulae, leges, poematia, fragmenta varia*. Paris; London: Les Belles lettres; Oxford University Press.
- Blockley, R.C. (1981) *The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus*. Trowbridge: Francis Cairns, Vol. 1.
- Boissonade, J.F.; Wyttenbach, D.A. (1822) *Eunapii Sardiani Vitas Sophistarum et fragmenta Historiarum*. Amsterdam: Petrum den Hengst et filium.
- Bowersock, G. (2010) "Iatrosophists", ed. L. G. Milić, N. Hecquet-Noti. *Historiae Augustae: colloquium Genevense in honorem F. Paschoud septuagenarii. Les Traditions Historiographiques De L'Antiquité Tardive: Idéologie, Propagande, Fiction, Réalité*. Bari: Edipuglia, 83-91.
- Bradbury, S. (2003) *Selected Letters of Libanius: From the Age of Constantius and Julian*. Glasgow: Liverpool University Press.
- Buck, D.F. (1992) "Eunapius' lives of the Sophists", *Byzantion*. 62, 141-57.
- Bussemaker, U.C.; Daremberg, C. (1876). *Oeuvres d'Oribase: texte Grec, en grande partie inédit, collationnée sur les manuscrits*. Paris: L'Imprimerie nationale.
- Caltabiano, M. (1991) *L'epistolario di Giuliano imperatore: saggio storico, traduzione, note e testo in appendice*. Koinōnia, 14. Napoli: M. D'Auria editore.

- Chronē-Vakalopoulos, M.; Vakalopoulos, A. (2008) "Fishes and other aquatic species in the Byzantine literature. Classification, terminology and scientific names", *Byzantina Symmeikta* 18, 123-157.
- Civiletti, M. (2007) *Eunapio. Vite di filosofi e sofisti. Testo greco a fronte*. Milan, Italy: Bompiani.
- Cox Miller, P. (2000) "Strategies of Representation in Collective Biography: Constructing the Subject as Holy", ed. T. Hägg, P. Rousseau, C. Høgel. *Greek Biography and Panegyric in Late Antiquity*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 209-254.
- Cracco Ruggini, L. (2003) "Iatrosostica pagana, «filosofia» cristiana e medicina (IV-VI secolo)", ed. F. Chausson; E. Wolff. *Consuetudinis amor. Fragments d'histoire culturelle (IIe-VIe siècle). Mélanges en l'honneur de Jean-Pierre Callu*. Roma: "L'Erma" di Bretschneider, 189-216.
- Cribiore, R. (2007) *The School of Libanius in Late Antique Antioch*. Princeton: Princeton University Press.
- Cruscuola, U. (1999) "Giuliano imperatore e la tradizione medica", ed. A. Garzya, J. Jouanna. *I testi medici greci: tradizione e ecdotica: atti del III convegno internazionale, Napoli, 15-18 ottobre 1997*. Napoli: D'Auria, 51-66.
- Duffy, J. (1984) "Byzantine Medicine in the Sixth and Seventh Centuries: Aspects of Teaching and Practice", *Dumbarton Oaks Papers* 38, 21-27.
- Eijk, P.J. van der. (2005) *Medicine and Philosophy in Classical Antiquity: Doctors and Philosophers on Nature, Soul, Health and Disease*. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press.
- Giangrande, G. (1956) "Vermutungen und Bemerkungen zum Text der Vitae Sophistarum des Eunapius", *Rheinisches Museum für Philologie* 99, 133-153.
- Goulet, R. (1980) "Sur la chronologie de la vie et des oeuvres d'Eunape de Sardes", *The Journal of Hellenic Studies* 100, 60-72.
- Goulet, R.; Boudon-Millot V. (2005) "Oribase de Pergame", ed. R. Goulet. *Dictionnaire des philosophes antiques*. Paris: Cnrs Éditions, 800-804.
- Grant, M.D. (2018) *Dieting for an Emperor: A Translation of Books 1 and 4 of Oribasius' Medical Compilations with an Introduction and Commentary*. Leiden; New York; Köln: Brill.
- Haehling, R. von. (1978) "Ammianus Marcellinus und der Prozess von Skythopolis", *Jahrbuch für Antike und Christentum* 21, 74-101.

- Heyden, K. (2010) "Beth Shean/Scythopolis in Late Antiquity: Cult and Culture, Continuity and Change", ed. by R. G. Kratz, H. Spieckermann. *One God - One Cult - One Nation: Archaeological and Biblical Perspectives*. Berlin; New York: De Gruyter, 301-337.
- Iskandar, A.Z. (1976) "An Attempted Reconstruction of the Late Alexandrian Medical Curriculum", *Medical History* 20, 235-258.
- Janiszewski, P.; Stebnicka, K.; Szabat, E. (2014) *Prosopography of Greek Rhetors and Sophists of the Roman Empire*. New York, NY: Oxford University Press.
- Jones, A.H.M.; Martindale, J.R.; Morris, J. (1971) *The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume I. A.D. 260–395*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kaster, R.A. (1988) *Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity*. Berkeley: University of California Press.
- Kokoszko, M.; Jagusiak, K. (2014) "Życie i kariera Orybazjusza w świetle relacji źródłowych", *Przegląd Nauk Historycznych* 10/1, 5-21.
- Kudlien, F. (1972) "Zenon 15," *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft: neue Bearbeitung begonnen von Georg Wissowa. Band X A (Zenobia–Zythos)*. München: Alfred Druckenmüller Verlag, 147.
- Lim, R. (1995) *Public Disputation, Power, and Social Order in Late Antiquity*. Berkeley: University of California Press.
- Marasco, G. (2010) "The Curriculum of Studies in the Roman Empire and the Cultural Role of Physicians", ed. by M. Horstmannshoff. *Hippocrates and Medical Education. Selected Papers Presented at the XIIth International Hippocrates Colloquium, Universiteit Leiden, 24-26 August 2005*. Leiden: Brill, 205-219.
- Nutton, V. (1972) "Ammianus and Alexandria", *Clio Medica. Acta Academiae Internationalis Historiae Medicinae* 7, 165-176.
- Nutton, V. (2009) "Zeno 17", *Brill's New Pauly*. Brill.
- Penella, R.J. (1990) *Greek Philosophers and Sophists in the Fourth Century AD. Studies in Eunapius of Sardis*. Leeds, Great Britain: Francis Cairns.
- Petit, P. (1957) *Les étudiants de Libanius*. Paris: Nouvelles éditions latines.
- Petit, P. (1994) *Les fonctionnaires dans l'œuvre de Libanius: analyse prosopographique*. Paris: Université de Franche-Comté.
- Piganiol, A. (1973) *L'empire chrétien*, 325-395. Paris: Presses Universitaires de France.

- Pormann, P.E. (2010) "Medical Education in Late Antiquity from Alexandria to Montpellier", ed. by M. Horstmanshoff. *Hippocrates and Medical Education. Selected Papers Presented at the XIIIth International Hippocrates Colloquium, Universiteit Leiden, 24-26 August 2005*. Leiden: Brill, 419-441.
- Pormann, P.P. (2018) "Oribasius", *The Oxford Dictionary of Late Antiquity* / O. Nicholson. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press, 1106.
- Roueché, M. (1999) "Did Medical Students Study Philosophy in Alexandria?", *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 43, 153-169.
- Sandwell, I. (2005) "Outlawing 'Magic' or Outlawing 'Religion'? Libanius and the Theodosian Code as Evidence for Legislation against 'Pagan' Practices", ed. by W. V. Harris. *The Spread of Christianity in the First Four Centuries*. Leiden; Boston: Brill, 87-123.
- Sardiello, R. (1998) "Medici e medicina in Giuliano", *Rudiae* 10, 187-223.
- Slaveva-Griffin, S. (2018) "Byzantine Medical Encyclopedias and Education", ed. by P. T. Keyser, J. Scarborough. *Oxford Handbook of Science and Medicine in the Classical World*. Oxford University Press, 964-986.
- Swinton, J.; Campbell, J.; Shelvocke, G.; Bower, A.; Psalmanazar, G.; Sale, G. (1748) *An Universal history, from the earliest account of time. Compiled from original authors; and illustrated with maps, cuts, notes*. London: T. Osborne etc.
- Temkin, O. (1962) "Byzantine Medicine: Tradition and Empiricism", *Dumbarton Oaks Papers* 16, 95-115.
- Touwaide, A. (2006) "Oribasius", *Brill's New Pauly*. Brill.
- Watts, E. (2005) "Orality and Communal Identity in Eunapius' Lives of the Sophists and Philosophers", *Byzantion* 75, 334-361.
- Watts, E.J. (2012) "Education: Speaking, Thinking, and Socializing", *The Oxford Handbook of Late Antiquity*. Oxford University Press, 467-486.
- Westerink, L.G. (1964) "Philosophy and Medicine in Late Antiquity", *Janus* 51, 169-177.
- Wright, W.C. (1922) "Review of Iuliani Imperatoris. Epistulae, leges, poematia, fragmenta varia, collegerunt", *Classical Philology*. 17, 362-367.
- Wright, W.C. (1923) *The Works of the Emperor Julian. Vol. III. Letters, Epigrams, Against the Galileans, Fragments*. London: Loeb Classical Library.
- Wright, W.C.F. (1922) *Philostratus and Eunapius: The Lives of the Sophists*. London; New York: Heinemann; Putnam.

- Ведешкин, М.А. (2021) «Когда Евнапий писал свои школьные биографии? К вопросу о датировке “*Vitae Sophistarum*”», *ΣΧΟΛΗ (Scholē). Φιλοσοφское антиковедение и классическая традиция XV*, 326-341.
- Ведешкин, М.А. (2020) «Ритор Исокасий: портрет позднеантичного учителя и политика», *Диалог со временем* 73, 293-306.
- Ведешкин, М.А. (2018) «Социально-правовой статус врача в поздней Римской империи», *История медицины* 5, 301-307.
- Ведешкин, М.А. (2021) «Юлиан Каппадокийский и афинские школы конца III — начала IV веков», под. ред. В.К. Пичугина. *Образовательные пространства и антропопрактики города*. М.: Аквилон, 278-306.
- Ведешкин, М.А. (2018) *Языческая оппозиция христианизации Римской империи IV–VI вв.* СПб.: Алетейя.
- Коптелов, Б.В. (2003) *Отношения римских императоров с христианской церковью в 330-х – начале 360-х годов*. М.: МГОПУ им. М.А. Шолохова.
- Фурман, Д.Е. (1970) «Император Юлиан. Письма», *Вестник древней истории* 112. 233-259.

Mikhail A. VEDESHKIN

IATROSOPHIST ZENO AND MEDICAL SCHOOLS OF ALEXANDRIA IN THE FOURTH CENTURY

This article discusses some aspects of the curriculum of medical schools in Late Antiquity, the status of medical schools and the educational space of Late Antique Alexandria in the fourth century AD. The study focusses on the biography of Iatrosophist Zeno of Cyprus, an erudite, rhetor and one of the most famous teachers of medicine in the fourth century, whose biography the sophist Eunapius of Sardis included in his *Lives of Philosophers and Sophists*. The author opposes the hypothesis established in historiography by W. K. Wright and M. Civiletti, according to which Zeno died before 336, and puts forward new arguments in favor of the fact that he was identical with the archiater Zeno of Alexandria, with whom in 359–361 the rhetor Libanius and the Emperor Flavius Claudius Julian (the Apostate) corresponded. The chronology of the lives of Zeno's disciples (Oribasius from Pergamum, Ionicus of Sardis, and Magnus of Nisibis) testifies in favor of the fact that the

iatrosophist could not have died before 336. In addition, it can be considered proven that Zeno's of Cyprus school of was based in Alexandria. A successive occupation of the medical chair in the capital of Egypt by two famous iatrosophists named Zeno is not impossible, but highly improbable. Thus, with a high degree of probability, the correspondent of the rhetor Libanius and the Emperor Julian the Apostate was the same Zeno mentioned by Eunapius of Sardis. In other words, Zeno of Cyprus lived at least until the end of 361 AD. In general, the research results allow us to correct the generally accepted dates of the iatrosophist's life and provide new arguments in favor of R. Penella and J. Giangrande's assumption that Zeno of Cyprus and Zeno of Alexandria was one and the same person. In addition, the article provides the author's translation of a letter from Libanius to Zeno that has not been published in Russian yet.

REFERENCES

- Abdo, A. (2019) *Alexandria in antiquity: a topographical reconstruction*. Barcelona: Universitat Autònoma de Barcelona.
- Andorlini, I. (2007) "Teaching medicine in Late Antiquity: method, texts and contexts", ed. by P. Lendinara, L. Lazzali, M.A. D'Aronco. *Form and Content of Instruction in Anglo-Saxon England in the Light of Contemporary Manuscript Evidence: Papers Presented at the International Conference, Udine, 6–8 April 2006*. Turnhout: Brepols Publishers, 401-414.
- Baldwin, B. (1975) "The Career of Oribasius", *Acta Classica* 18, 85-97.
- Banchich, T. (1987) "On Goulet's Chronology of Eunapius' Life and Works," *The Journal of Hellenic Studies* 107, 164-167.
- Becker, M. (2013) *Eunapios aus Sardes: Biographien über Philosophen und Sophisten. Einleitung, Übersetzung, Kommentar*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Benelli, L. (2016) "The Age of Palladas", *Mnemosyne* 69, 978-1007.
- Bidez, J.; Cumont, F. (1922) *Imp. Caesaris Flavii Claudii Iuliani epistulae, leges, poematia, fragmenta varia*. Paris; London: Les Belles lettres; Oxford University Press.
- Blockley, R.C. (1981) *The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus*. Trowbridge: Francis Cairns, Vol. 1.

- Boissonade, J.F.; Wyttenbach, D.A. (1822) *Eunapii Sardiani Vitas Sophistarum et fragmenta Historiarum*. Amsterdam: Petrum den Hengst et filium.
- Bowersock, G. (2010) "Iatrosophists", ed. L. G. Milić, N. Hecquet-Noti. *Historiae Augustae: colloquium Genevense in honorem F. Paschoud septuagenarii. Les Traditions Historiographiques De L'Antiquité Tardive: Idéologie, Propagande, Fiction, Réalité*. Bari: Edipuglia, 83-91.
- Bradbury, S. (2003) *Selected Letters of Libanius: From the Age of Constantius and Julian*. Glasgow: Liverpool University Press.
- Buck, D.F. (1992) "Eunapius' lives of the Sophists", *Byzantion*. 62, 141-57.
- Bussemaker, U.C.; Daremberg, C. (1876). *Oeuvres d'Oribase: texte Grec, en grande partie inédit, collationnée sur les manuscrits*. Paris: L'Imprimerie nationale.
- Caltabiano, M. (1991) *L'epistolario di Giuliano imperatore: saggio storico, traduzione, note e testo in appendice*. Koinōnia, 14. Napoli: M. D'Auria editore.
- Chronē-Vakalopoulos, M.; Vakalopoulos, A. (2008) "Fishes and other aquatic species in the Byzantine literature. Classification, terminology and scientific names", *Byzantina Symmeikta* 18, 123-157.
- Civiletti, M. (2007) *Eunapio. Vite di filosofi e sofisti. Testo greco a fronte*. Milan, Italy: Bompiani.
- Cox Miller, P. (2000) "Strategies of Representation in Collective Biography: Constructing the Subject as Holy", ed. T. Hägg, P. Rousseau, C. Högel. *Greek Biography and Panegyric in Late Antiquity*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 209-254.
- Cracco Ruggini, L. (2003) "Iatrosostica pagana, «filosofia» cristiana e medicina (IV-VI secolo)", ed. F. Chausson; E. Wolff. *Consuetudinis amor. Fragments d'histoire culturelle (Ile-VIe siècle). Mélanges en l'honneur de Jean-Pierre Callu*. Roma: "L'Erma" di Bretschneider, 189-216.
- Cribiore, R. (2007) *The School of Libanius in Late Antique Antioch*. Princeton: Princeton University Press.
- Cruscuola, U. (1999) "Giuliano imperatore e la tradizione medica", ed. A. Garzya, J. Jouanna. *I testi medici greci: tradizione e ecdotica: atti del III convegno internazionale, Napoli, 15-18 ottobre 1997*. Napoli: D'Auria, 51-66.
- Duffy, J. (1984) "Byzantine Medicine in the Sixth and Seventh Centuries: Aspects of Teaching and Practice", *Dumbarton Oaks Papers* 38, 21-27.

- Eijk, P.J. van der. (2005) *Medicine and Philosophy in Classical Antiquity: Doctors and Philosophers on Nature, Soul, Health and Disease*. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press.
- Furman, D.E. (1970) "Imperator Julian. Pis'ma", *Vestnik drevnej istorii* 112. 233-259.
- Giangrande, G. (1956) "Vermutungen und Bemerkungen zum Text der Vitae Sophistarum des Eunapius", *Rheinisches Museum für Philologie* 99, 133-153.
- Goulet, R. (1980) "Sur la chronologie de la vie et des oeuvres d'Eunape de Sardé", *The Journal of Hellenic Studies* 100, 60-72.
- Goulet, R.; Boudon-Millot V. (2005) "Oribase de Pergame", ed. R. Goulet. *Dictionnaire des philosophes antiques*. Paris: Cnrs Éditions, 800-804.
- Grant, M.D. (2018) *Dieting for an Emperor: A Translation of Books 1 and 4 of Oribasius' Medical Compilations with an Introduction and Commentary*. Leiden; New York; Köln: Brill.
- Haehling, R. von. (1978) "Ammianus Marcellinus und der Prozess von Skythopolis", *Jahrbuch für Antike und Christentum* 21, 74-101.
- Heyden, K. (2010) "Beth Shean/Scythopolis in Late Antiquity: Cult and Culture, Continuity and Change," ed. by R. G. Kratz, H. Spieckermann. *One God — One Cult — One Nation: Archaeological and Biblical Perspectives*. Berlin; New York: De Gruyter, 301-337.
- Iskandar, A.Z. (1976) "An Attempted Reconstruction of the Late Alexandrian Medical Curriculum", *Medical History* 20, 235-258.
- Janiszewski, P.; Stebnicka, K.; Szabat, E. (2014) *Prosopography of Greek Rhetors and Sophists of the Roman Empire*. New York, NY: Oxford University Press.
- Jones, A.H.M.; Martindale, J.R.; Morris, J. (1971) *The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume I. A.D. 260–395*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kaster, R.A. (1988) *Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity*. Berkeley: University of California Press.
- Kokoszko, M.; Jagusiak, K. (2014) "Życie i kariera Orybazjusza w świetle relacji źródłowych", *Przegląd Nauk Historycznych* 10/1, 5-21.
- Koptelov, B.V. (2003) *Otnoshenija rimskih imperatorov s hristianskoj cerkov'ju v 330-h - nachale 360-h godov*. M.
- Kudlien, F. (1972) "Zenon 15", *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft: neue Bearbeitung begonnen von Georg Wissowa*.

- Band X A (Zenobia–Zythos)*. München: Alfred Druckenmüller Verlag, 147.
- Lim, R. (1995) *Public Disputation, Power, and Social Order in Late Antiquity*. Berkeley: University of California Press.
- Marasco, G. (2010) “The Curriculum of Studies in the Roman Empire and the Cultural Role of Physicians”, ed. by M. Horstmanshoff. *Hippocrates and Medical Education. Selected Papers Presented at the XIIth International Hippocrates Colloquium, Universiteit Leiden, 24-26 August 2005*. Leiden: Brill, 205-219.
- Nutton, V. (1972) “Ammianus and Alexandria”, *Clio Medica. Acta Academiae Internationalis Historiae Medicinae* 7, 165-176.
- Nutton, V. (2009) “Zeno 17”, *Brill’s New Pauly*. Brill.
- Penella, R.J. (1990) *Greek Philosophers and Sophists in the Fourth Century AD. Studies in Eunapius of Sardis*. Leeds, Great Britain: Francis Cairns.
- Petit, P. (1957) *Les étudiants de Libanius*. Paris: Nouvelles éditions latines.
- Petit, P. (1994) *Les fonctionnaires dans l’œuvre de Libanius: analyse prosopographique*. Paris: Université de Franche-Comté.
- Piganiol, A. (1973) *L’empire chrétien, 325-395*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Pormann, P.E. (2010) “Medical Education in Late Antiquity from Alexandria to Montpellier”, ed. by M. Horstmanshoff. *Hippocrates and Medical Education. Selected Papers Presented at the XIIth International Hippocrates Colloquium, Universiteit Leiden, 24-26 August 2005*. Leiden: Brill, 419–441.
- Pormann, P.P. (2018) “Oribasius,” *The Oxford Dictionary of Late Antiquity* / O. Nicholson. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press, 1106.
- Roueché, M. (1999) “Did Medical Students Study Philosophy in Alexandria?”, *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 43, 153-169.
- Sandwell, I. (2005) “Outlawing ‘Magic’ or Outlawing ‘Religion’? Libanius and the Theodosian Code as Evidence for Legislation against ‘Pagan’ Practices”, ed. by W. V. Harris. *The Spread of Christianity in the First Four Centuries*. Leiden; Boston: Brill, 87-123.
- Sardiello, R. (1998) “Medici e medicina in Giuliano”, *Rudiae* 10, 187-223.
- Slaveva-Griffin, S. (2018) “Byzantine Medical Encyclopedias and Education”, ed. by P. T. Keyser, J. Scarborough. *Oxford Handbook of Science and Medicine in the Classical World*. Oxford University Press, 964-986.

- Swinton, J.; Campbell, J.; Shelvocke, G.; Bower, A.; Psalmanazar, G.; Sale, G. (1748) *An Universal history, from the earliest account of time. Compiled from original authors; and illustrated with maps, cuts, notes.* London: T. Osborne etc.
- Temkin, O. (1962) “Byzantine Medicine: Tradition and Empiricism”, *Dumbarton Oaks Papers* 16, 95-115.
- Touwaide, A. (2006) “Oribasius”, *Brill’s New Pauly*. Brill.
- Vedeshkin, M.A. (2018) «Social'no-pravovoj status vracha v pozdnej Rimskoj imperii», *Istorija mediciny* 5, 301-307.
- Vedeshkin, M.A. (2018) *Jazycheskaja oppozicija hristianizacii Rimskoj imperii IV–VI vv.* Spb.: Aletejja.
- Vedeshkin, M.A. (2020) «Ritor Isokasij: portret pozdneantichnogo uchitelja i politika», *Dialog so vremenem* 73, 293-306.
- Vedeshkin, M.A. (2021) «Julian Kappadokijskij i afinskie shkoly konca III – nachala IV veka», pod. red. V.K. Pichugina. *Obrazovatel'nye prostranstva i antropopraktiki goroda.* M.: Akvilon, 278-306.
- Vedeshkin, M.A. (2021) «Kogda Evnapij pisal svoi shkol'nye biografii? K voprosu o datirovke “Vitae Sophistarum”», *ΣΧΟΛΗ (Scholē). Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaja tradicija* XV, 326-341.
- Watts, E. (2005) “Orality and Communal Identity in Eunapius’ Lives of the Sophists and Philosophers”, *Byzantion* 75, 334-361.
- Watts, E.J. (2012) “Education: Speaking, Thinking, and Socializing”, *The Oxford Handbook of Late Antiquity*. Oxford University Press, 467-486.
- Westerink, L.G. (1964) “Philosophy and Medicine in Late Antiquity”, *Janus* 51, 169-177.
- Wright, W.C. (1922) “Review of Iuliani Imperatoris. Epistulae, leges, poematia, fragmenta varia, collegerunt”, *Classical Philology*. 17, 362-367.
- Wright, W.C. (1923) *The Works of the Emperor Julian. Vol. III. Letters, Epigrams, Against the Galileans, Fragments.* London: Loeb Classical Library.
- Wright, W.C.F. (1922) *Philostratus and Eunapius: The Lives of the Sophists.* London; New York: Heinemann; Putnam.

«ЧУМА» ФУКИДИДА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПАЙДЕЙЮ*

А.Ю. МОЖАЙСКИЙ

В статье рассматривается эпидемия, поразившая Афины во время Пелопоннесской войны 431–404 гг. до н.э., основная вспышка которой, проходившая в два этапа, пришлась на 430–426 гг. до н.э. Наибольшие сведения о болезни в Афинах сообщает историк Фукидид. В статье проанализированы наименования относительно болезни, которые использует афинский историк (νόσος, νόσση, λοῖμός, κάκος), произведен количественный и контекстуальный анализ их употребления. Особый характер употребления у Фукидида имеет слово λοῖμός, которое используется, чтобы представить не просто какую-то болезнь, а именно мор — то, что сейчас можно назвать эпидемией. Это особенно видно из словосочетания λοῖμώδης νόσος (моровая / заразная болезнь) (Thuc. 1.23.3), что показывает инфекционный характер болезни. Другой важной характеристикой употребления слова λοῖμός является то, что Фукидид три раза из четырех использует его в контек-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 18–78–10001–П. — <https://rscf.ru/project/18-78-10001/> (март, 2022). Основой статьи стал доклад автора на семинаре «Медицинское образование в Античности: город и болезнь», который был организован на базе кафедры гуманитарных наук международного факультета Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова и состоялся 8 ноября 2021 г. Однако, для настоящей публикации текст существенно переработан и дополнен.

сте древнего изречения. Эта и другая лексика дает представление о том, что историк владел современной медицинской терминологией, которая отражает передовое медицинское образование того времени. Указаны параллели использования этой лексики у младшего современника Фукидида — философа Платона. В статье также рассмотрена традиция исследования описанной Фукидидом болезни, где главным трендом является постепенное отождествление ее с каким-либо видом тифа. Последнее стало возможным благодаря археологическим материалам из раскопок в Керамике: исследованию костных останков, найденных в нескольких коллективных захоронениях. Заключительная часть статьи посвящена влиянию, оказанному последствиями эпидемии на афинскую *пайдею*, вероятно, выразившееся в умалении гуманистической составляющей образовательного пространства. Убыль населения, в том числе учителей, и, вероятная, еще большая убыль детского населения, не могли не сказаться на упоминаемом Фукидидом кризисе нравственного состояния населения Аттики во время болезни. Долговременный негативный экономический эффект еще более усугублял положение, которое в конечном итоге выразилось в 413 г. до н.э. в бесчеловечном уничтожении беотийского города — Микалlesa. Это также является результатом воздействия болезни на внешнюю *пайдею*, ведь нападавшие уничтожили самую большую школу в беотийском городе.

Для классического периода истории Греции одной из самых важных исторических детерминант явилась Пелопоннесская война 431–404 гг. до н.э., которая оказала влияние не только на поколение ее современников, но и на всю будущую западную цивилизацию¹. Во многом влияние на потомков было оказано из-за

¹ Историография относительно Пелопоннесской войны поистине масштабна, поскольку и сама война в различных ее проявлениях и творчество Фукидида являются классическими предметами самых разных антиковедческих исследований. Поэтому мы приведем здесь лишь некоторые значимые общие работы по истории этого древнего конфликта: Kagan (1969), (1974), (1981), (1987); Hanson (2005); Tritle (2010). Специальные работы, касающиеся «чумы» в Афинах будут приведены далее.

того, что одним из самых значимых текстов классического периода является дошедшее до нас сочинение Фукидида¹, который и описал события Пелопоннесской войны вплоть до 411 г. до н.э. Одним из крупных вопросов, стоящих перед исследователями этого источника является интерпретация текста Фукидида, касающегося, так называемой «чумы» в Афинах.

В 430 г. до н.э. в Афинах вспыхнула страшная болезнь, о которой Фукидид сообщает, что, как говорят (ὡς λέγεται), она сначала началась (ἤρξατο δὲ τὸ μὲν πρῶτον) из Эфиопии (ἐξ Αἰθιοπίας), потом спустилась и в Египет и Ливию (ἔλειτα δὲ καὶ ἐς Αἴγυπτον καὶ Λιβύην κατέβη) и в большую часть земли царя (καὶ ἐς τὴν βασιλέως γῆν τὴν πολλήν) (Thuc. 2.48.1). Афинский историк также отмечает, что в Афинах болезнь поразила сначала людей в Пирее (καὶ τὸ πρῶτον ἐν τῷ Πειραιεῖ ἤψατο τῶν ἀνθρώπων) (Thuc. 2.48.2)².

Фукидид сам переболел этой болезнью и в деталях описал симптомы, чтобы эту болезнь можно было распознать, если она

¹ В том числе, выделяется влияние текста Фукидида на неоконсервативные общественные и политические круги современного западного общества (право государства давать незамедлительный военный ответ враждебным силам), а также противоположное прочтение Фукидида их оппонентами (начало крупной войны ведет к катастрофе), см.: Lee, Morley (2015). P. 1-4. Современная международная политическая риторика не обходится без отсылок к Фукидиду. Например, премьер министр Великобритании Борис Джонсон 17 декабря 2017 г. в интервью «The Sunday Times» сравнил США и Запад с Афинами, а Россию — со Спартой, см.: <https://www.thetimes.co.uk/article/boris-johnson-exclusive-interview-russia-yemen-brexiteers-beavers-leave-it-all-to-me-fgzshjtwj> (март, 2022). Лидер КНР Си Цзиньпин, начиная с 2012 г. использует в политической риторике термин «ловушка Фукидида», который означает тенденцию к войне, когда укрепляющая свои силы страна угрожает вытеснить существующую великую державу в качестве гегемона, см.: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201808/15/WS5b7397bca310add14f385e37.html> (март, 2022).

² Существуют разные точки зрения и интерпретации относительно текста Фукидида (2.47.3-54.5), затрагивающие как филологические, так и исторические вопросы. Для краткого ознакомления с ними полезно обратиться к комментариям Гомма (Gomme (1956). P. 146-162) и Хорнбловера (Hornblower (2003). P. 316-327).

вспыхнет вновь (Thuc. 2.48.3)¹. Поскольку город был перенаселен, болезнь распространялась очень быстро и длилась в основном с 430 по 426 гг. до н.э.². Погибли тысячи людей, включая Перикла³.

¹ Я признателен Евгению Афонасину, который на семинаре «Медицинское образование в Античности: город и болезнь» справедливо задал важный вопрос, связанный с недостаточным освещением этой болезни авторами, близкими по времени к Фукидиду. Действительно, еще в 1980 г. Лонгригг (Longrigg [1980]) отметил, что один из его коллег высказал предположение, согласно которому описание эпидемии Фукидидом является чисто литературным вымыслом для историографических целей. Салларес (Sallares [1991]. Р. 244) отмечает, что это не так, поскольку в литературных источниках сохранилась часть информации об этой эпидемии, которую нельзя найти у Фукидида, что говорит о существовании независимой от Фукидида традиции. Салларес (Sallares [1991]. Р. 246-247, п. 348) приводит список источников от сочинений Платона до Диодора, Лукреция и Плутарха, а также от Павсания до Диогена Лаэртского, которые содержат дополнительную информацию. Сообщения Павсания, например, имеют весьма специфические детали, относящиеся к эпидемии в других местах, не в Афинах (Paus.2.32.6 — о храме Пана Литерия (Избавителя), который открыл стоявшим во главе Трезена начальникам, как исцелиться от болезни, когда она перебросилась в Трезенскую область и др. сообщения о местах на Пелопоннесе — Paus. 8.41.7-9; 10.11.5). Из более близких источников к Фукидиду можно выделить сообщение об этой болезни у Платона (*Symp.* 201d). Лексика Платона относительно болезни, которую он называет *λοϊμός* и *νόσος*, соответствует Фукидиду. Отмечу, что моя ссылка на Аристотеля, во время ответа на вопрос Евгения, была не верна.

² Из Thuc.3.87.1-3 ясно, что первая вспышка болезни длилась несколько лет (430–429 гг. до н.э.), а вторая — не менее года (427/426 г. до н.э.), см.: Gomme (1956). Р. 160, 388-389; Hornblower (2003). Р. 494.

³ По оценке Могенса Хансена, которая основывается на тексте Фукидида (Thuc. 3.87.3), где сказано, что не менее, чем 4400 строевых (*ἐκ τῶν τάξεων* — из подразделений (таксисов)) гоплитов и триста всадников умерли от болезни. Таким образом, Афины за 430/429, 429/428 и 427/426 гг. должны были потерять в результате болезни ок. 15000 взрослого мужского гражданского населения, см.: Hansen (1988). Р. 14. Из упомянутого пассажа Фукидида получается, что, примерно, 1/3 гоплитов и всадников погибла от болезни, и Хорнбловер разделяет мнение Хансена о всем взрослом гражданском мужском населении, см.: Hornblower (2003). Р. 494. Ср., дискуссию о потерях от болезни и вари-

Это обстоятельство также повлияло на то, что афиняне не смогли помешать спартанцам и их союзникам разрушить город Платеи в Беотии, который был тесно связан с Афинами в течении столетия.

Для современников и даже потомков, такая цена болезни и популярность сочинения Фукидида обусловили то, что воспоминания о ней прочно вошли в культурный код не только афинян, но и европейцев в целом. Попытаемся разобраться с тем, что это была за болезнь, которая вспыхнула в Афинах и по приблизительным подсчетам унесла жизни трети населения¹ Аттики? Симптомы, которые описал Фукидид (Thuc. 2.49.1-52.1), имеют общее с такими болезнями как: легочная форма чумы, корь, брюшной тиф и рядом других болезней. Предлагалась даже эбола и сибирская язва².

антах значения слов ἐκ τῶν τάξεων у Барри Штрауса (Strauss [2014]. Р. 75-76). Виктор Хэнсон добавляет к этим оценкам следующее сравнение: если 4400 строевых гопплитов относятся к потерям от 13000 граждан, которые были готовы непосредственно вступить в битву (Фукидид сообщает о 13000 таких бойцов и о 16000 гопплитов в резерве), тогда более трети всех таких пехотинцев погибло в течении четырех лет, или 34% потерь среди лучших афинских войск, что является античным эквивалентом для сравнения с потерями от битвы при Соме или Сталинграда (Hanson [2005]. Р. 79). По оценке Хэнсона общее количество умершего от болезни населения Аттики могло составить от 70000 до 80000, см.: Hanson (2005). Р.82.

¹ Sallares (2007). Р. 37.

² Гомм (Gomme [1956]. Р. 150) вслед за Пэйджем (Page [1953]. Р. 97-119) отмечает, что Фукидид был знаком с медицинскими трактатами, поскольку использовал медицинскую лексику того времени. Оба исследователя предполагают, что в качестве болезни можно рассматривать эпидемию кори, однако Гомм весьма аргументированно полагал также, что можно рассматривать и вариант тифа (Gomme [1956]. Р. 151-153), тем более, что тиф времен Фукидида мог отличаться по своим характеристикам от известных современной медицине. Последнее положение развивали Холлэдэй и Пул (Holladay, Poole [1979]. Р. 282-300; Poole, Holladay [1982]. Р. 235-236; Holladay, Poole [1984]. Р. 483-485), отмечая, что описанная Фукидидом болезнь или исчезла совсем, или (если она все еще существует) сильно изменила свою форму, ср. Hornblower (2003). Р. 316. Мы отметили данное обстоятельство, поскольку оно соотносится с недавними исследованиями в отношении природы этой болезни, которые будут рассмотрены ниже.

В переводе Фукидида на русский язык, выполненном Ф.Г. Мищенко, этот недуг в основном называется «болезнь», однако встречается и перевод «чума». Тоже справедливо и для перевода на русский язык, сделанного Г.А. Стратановским. Равно и у английских переводчиков, таких как Томас Гоббс, Бенджамин Джовет и Ричард Кроули, болезнь определяется как plague — чума, мор. Однако, Роберт Салларес подытоживает, что крайне маловероятно (*extremely unlikely*), чтобы «афинская чума» была вызвана именно чумой¹.

Сам Фукидид употребляет по отношению к этой болезни, помимо местоимений, следующие понятия:

1. νόσος. В основном тексте относительно болезни (Thuc. 2.47.3-54.5), он употребляет это существительное 5 раз. Всего в тексте Фукидида его можно найти 23 раза (Thuc. 1.23.3; 2.47.3; 2.49.6; 2.50.1; 2.54.5 (2 раза); 2.57.1; 2.58.2; 2.58.3; 2.59.1; 2.61.4; 2.64.1; 2.98.3; 3.3.1; 3.13.3; 3.87.1; 5.41.2; 6.12.1; 6.26.2; 7.15.1; 7.47.2; 7.77.2; 8.84.5). Учитывая контексты употребления данного слова становится ясно, что у Фукидида оно означает болезнь в широком смысле. Например, употребляется не только по отношению к бедствию, постигшему афинян, но и к другим болезням, в том числе, к болезни почек у Никия (Thuc. 7.15.1; 7.77.2).

2. νόσημα. В основном тексте это существительное употребляется относительно болезни 4 раза (Thuc. 2.47.3-54.5). Всего в тексте Фукидида оно встречается 5 раз (Thuc. 2.49.6; 2.51.1; 2.51.6; 2.53.1; 2.57.1). Учитывая контексты употребления, можно сделать вывод, что Фукидид употребляет его как синоним к νόσος.

3. λοιμός. В основном тексте относительно болезни (Thuc. 2.47.3-54.5) употребляется 4 раза (это все употребления) (Thuc.

¹ Sallares (1991). P. 244. В более поздней работе Салларес заключает, что ответственный за это бедствие патоген определенно не был бубонной чумой (Sallares [2007]. P. 37). По его мнению, действительная чума (*Yersinia pestis*) не была значимым человеческим недугом до времени чумы Юстиниана в VI в. н.э. Однако, основание для раннесредневековой вспышки чумы было заложено еще в период Римской империи, во время распространения черных крыс (*Rattus rattus*), о чем становится все больше археологических свидетельств.

2.47.3; 2.54.2; 2.54.3 — 2 раза). Из контекстов употребления следует, что Фукидид придает этому слову оттенок того, что болезнь представляет собой не просто какую-либо болезнь, а мор, то, что сейчас можно назвать эпидемией. Это особенно видно из словосочетания *λοιμώδης νόσος* (моровая / заразная болезнь) (Thuc. 1.23.3)¹, что показывает инфекционный характер болезни. Последнее обстоятельство отражается в лексике Фукидида, когда в Thuc. 2.51.4 историк подчеркивает, что наибольшая пагуба (*φθόρος*) происходила именно от заражающихся (*ἀνατιπλάμενοι*)². Эта трактовка совпадает с употреблением слов *νόσος* и *λοιμός* у младшего современника Фукидида Платона. В *Symp.* 201d сказано, что афиняне совершили жертвоприношения «перед мором» (*πρὸ τοῦ λοιμοῦ*), что замедлило «появление болезни» (*ἐλοίησε τῆς νόσου*).

Другой важной характеристикой употребления Фукидидом слова *λοιμός* является то, что три раза из четырех, он употребляет его в контексте древнего изречения (*ἔλος*)³.

4. *κακός*. В основном тексте относительно болезни (Thuc. 2.47.3-54.5) употребляется 4 раза (Thuc. 2.47.4; 2.51.4; 2.51.5; 2.52.3). Это слово употребляется как несчастье или бедствие (ср. род. — *τὸ κακόν*).

Определить болезнь, которая произошла тогда в Афинах сложно, но, возможно, к ее определению нас приближают данные археологии и ДНК. В 1984 г. в районе Афин Керамик, в месте, прилегающем к будущей станции метро Керамикос, были проведены археологические исследования. Тогда была обнаружена часть некрополя, существовавшего с V в. до н.э. по римское время. Эти и последующие (для строительства станций метрополитена: 1992–1997 гг.) раскопки показали наличие некрополя с

¹ Разбор этого словосочетания с параллелями у других античных авторов и упоминанием историографии, см.: Michelakis (2019). P. 393-394.

² Параллель употребления однокоренных слов у Платона, см.: Pl. *Ap.* 32c; *Phd.* 67a.

³ Комментаторы этого пассажа полагают, что речь идет об оракуле/предсказании, см.: Marinatos (1981). P. 134; Kallet (2013). P. 362-364.

плотной частотой захоронений. Наряду с разными видами захоронений, здесь были обнаружены два коллективных погребения.

Первое захоронение находилось в яме с максимальным диаметром в 6,50 м. Эта могила многократно была потревожена еще в древности, поэтому невозможно было четко определить границы захоронения и данные о нем частичные. Первые погребенные были раскопаны на глубине в 4,30 м. в восточной части ямы, но выше этого уровня также должны были быть погребенные, однако их остатки были уничтожены перемещениями земли в последние два столетия. Раскопки выявили 89 хаотично погребенных умерших, которые лежали в основном в полный рост, однако, встречались и другие положения тел. В нижних слоях покойные были захоронены на некотором расстоянии друг от друга, но чем выше был слой, тем плотнее они лежали. Что касается приношений умершим, то они были нечасты и минимальны. Существуют признаки того, что погребение имело еще более широкие границы и другие уровни положения погребенных, поэтому исследователи предположили, что оно включало не менее 150 человек.

Количество умерших и поспешная манера захоронения предполагают панику. На основании способа погребения и исследования немногочисленных приношений¹ сделан вывод о том, что данное погребение относится к коллективному захоронению жертв эпидемии, которая вспыхнула в Афинах в 430/29 и 427/26 гг. до н.э.² Вероятно, что мертвых, которые лежали на улицах непогребенными (об этом также сообщает Фукидид (Thuc. 2.50.1-2; 2.52.2), собирали и хоронили отдельными группами.

Второе коллективное захоронение на улице Пирейос было нетронутое. В слое классического времени была открыта большая прямоугольная яма 2,80 на 1,50 м., которая содержала 29

¹ В этом отношении показателен белофонный лекиф, тип которого, на основе стилистических критериев, датировался четвертой четвертью V в. до н.э. (так называемый «художник тростника» (Ζ. Τὼν Καλαμῶν — в греческой литературе и Reed Painter — в англоязычной), см: Kurtz (1975). P. 58; Parlama, Stabolidis (2000). P. 272-273, однако наличие этой вазы в данном контексте показывает, что подобные лекифы появляются раньше — ок. 430–426 гг. до н.э.

² Parlama, Stabolidis (2000). P. 271-272.

погребенных, достигших взрослого возраста. Внизу ямы определено беспорядочное скопление костей, которые были засыпаны слоем земли в 0,30 м. Затем следовали три слоя погребенных, лежащих в основном в полный рост. Керамика, содержащаяся в засыпке, которая покрывала нижний слой костей, определяет *terminus post quem* для этого погребения — ок. 430 г. до н.э.¹

Таким образом, тот хаос, который описал Фукидид в отношении болезни и захоронения умерших, подтвердился материальными доказательствами. Однако, что это открытие в Керамике может дать для интерпретации болезни? В 2005 г. было проведено исследование, которое выявило схожесть между ДНК, выделенном из зубной пульпы трех зубов, которые были взяты из материала раскопок (отождествленных с погребенными, умершими от этой болезни) в Керамике (1994–95 гг.), и известным патогеном брюшного тифа². Это, вероятно, подтверждает идентификацию этой болезни с тифом³.

Охарактеризовав эпидемию, постигшую афинян в период Пелопоннесской войны, постараемся исследовать возможное воздействие последствий этой эпидемии для *пайдеи* как собственно афинской, так и внешней (насколько это, конечно, возможно сделать).

Первое последствие, которое должно было повлиять на пайдею — это презрение во время эпидемии к «священным и мирским» (καὶ ἱερῶν καὶ ὁσίων) установлениям (Thuc.2.52.3)⁴. В первую очередь, Фукидид делает упор на погребальные практики, но затем отмечает, что «теперь каждый отваживался на такие дела, какие прежде скрывались во избежание нареканий в разнuzдан-

¹ Parlama, Stabolidis (2000). P. 273.

² Papagrigorakis, Yapijakis, Synodinos, Baziotopoulou-Valavani (2006a); (2006b)

³ Тем не менее, не все исследователи с этим согласны, см.: Shapiro, Rambaut, Gilbert (2006).

⁴ Слово ὁσιος иногда употребляется в значении «священный», но иногда, как в данном случае у Фукидида, в значении «мирской». Однако, это «мирское» не оторвано полностью от «священного», см.: Eatough (1971). P. 238-251, особенно P. 243; Connor (1988). P. 161-188, особенно 167-168; Hornblower (2003). P. 325-326.

ности: люди видели, с какою быстротой происходила перемена с богачами, как внезапно умирали они, и как люди, ничего прежде не имевшие, тотчас завладевали достоянием покойников» (Thus. 2.53.1, пер. Ф.Г. Мищенко). Таким образом, общее попрание законов и моральных норм должно было отразиться на мировоззрении людей и, соответственно, так или иначе, затронуть пайдейю. Одни и те же тексты (в том числе эпические и трагические произведения, формирующие отношение к богам, религиозному и нравственному аспектам жизни общества, а также к социуму в широком смысле) до болезни, во время нее и после, могли восприниматься различно. Однако можно подумать, что данные изменения краткосрочны и не влияли на представления целого поколения. Мы попытаемся показать, что влияли.

Первое, что следует отметить, это долгосрочный экономический эффект от эпидемии, который обрушился на афинское общество. С одной стороны, убыль населения ведет к увеличению доступной земли для выживших, но в условиях военного времени это весьма ограниченная альтернатива общему обнищанию и росту цен¹. В 428 г. до н.э. финансовые проблемы Афин заставили ввести экстраординарный налог (в условиях войны — в первую очередь на военные нужды) — эйсфору в 200 талантов (Thus. 3.19.1)². При этом общая повышенная смертность должна была затронуть учителей разного рода, не говоря уже о детях, смертность которых, вероятно, была выше, чем среди других возрастных групп³.

¹ Салларес отмечает, что после эпидемии чумы в Константинополе в период правления Юстиниана, император приказал восстановить цены, которые удвоились или утроились за период в три года, см.: Sallares (1991). P. 258.

² Подробнее см.: Rhodes (2010). P. 369.

³ Салларес считает, что в 430-427 гг. до н.э. рождаемость должна была быть снижена, а смертность среди новорожденных могла быть аномально высокой. Очевидно, что когда мужская половина родившихся в эти годы достигла совершеннолетия (412-409 гг. до н.э.) и могла приступить к военной службе, количество воинов резко сократилось. По мнению Саллареса, это, видимо, объясняет олигантропию — нехватку рабочей силы в Афинах — на заключительных этапах Пелопоннесской

Все это должно было привести к росту преступности и снижению нравственных ценностей. Однако, есть ли событийный показатель этих перемен? Его следует искать в поколении, которое успело воспитаться в новых реалиях. Самым ярким таким показателем может считаться разорение Микалесса в 413 г. до н.э., описанное Фукидидом (Thuc. 7.29.1-5)¹. Тогда, в Афины прибыли 1300 фракийских пелтастов, которые должны были отправиться в Сицилию, но опоздали. У афинян было сложное финансовое положение², поэтому они решили отправить фракийцев домой, но по пути причинить как можно больший ущерб беотийцам. Направить фракийцев на место афиняне поручили Диитрефу, который высадился с фракийцами в Беотии и устроил резню в беотийском городе Микалессе. Фукидид сообщает, что никто не ждал нападения столь далеко от моря, а укрепления города были слабы, и ворота были открыты. Фракийцы убивали все живое, что попадалось у них на пути. Самое страшное, что произошло во время резни — это нападение на школу и убийство всех детей, которые уже пришли в нее. Фукидид подчеркивает, что беда, постигшая этот город, была непревзойденной по масштабу, внезапности и ужасу³.

Ряд западных исследователей перемещает вину за произошедшее с афинян на фракийцев и финансовые затруднения⁴, а исследование Лизы Кэллет связывает резню в Микалессе со знаменитой «чумой» в Афинах, последствия которой, повлияли на склонность афинян принимать иррациональные решения, поэтому моральная ответственность афинян за резню как бы исчезает⁵.

войны, см.: Sallares (1991). P. 259.

¹ Подробный разбор этого эпизода с приведенной историографией, см.: Mozhajsky (2022).

² Фукидид отмечает нехватку денег: ἀπορίαν τῶν χρημάτων (Thuc. 7.29.1).

³ ...καὶ ξυμφορὰ τῇ πόλει πάσῃ οὐδεμιᾶς ἥσων μᾶλλον ἐτέρας ἀδόκητός τε ἐπέλεσεν αὐτῇ καὶ δεινὴ (Thuc. 7.29.5).

⁴ Kagan (1981). P. 293; Kagan (2005). P. 300; Bagnall (2004). P. 231. Подробнее о точках зрения современных исследователей об ответственности за этот эпизод, см.: Mozhajsky (2022).

⁵ Kallet (1999). P. 223-244.

Мы разделяем последнее мнение в том контексте, что эпидемия в Афинах косвенно привела к этой трагедии и, учитывая реакцию самого Фукидида, связавшего эту трагедию с фракийцами¹, мы полагаем, что болезнь затронула образ мыслей и притупила чувства афинского поколения, пережившего болезнь. А значит должна была затронуть и сферу пайдеи, в отношении, того, какие человеческие действия приемлемы, а какие нет; на что можно закрыть глаза, если можно переложить вину, а на что нет². Тем не менее, существуют косвенные данные, что Фукидид, все же, возлагает часть ответственности за произошедшее и на афинян. Было подсчитано, что историк десять раз использует третье лицо, единственное число по отношению к Диитрефу в тексте 7.29.2-3, прямо перед началом резни. Таким образом, Фукидид удерживает Диитрефа в поле зрения и косвенно делает и его ответственным за то, что последовало³. В отношении же внешней пайдеи Афины как полис, будучи «школой всей Эллады»⁴, оказались органи-

¹ Фукидид характеризует фракийцев как очень кровожадных варваров, говоря о них следующими словами: τὸ γὰρ γένος τὸ τῶν Θρακῶν ὁμοίᾳ τοῖς μάλιστα τοῦ βαρβαρικοῦ, ἐν ᾧ ἂν θαρσύνῃ, φονικώτατόν ἐστιν (ведь народ фракийцев также, как и самые варварские (народы), пока не боится, бывает очень кровожадным (Thuc. 7.29.4). Нам представляется, что эта фраза Фукидида уже сама по себе несет некоторое оправдание пагубных действий афинян по отношению к сородичам (другим грекам), поскольку напрямую указывается, что фракийцы — кровожадный народ — и именно в этом кроется главная причина произошедшей резни, см.: Mozhajsky (2022).

² Безусловно, чтобы доказать связь этих конкретных вопросов с влиянием на пайдею у исследователей пока недостаточно данных, но в качестве пробной гипотезы представляется возможным озвучить данное положение.

³ Karkavelias (2015). P. 67, no. 36.

⁴ Здесь приведена аллегория на знаменитые слова «Погребальной речи» Перикла у Фукидида (Thuc. 2.41.1): ξυνελών τε λέγω τήν τε πᾶσαν πόλιν τῆς Ἑλλάδος παίδευσιν εἶναι, которые близко к тексту можно перевести следующим образом: «Будучи кратким, я говорю, что наш полис, является школой (παίδευσιν) Эллады». Παίδευσιν — существительное единственного числа, женского рода, винительного падежа; от παίδευστις в значении «средства обучения», см.: Liddel, Scott (1996). P. 1287.

заторами уничтожения не просто всего живого в Микалессе, но, по иронии судьбы, самой крупной школы (διδασκαλεῖον) этого беотийского центра.

Материал поступил в редакцию 22.02.2022

*Материал поступил в редакцию
после рецензирования 11.03.2022*

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

The original texts of literary sources are given in the database of classical texts "The Perseus Digital Library".

Bagnall, N. (2004) *The Peloponnesian War: Athens, Sparta and the Struggle for Greece*. London: Pimlico.

Connor, W.R. "«SACRED» and «SECULAR» ἱερὰ καὶ ὅσια and the Classical Athenian Concept of the State", *Ancient Society* 19, 161-188.

Eatough, G. (1971) "The Use of ὅσιος and Kindred Words in Thucydides", *The American Journal of Philology* 92.2, 238-251.

Gomme, A.W. (1956) *A Historical Commentary on Thucydides*. Vol. II. Oxford: Clarendon Press.

Hansen, M.G. (1988) *Three Studies in Athenian Demography*. Copenhagen: Munksgaard.

Hanson, V.D. (2005) *A War Like No Other: How the Athenians and Spartans Fought the Peloponnesian War*. New York: Random House.

Holladay, A.J., Poole, J.C.F. (1979) "Thucydides and the Plague of Athens", *The Classical Quarterly* 29.2, 282-300.

Holladay, A.J., Poole, J.C.F. (1984) "Thucydides and the Plague: A Further Footnote", *The Classical Quarterly* 34.2, 483-485.

Hornblower, S. (2003) *A Commentary on Thucydides*. Vol. I. Oxford: Clarendon Press.

Kagan, D. (1969) *The Outbreak of the Peloponnesian War*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Kagan, D. (1974) *The Archidamian War*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

- Kagan, D. (1981) *The Peace of Nikias and the Sicilian Expedition*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Kagan, D. (1987) *The Fall of the Athenian Empire*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Kagan, D. (2005) *The Peloponnesian War: Athens and Sparta in Savage Conflict 431-404 BC*. London: Harper Perennial.
- Kallet, L. (1999) "The Diseased Body Politic, Athenian Public Finance, and Massacre at Mykalessos (Thucydides 7.27-29)", *The American Journal of Philology* 120.2, 223-244.
- Kallet, L. (2013) "Thucydides, Apollo, the Plague, and the War", *The American Journal of Philology* 134.3, 355-382.
- Kurtz, D.C. (1975) *Athenian White Lekythoi. Patterns and Painters*. Oxford: Clarendon Press.
- Lee, C. Morley, N. (2015) "Introduction: Reading Thucydides", C. Lee and N. Morley, eds. *A Handbook to the Reception of Thucydides*. Malden MA: Wiley-Blackwell.
- Liddel, H.G., Scott, R. (1996) *A Greek-English Lexicon*. 9th ed. Oxford: Clarendon Press.
- Longrigg, J. (1980) "The great plague at Athens", *History of science* 18, 209-225.
- Marinatos, N. (1981) "Thucydides and Oracles", *The Journal of Hellenic Studies* 101, 138-140.
- Michelakis, P. (2019) "Naming the Plague in Homer, Sophocles, and Thucydides", *American Journal of Philology* 140.3, 381-414.
- Mozhaysky, A.Yu. (2022) "World-System Theory and the Sack of Mycalessus in 413 B.C.", *Thracia Balcanica*, 231-244 (in Rus., forthcoming).
- Page, D.L. (1953) "Thucydides' Description of the Great Plague at Athens", *The Classical Quarterly* 3.3/4, 97-119.
- Papagrigorakis, M.J., Yapijakis, C., Synodinos, P.N., Baziotopoulou-Valavani E. (2006a) "DNA examination of ancient dental pulp incriminates typhoid fever as a probable cause of the Plague of Athens", *International Journal of Infectious Diseases* 10.3, 206-214.
- Papagrigorakis, M.J., Yapijakis, C., Synodinos, P.N., Baziotopoulou-Valavani, E. (2006b) "Insufficient phylogenetic analysis may not exclude candidacy of typhoid fever as a probable cause of the Plague of

- Athens (reply to Shapiro et al.)”, *International Journal of Infectious Diseases* 10.4, 335–336.
- Parlama, L., Stabolidis, N., eds. (2000) *Η πόλη κάτω από την πόλη. Ευρήματα από τις ανασκαφές του μητροπολιτικού σιδηροδρόμου των Αθηνών*. Athens: Museum of Cycladic Art.
- Poole, J.C.F., Holladay, A.J. (1982) “Thucydides and the Plague: A Footnote”, *The Classical Quarterly* 32.1, 235–236.
- Rhodes, P.J. (2010) *A History of the Classical Greek World, 478–323 BC*. Malden, MA: Wiley-Blackwell.
- Roberts, J.T. (2017) *The Plague of War: Athens, Sparta, and the Struggle for Ancient Greece*. Oxford: Oxford University Press.
- Sallares, R. (1991) *The Ecology of the Ancient Greek World*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Sallares, R. (2007) “Ecology”, W. Scheidel, I. Morris, R. Saller, eds. *The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Shapiro, B., Rambaut, A., Gilbert, M. T. P. (2006) “No proof that typhoid caused the Plague of Athens (a reply to Papagrigorakis et al.)”, *International Journal of Infectious Diseases* 10.4, 334–335.
- Strauss, B. (2014) *Athens after the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy 403–386 B.C*. London: Routledge.
- Tritle, L.A. (2010) *A New History of the Peloponnesian War*. Malden, MA/Oxford/Chichester: Wiley-Blackwell.

Andrej Yu. MOZHAJSKY

“PLAGUE” IN THUCYDIDES
AND ITS IMPACT ON PAIDEIA

The article deals with an epidemic that struck Athens during the Peloponnesian War of 431–404 BC. The main outbreak of the epidemic that developed in two stages occurred in 430–426 BC. Most of the information about the disease in Athens is reported by the historian Thucydides. The article analyzes the names of the disease used by the Athenian historian: νόσος, νόσημα, λοιμός, κακός. A quantitative and contextual analysis of their use was also carried out. Thucydides uses the word λοιμός in a specific way

that gives this word an additional meaning of pestilence, what can now be called an epidemic. This is evident from the phrase λοιμώδης νόσος (a pestilent / contagious disease) (Thuc. 1.23.3), which reveals its infectious nature. Another important characteristic of Thucydides' use of the word λοιμός is that three times out of four, Thucydides uses it in the context of an ancient saying. This word and other vocabulary used by Thucydides allow us to assume that the historian was well aware of modern medical terminology reflecting the cutting-edge medical education of that epoch. The author also draws a parallel with the use of this vocabulary by the philosopher Plato, Thucydides' younger contemporary. The article also considers the tradition of studying this kind of disease as described by Thucydides, with the main trend being a gradual identification of this disease with a variation of typhoid. The latter became possible due to the archaeological material from the Kerameikos excavations, namely, to the study of bone remains found in several collective burials. In the final part of the article, the impact of the epidemic on the Athenian *paideia* is touched upon: it can probably be seen through the depreciation of the humanistic component of the educational space. The decline in the population, including teachers, and the likely even greater decline in the child population, could not but have a negative impact on the moral state of Attica's people during the epidemic, which was mentioned by Thucydides. The long-term adverse economic effect further exacerbated the situation, which ultimately resulted in the inhuman destruction of the Boeotian city of Mycalessus in 413 BC. In our opinion, this event can also be viewed as the effects of the disease on the outer *paideia* as well, because the attackers destroyed the largest school in this Boeotian city.

ЧУМА КИПРИАНА

ХРИСТИАНЕ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В ЭПОХУ ГОНЕНИЙ И ЭПИДЕМИЙ*

А.В. КАРГАЛЬЦЕВ

Проблема антропопрактик античного города рассмотрена на примере одной из крупнейших эпидемий античности середины III в., получившей название Чума Киприана. По мнению автора, именно крупные социальные потрясения и эпидемии являются наиболее репрезентативными для рассмотрения не только общих процессов истории Римской империи, но дают немало информации о жизни города и процессах с ним связанным. Чума Киприана является уникальным свидетельством не только о гонениях на церковь, но и об ее участии в жизни социума. В исследовании анализируются обстоятельства возникновения эпидемии и источниковая база, хронологические рамки и масштаб эпидемии, в том числе на основании новых археологических данных, а также характер болезни. В настоящее время к данным сюжетам проявляется особый исследовательский интерес, с чем связано появление большого количества новой историографии, содержащей интересные гипотезы, касающиеся эпидемии. Наиболее подробно исследована письменная традиция, включающая трактат Киприана «О смертности», специально посвященный эпидемии, а также «Житие» епископа, составленное дьяконом Понтием. Обращает на себя внимание то, что свидетельства о поведении людей в период эпидемии, характере собраний и молитв за отдельные категории верующих могут служить дополнительным источником, описывающим эпидемию. Отдельное внимание уделено влиянию эпидемии на

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 18–78–10001–П. — <https://rscf.ru/project/18-78-10001/> (март, 2022).

разные категории населения Римской империи, в том числе именно с Чумой Киприана, на наш взгляд, связано прекращение массовых антихристианских гонений, перенос репрессивной политики в правление Валериана на клириков, а также экономическая эксплуатация христиан, как низкого происхождения, которых приговаривали к принудительным работам, так и представителей знати, имущество которых конфисковывалось. Все это в условиях рабовладельческой экономики является явным свидетельством потерь среди трудового населения Римской империи, жившего в условиях скученности и антисанитарии, что опять же является дополнительным свидетельством о характере течения эпидемии и масштабах ее распространения.

Одна из проблем, которая традиционно стоит перед исследователями античности в целом и античного города в частности, заключается в недостатке источников, описывающих частную жизнь рядовых жителей города. Безусловно, греческая классика, эпоха раннего принципата или время Антонинов, равно как и рубеж III–IV вв., представлены гораздо большим количеством разнообразных свидетельств, в то время как события кризиса III в. известны в основном из весьма общих и не самых подробных исторических описаний Аврелия Виктора, Евтропия, «Жизнеописания августов» и других сочинений. В этой связи особую ценность представляют свидетельства о крупных социальных потрясениях и эпидемиях, фокус изучения которых смещается с событий политической истории в сторону городского пространства. Одним из таких заметных событий является так называемая Чума Киприана — эпидемия, охватившая в середине III в. значительную часть территории Империи и получившая свое название по имени карфагенского епископа, поскольку в его трактате «О смертности» дано наиболее подробное описание болезни. Именно в связи с эпидемией мы располагаем значительным набором свидетельств, описывающих не только антихристианские гонения, но и участие церкви в социальной жизни городского пространства. Эпидемия не осталась незамеченной и в римских источниках.

Необходимо отметить, что именование эпидемии чумой носит условный характер. Большинство крупных эпидемий античности носят аналогичное название, будь то Афинская чума 430 г. до н.э., унесшая жизнь Перикла в самом начале Пелопонесской войны, или Чума Антонина, начавшаяся в правление Марка Аврелия. Однако характер болезней, равно и хронологические рамки их распространений являются вопросами в высшей степени дискуссионными, ответ на которые возможен при привлечение все комплекса источников, включающих письменные, археологические и нумизматические данные. В равной степени это касается и Чумы Киприана.

Относительно времени возникновения эпидемии, о ее продолжительности в историографии не существует единого мнения. Наиболее популярна гипотеза К. Харпера, который в своих исследованиях предлагает наиболее широкие хронологические границы — 249–270 гг.¹ И хотя данная гипотеза имеет многочисленных критиков, окончательную точку в данном вопросе поставить необычайно трудно.

Наиболее информативными источниками о Киприановой чуме являются христианские свидетельства. Евсевий в «Церковной истории» несколько раз обращается к этому событию в контексте сообщений Дионисия Александрийского о распространении болезни в городе: «Войну сменила чума, а так как приближалась Пасха, то Дионисий опять письменно беседует с братьями... Сейчас всюду похоронный плач, все горюют; город оглашают вопли по умершим и каждодневно умирающим» (Euseb. *HE*, VII, 22, 1–2). По мнению К. Харпера, эти сообщения, датируемые весной 249 г., являются первым свидетельством о начале эпидемии, и указывают, что именно Египет или окрестные территории, например, Эфиопия, стали очагом ее распространения². По мнению ряда исследователей, слова александрийского епископа вполне могут восприниматься как преувеличение в контексте разгорающихся в городе антихристианских преследований, которые, как можно предположить, начались еще до издания эдикта Деция об обязательных

¹ См., например: Harper K. (2015).

² Harper K. (2015). P. 227.

жертвоприношениях¹. Однако проблема может быть рассмотрена и, с другой стороны. Е. Баумкамп справедливо, на наш взгляд, отмечает, что упомянутые в послании Дионисия Дометий и Дидим были его адресатами значительно позже, вероятно, в 259 г., в период гонения Валериана и изгнания Дионисия². К этому следует добавить, что нет и других свидетельств христианских авторов о раннем начале эпидемии. Можно согласиться с мнением С. Хюбнер, что александрийский епископ сообщает об эпидемии вообще, без привязки к какому-то конкретному времени³. Исследовательница отмечает, что слова Евсевия о том, что Дионисий вернулся в город «Александрию, которая опять была во власти войны и восстания» (Euseb. *HE*, VII, 21, 1), а также сожаления епископа, что «все дышит зловонием, словно роса — это сукровица от трупов, разлагающихся на составные части» (Euseb. *HE*, VII, 21, 8), вероятно, относятся ко времени после восстания Макриана в 260 г. и поддержавшего его префекта Египта Муссием Эмилианом, преследование которым христиан в тот год подтверждается независимыми источниками⁴. Таким образом, поздняя датировка посланий Дионисия представляется более предпочтительной. На наш взгляд, также справедлива точка зрения, что император Деций погиб до начала возникновения эпидемии⁵. Напротив, смерть его сына Гостилиана непосредственно относится к исследуемому событию. Аврелий Виктор сообщает, что Галл и Гостилиан стали императорами до начала эпидемии, основной размах которой пришелся на правление уже Галла и Волузиана, поскольку «когда она распространилась, Гостилиан погиб» (Aur. Vict. *Caes.*, 30). Вероятнее всего, сын Деция Гостилиан оставался в Риме в течение 251–252 гг., в то время как легионы Мезии провозгласили императором намест-

¹ Strobel K. (1993). S. 196.

² Baumkamp E. (2014). S. 81.

³ Huebner S. R. (2021). P. 154.

⁴ Сохранился папирус Р.Оху. XLIII 3119, упоминающий христиан. Хотя он и не содержит точной даты, но сообщает о событии 7-го года, которое большинство исследователей относит к 7-му году правления Валериана и Галлиена, то есть 259/260 гг.: Blumell L. H. (2013). P. 111–113.

⁵ Huebner S. R. (2021). P. 160–161.

ника провинции Требониана Галла (лето 251 г.), сделавшего своего сына Волузиана цезарем (252 г.). Во всяком случае о каких-либо военных действиях в это время не сообщается. По всей видимости Гостилиан действительно умер от болезни, после чего узурпатор вступил в Рим. Схожее описание содержится в «Эпитамах» Псевдо-Аврелия Виктора, который также сообщает о естественной смерти Гостилиана и двухлетнем правлении Галла, погибшего вместе с сыном от рук собственных солдат, выступив против следующего узурпатора Эмилиана (Ps. Aur. Vict. *Epit.*, 30–31). Менее подробно эту историю передает Евтропий, что после гибели Деция «императорами стали Галл, Гостилиан и сын Галла, Волузиан» (Eutr. *Brev.*, IX, 5). В сообщении Евтропия содержится явное смешение правления наследника Деция и узурпатора, которое, как представляется, лишь подтверждает свидетельства других источников, что никаких военных действий между ними не велось. Очевидна и причина этого, бушующая в 252 г. эпидемия, жертвой её и стал Гостилиан, после ослабления которой военные действия в 253 г. возобновились.

Есть и еще ряд источников, позволяющих более точно определить хронологические границы эпидемии, которые реже попадают в поле зрения исследователей. Мы располагаем довольно подробными описаниями поместных соборов в Карфагене, которые собирались ежегодно в период епископства Киприана¹. Так, если собор, состоявшийся в мае 252 г., прошел обычным порядком хотя и без упоминания участия в нем клириков и мирян, более того был отмечен расколом Привата и Фелициссима, сторонники которых провели отдельное собрание (Сург. *Ep.*, 59), то собор 253 г. явно выделяется на фоне остальных. Это был наименее представительный собор из всех, которые проводились в Карфагене в это время, на котором присутствовал только 41 епископ, при том, что общее количество епископов в Африке доходило до двухсот. Риторика Киприана в этот год особенно напряженная, он предчувствует начало новой волны антихристианских гонений, а в обращении к верующим Тибариса прямо указывает на скорое пришествие антихриста (Сург. *Ep.*, 58, 1). Можно предположить, что тревогу вы-

¹ Каргальцев А.В. (2015). С. 437–438.

звало восшествие на престол императора Валериана, но более обоснованной представляется точка зрения¹, что именно на этот период конца 252 начала 253 гг. пришелся разгар эпидемии². Кроме того, собор принял решение о скорейшем примирении отступников с церковью, особенно тех из них, которые находятся при смерти. Собор следующего 254 г. вновь прошел в спокойной обстановке, что опять же свидетельствует о пике эпидемии, пришедшемся на год предыдущий. Существует и еще одно временное совпадение. Как отмечает М. Дорнеманн, образ Христа как врача неожиданно возникает в контексте спора с Новацианом³ и его последователями (Сург. *Ер.*, 55, 16)⁴. Безусловно, евангельская фраза, что «не здоровые имеют нужду во враче, но больные» (Mt. 9, 12) относится к отступникам (*lapsi*), спор о возвращении в церковь которых и шел между карфагенским епископом и его противниками, однако ни до, ни после Киприан не обращается к данному образу столь последовательно.

Как уже отмечалось, трактат Киприана «О смертности» является наиболее подробным описанием болезни: «То, что расслабление желудка отнимает у нас телесные силы, что жар изнутри, перешедший в гортанные язвы, растравляет их, что непрерывная рвота потрясает внутренность, прилив крови делает воспаление в глазах, что у некоторых отсекаются руки и другие члены вследствие заразительного гниения, что от расслабления тела происходит дрожание в ногах, заграждается слух, повреждается зрение» (Сург. *De mort.*, 14⁵). Ученые затрудняются однозначно определить характер болезни. По все видимости, речь идет не о чуме, а о разновидности геморрагической лихорадки вирусного происхождения⁶. То, что мы знаем сегодня о массовых вирусных заболеваниях, сви-

¹ Fischer J. A. (1981). P. 17.

² Поместные соборы в Африке традиционно проводились весной в дни празднования Пасхи.

³ Хронологию и обстоятельства раскола Новациана см.: Каргалцев А.В. (2017). С. 150-167.

⁴ Dörnemann M. (2003). S. 172-173.

⁵ Здесь и далее все переводы Киприана даны по изданию КДА (Киев, 1879 г.).

⁶ Stathakopoulos D. (2004). P. 179-182.

детельствует в первую очередь об их изменчивости, когда опасные разновидности через непродолжительное время переходят к более безопасной форме. Это вполне согласуется с нашим предположением, что эпидемия в наиболее острой форме продлилась не два десятилетия, но около двух лет и, очевидно, уже во второй половине 50-х гг. III в. ее последствия перестали быть столь ощутимыми.

Еще одним важным источником по истории эпидемии является «Житие Киприана», составленное дьяконом Понтием после гибели епископа в 258 г. Биограф Киприана придает эпидемии особое значение, говоря, что «было бы злодеянием пройти мимо того, что делал посреди этого понтифик Христа и Бога» (Pont. Vit. Cypr., 9, 5). Рассказывая о вспышке «ужасной болезни» (заметим, он не употребляет слово чума), дьякон указывает, что «в то время по всему городу лежали не тела, а бесчисленные трупы (*cadavera*), которые вызывали сострадание прохожих» (Pont. Vit. Cypr., 9, 3). Трудно сказать, в какой мере сам Понтий был свидетелем этих событий. Комментаторы справедливо отмечают, что сведения о деятельности карфагенского епископа в этот период почерпнуты автором «Жития» из его же трактатов¹. Однако можно отметить то обстоятельство, что болезнь не вызывала повального мора, Киприан проповедует перед своей паствой, которая не боится собираться вместе, верующие помогают больным и участвуют в погребениях, несмотря на высокую смертность нет упоминания о том, что какой-то город полностью обезлюдел. Все это вместе опять же свидетельствует о том, что характер болезни отличался от того, что мы знаем о чуме или аналогичных эпидемиях.

Что касается археологических свидетельств, то здесь мы вынуждены согласиться с мнением С. Хюбнер, что количество и значение их невелико, а равно и интерпретация имеющегося археологического материала представляется затруднительной. К. Харпер ссылается на исследования массовых захоронений в катакомбах Петра и Марцеллина в Риме как на свидетельство о распространении эпидемии в городе². Однако в специальных работах, посвященных современному исследованию катакомб, выполненному в

¹ Kitzler P. (2009). S. 245.

² Harper K. (2015). P. 226.

первом десятилетии XXI в., даются более осторожные оценки¹. Во-первых, ученые далеки от однозначной оценки датировки обнаруженных массовых захоронений, указывая, что они могли быть совершены в конце II или в первой половине III вв. Во-вторых, из-за плохой сохранности костных останков трудно однозначно определить, носила ли смерть обнаруженных людей естественный или насильственный характер. В-третьих, в чем исследователи единодушны, многие погребения выполнены с большой тщательностью, а также содержат большое количество украшений и других материалов, тела покойников же подвергались специальной обработке, что не характерно для случаев массовых эпидемий. Не отвергая гипотезу о том, что возможно часть захоронений была вызвана эпидемическим процессом, ученые, тем не менее, склонны рассматривать их как жертв Чумы Антонина. Иными словами, часть захоронений в катакомбах Петра и Марцеллина может принадлежать жертвам Чумы Киприана, однако сделать какие-то определенные выводы относительно масштабов эпидемии, ее продолжительности и хронологических границ не представляется возможным. То же можно сказать и в отношении археологических раскопок в Фивах, где также были обнаружены массовые захоронения середины III в., которые в отличие от римских, очевидно, указывают на более спешный порядок погребения, и на которые К. Харпер ссылается как на однозначное свидетельство эфиопского происхождения эпидемии, начавшейся в 249 г.² Однако Ф. Тирадритти, команда которого и проводила раскопки в Египте, отмечает в своем отчете, на который, к слову, и ссылается К. Харпер, лишь обнаружение массового захоронения сожжённых и обработанных известью тел, которые предположительно относятся ко времени Чумы Киприана, без возможности детальной реконструкции костных останков и тем более установления точной даты их погребения и причины смерти³.

Трактат «О смертности» содержит и другие интересные подробности, касающиеся эпидемии. Как справедливо отмечает Э.

¹ Blanchard P., Réveillas H., Kacki S., Castex D. (2013). P. 200-203.

² Harper K. (2017). P. 137.

³ Tiradritti F. (2014). P. 44.

Мерфи, это прежде всего проблема преждевременной смерти¹. Киприан раскрывает ее на примере старца Симеона, который имел пророчество, что не увидит смерти пока не придет Спаситель (Сург. *De Mort.*, 3), а также призывает не бояться и радоваться встрече со Христом. Подобное увещание, очевидно, не только дань риторике или библейской экзегетике, но и свидетельство о высокой смертности от болезни среди детей и молодежи. Сравнение больных с мучениками (Сург. *De Mort.*, 13–16) примечательно тем, что указывает не только на высокую смертность но и ее тяжелое течение. Однако здесь же упоминание о детской или старческой смертности может служить основанием для предположения, что болезнь распространялась неравномерно в разных возрастных группах.

Возвращаясь к проблеме антропопрактик в античном городе, можно отметить, что данные нами оценки характера и продолжительности эпидемии меняют и общее представление об участии христиан в деле помощи больным. С одной стороны, нельзя не согласиться с тем, что церковь имела возможность оказывать такую помощь, и здесь высокая риторика христианских авторов отражает вполне истинную картину. С другой стороны, в случае если болезнь при высокой смертности длилась не столь продолжительное, как представляется ряду исследователей, время, забота верующих о ближнем становилась не столь заметной на фоне событий середины III в., что очевидно и было причиной сохраняющегося в языческой среде недоверия к христианам, которое проявилось спустя несколько лет в ходе гонений Валериана. Очевидно, продлившись до 270 г., эпидемия вызывала бы не только подозрения в том, что своим поведением они навлекли гнев богов, которые, к слову, не отмечены христианскими источниками в разгар эпидемии, но и естественную эмпатию на ту помощь, которую оказывали больным верующие.

Материал поступил в редакцию 22.01.2022

*Материал поступил в редакцию
после рецензирования 7.02.2022*

¹ Murphy E. (2019). P. 84.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Baumkamp, E. (2014) *Kommunikation in der Kirche des 3. Jahrhunderts. Jahrhunderts. Bischöfe und Gemeinden zwischen Konflikt und Konsens im Imperium Romanum*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Blumell, L. H. (2013) "The Date of P.Oxy. XLIII 3119, the Deputy-Prefect Lucius Mussius Aemilianus, and the Persecution of Christians by Valerian and Gallienus", *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 186, 111-113.
- Blanchard, P., Réveillas, H., Kacki, S., and Castex, D. (2013) "La catacombe des saints Pierre-et-Marcellin à Rome (Ier–IIIe s.): Discussion sur l'origine des défunts et leur décès", G. Branco, L. Rocha, C. Duarte, J. de Oliveira and P. Bueno Ramírez, eds. *Arqueologia de Transição. O Mundo Funerário. Actas do II Congresso Internacional Sobre Arqueologia de Transição (29 de Abril a 1 de Maio 2013)*. Evora: Chaia, 197-216.
- Dörnemann, M. (2003) *Krankheit und Heilung in der Theologie der frühen Kirchenväter*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Fischer, J. A. (1981) "Das Konzil zu Karthago im Frühjahr 253", *Annuaire Historiae Conciliorum*, 13, 12-26.
- Harper, K. (2015) "Pandemics and passages to Late Antiquity: Rethinking the plague of c. 249–70 described by Cyprian", *Journal of Roman Archaeology*, 28, 223-260.
- Harper, K. (2017) *The Fate of Rome: Climate, Disease, and the End of an Empire*. Princeton: Princeton University Press.
- Huebner, S. R. (2021) "The "Plague of Cyprian": A revised view of the origin and spread of a 3rd-c. CE pandemic", *Journal of Roman Archaeology*, 34.1, 151-174.
- Kitzler, P. (2009). *Příběhy raně křesťanských mučedníků*. Praha: Vyšehrad.
- Murphy, E. (2019) "Death, Decay and Delight in Cyprian of Carthage", *Scrinium*, 15, 79-88.
- Stathakopoulos, D. (2004). *Famine and pestilence in the Late Roman and Early Byzantine empire*. Aldershot: Routledge.
- Strobel, K. (1993) *Das Imperium Romanum im «3. Jahrhundert»: Modell einer historischen Krise? Zur Frage mentaler Strukturen breiterer Bevölkerungsschichten in der Zeit von Marc Aurel bis zum Ausgang des 3. Jh. n.Chr.* Stuttgart: Franz Steiner Verlag.

- Tiradritti, F. (2014) "Of Kilns and Corpses: Theban Plague Victims", *Egyptian Archaeology*, 44, 15-18.
- Каргальцев, А.В. (2015). «Африканские соборы III в.: епископы и исповедники», *Мнемон*, 15, 432-445.
- Каргальцев, А.В. (2017). «“Достоинство исповедников — отлучиться от отступников”: церковный раскол Новациана», *Религия. Церковь. Общество*, 6, 150-167.

Alexey V. KARGALTSEV

PLAGUE OF CYPRIAN

CHRISTIANS IN THE URBAN ENVIRONMENT IN THE ERA OF PERSECUTION AND EPIDEMICS

Anthropological practices of the ancient city are considered on the example of one of the largest pandemics in Antiquity, called the Plague of Cyprian (the middle of the 3rd century). According to the author, it is the major social upheavals and epidemics that are the most representative for considering not only the general processes in the Roman Empire history, but for providing a lot of information about the city life and the processes associated with it. The Plague of Cyprian is a unique testimony not only to the persecution of the church, but also to its role in the life of society. The study analyzes the beginning of the epidemic and the source base, the chronological framework and scale of the epidemic, including information provided by the new archaeological data, as well as the nature of the disease. At present, there is a considerable research interest in these subjects, which is the reason for the emergence of a large amount of new historiography containing interesting hypotheses regarding the pandemic. The written tradition, which includes Cyprian's treatise "On Mortality", specially devoted to the pandemic, as well as the "Life of Cyprian" compiled by Pontius the Deacon, has been studied in detail. It is noteworthy that evidence of people's behavior during the epidemic, the features of assemblies and prayers for certain categories of believers can serve as an additional source of information about the epidemic. Special attention is paid to the impact of the epidemic on different categories of the population in the Roman Empire. In our opinion, it is with the Plague of Cyprian that the cessation of mass anti-Christian persecutions is connected,

the transfer of repressive policies during the reign of Valerian to the clergy, as well as the economic exploitation of Christians, both of low birth, who were sentenced to forced labor, and representatives of the nobility, whose property was confiscated. In the context of slave economy, all this can be considered a clear evidence of the manpower shortages in the Roman Empire, whose population lived in unsanitary and overcrowded conditions. This can be viewed as additional evidence of the course of the epidemic and its spread.

REFERENCES

- Baumkamp, E. (2014) *Kommunikation in der Kirche des 3. Jahrhunderts. Jahrhundert. Bischöfe und Gemeinden zwischen Konflikt und Konsens im Imperium Romanum*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Blanchard, P., Réveillas, H., Kacki, S., and Castex, D. (2013) “La catacombe des saints Pierre-et-Marcellin à Rome (Ier–IIIe s.): Discussion sur l'origine des défunts et leur décès”, G. Branco, L. Rocha, C. Duarte, J. de Oliveira and P. Bueno Ramírez, eds. *Arqueologia de Transição. O Mundo Funerário. Actas do II Congresso Internacional Sobre Arqueologia de Transição (29 de Abril a 1 de Maio 2013)*. Evora: Chaia, 197–216.
- Blumell, L. H. (2013) “The Date of P.Oxy. XLIII 3119, the Deputy-Prefect Lucius Mussius Aemilianus, and the Persecution of Christians by Valerian and Gallienus”, *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 186, 111–113.
- Dörnemann, M. (2003) *Krankheit und Heilung in der Theologie der frühen Kirchenväter*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Fischer, J. A. (1981) “Das Konzil zu Karthago im Frühjahr 253”, *Annuaire Historiae Conciliorum*, 13, 12–26.
- Harper, K. (2015) “Pandemics and passages to Late Antiquity: Rethinking the plague of c. 249–70 described by Cyprian”, *Journal of Roman Archaeology*, 28, 223–260.
- Harper, K. (2017) *The Fate of Rome: Climate, Disease, and the End of an Empire*. Princeton: Princeton University Press.
- Huebner, S. R. (2021) “The “Plague of Cyprian”: A revised view of the origin and spread of a 3rd-c. CE pandemic”, *Journal of Roman Archaeology*, 34.1, 151–174.
- Kargal'cev, A.V. (2015). “Африканские соборы III в.: епископы и исповедники”, *Mnemon*, 15, 432–445.

- Kargal'cev, A.V. (2017) "Dostoinstvo ispovednikov — otluchit'sja ot otstupnikov»: cerkovnyj raskol Novaciana", *Religija, Cerkov'. Obshhestvo*, 6, 150-167.
- Kitzler, P. (2009). *Příběhy raně křesťanských mučedníků*. Praha: Vyšehrad.
- Murphy, E. (2019) "Death, Decay and Delight in Cyprian of Carthage", *Scrinium*, 15, 79-88.
- Stathakopoulos, D. (2004). *Famine and pestilence in the Late Roman and Early Byzantine empire*. Aldershot: Routledge.
- Strobel, K. (1993). *Das Imperium Romanum im «3. Jahrhundert»: Modell einer historischen Krise? Zur Frage mentaler Strukturen breiterer Bevölkerungsschichten in der Zeit von Marc Aurel biszum Ausgang des 3. Jh. n. Chr.* Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Tiradritti, F. (2014) "Of Kilns and Corpses: Theban Plague Victims", *Egyptian Archaeology*, 44, 15-18.

ФОРМЫ ЧУМЫ У ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО (PROCOR. DE BELLIS. IV. 14) И ЕВАГРИЯ СХОЛАСТИКА (EVAGRIUS. HIST. ECC. IV.29)

**О РАЗВИТИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ
В ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ VI ВЕКА**

А.В. ЗИБАЕВ, В.Ф. ЖУКОВА

В статье рассматриваются формы проявления чумы глазами современников первой эпидемии чумы, именуемой в историографии «Юстиниановой чумой». Латинские авторы VI–VIII вв. не приводили подробных описаний ранее неизвестной болезни и, за редкими исключениями, ограничивались лишь краткими упоминаниями вспышек морового поветрия в различных областях Средиземноморья. Следуя законам жанра летописного повествования (хроник), они могли только констатировать факт распространения крупной эпидемии в известном мире, воздерживаясь от эмоциональных замечаний. В греческих трудах VI в. содержатся более подробные описания симптомов чумы, позволяющие, в значительной степени, восстановить особенности протекания заболевания так, как это представляли себе позднеантичные медики. Сообщения Прокопия Кесарийского и Евагрия Схоластика опираются на внешние симптомы с последующим выделением ключевых терминов, отражающих общее состояние больных. Первый цикл эпидемии (сер. VI в.) отличался ранними попытками изучения чумы, сопровождающиеся запутанными и часто противоречивыми размышлениями современников, в текстах источников, с последующим выявлением её трех форм у заболевших людей в Константинополе и восточных провинциях. Через пятьдесят

лет (в третьем цикле) греческие авторы отмечают уже пять форм заболевания со строгим определением сопутствующих симптомов и отсутствием паники, которая была заметна в предшествующее время. Источниковедческий анализ нарративных источников позволяет увидеть незнание позднеантичными и раннесредневековыми авторами легочной формы чумы, в отличие от эпохи «Черной смерти». Для сравнения в XIV в. византийские авторы называли симптомы «Черной смерти» похожими терминами, и использовали такие же литературные приемы для описания опустошения Константинополя и Греции. Впервые легочная форма отдельно выделяется только в XIV в.: в «Историях» Иоанна Кантакузина, в письмах Димитрия Кидониса и Никифора Григоры. Таким образом, делается вывод о постепенном накоплении общих знаний о клинической картине «Юстиниановой чумы» у позднеантичных медиков, на чьи труды опирались видные представители греческой и латинской историографии VI–VIII вв.

Климатическая катастрофа 535–536 гг., вызванная извержением вулкана в Исландии, привела к более глубоким последствиям для позднеантичного мира, чем это описывали её современники — Прокопий Кесарийский (Procop. *De bel.* IV. 14) и Иоанн Эфесский (Ps-Dionysius. *Chron.* 65). Облако вулканического пепла распространилось из Исландии в материковую Европу, а затем и по всему Северному полушарию, затруднив доступ солнечным лучам к земной поверхности на 18 месяцев¹. Наиболее точно значение этого

¹ Стремительное развитие естественнонаучных дисциплин во второй половине XX в. и активное привлечение их достижений в исследованиях по истории VI в. позволили пересмотреть прежнее скептическое отношение к первой эпидемии чумы как к малозначительному событию своего времени. В 2013 г. группа исследователей под руководством медиевиста М. Макормика и гляциолога П. Маевски начала изучение ледника Колле-Ньифетти в Швейцарии и, в 2018 г., ими был обнаружен пепел из Исландии. Сделанное открытие позволило значительно дополнить сведения о климатической катастрофе 535 г. и выявить приблизительную последовательность серии извержений вулканов, оказавших решающее влияние на наступление позднеантичного малого ледникового периода (LALIA).

события передает тезис американского исследователя М. Маккормика о 536 г., как «худшем годе»¹, поскольку похолодание климата (позднеантичный малый ледниковый период) на 1,5-2 градуса, кроме голода, вероятно, привело к мутации бактерии *Yersinia pestis* и последующему появлению её нового биовара — *Yersinia pestis Antiqua*². Все это создало благоприятные условия для распространения чумы по ойкумене, которая всего за несколько лет затронула практически все Средиземноморье с прилегающими областями³. Масштабы развернувшейся катастрофы до сих пор поражают исследовательское воображение и заслуживают отдельного внимания. К числу её наиболее значимых итогов обычно относят: негативное влияние на демографическую структуру общества в течении нескольких поколений, уменьшение площади обрабатываемых земель на 40-60%, нарушение устоявшихся торговых связей в Средиземноморье, сокращение численности римской армии и её последующая реорганизация при преемниках Юстиниана I, стремительная деградация позднеримских общественных институтов, уменьшение численности городского населения и невосполнимый удар по фискальной системе империи⁴. Все перечисленное позволяет сделать уверенные выводы о решающем влиянии последствий климатической катастрофы и чумы на последующий

См.: McCormick (2019) P. 3-30; Hartman, Kurbatov (2018). Влияние вулканической активности на климатические изменения на планете, в динамике, лучше всего представлены в коллективной статье М. Сигла, Г. Планкэта и Дж. Макконнела: Sigl, Winstrup, McConnell, Welten, Plunkett (2015).

¹ См.: Gibbons (2018).

² Behringer (2007). S. 94-95.

³ Некоторые исследователи выделяют «чуму бронзового века» в качестве первой пандемии чумы, ставшей неотъемлемой частью «катастрофы бронзового века». Слабой стороной этой точки зрения можно назвать незначительное число письменных источников об этом событии, а также практически полное отсутствие массовых погребений жертв чумы. Причиной катастрофы были климатические изменения XII в. до н.э., и следовавшие за ними засуха, масштабный голод, разрушение устоявшихся торговых связей и переселение народов. См.: Dickinson (2007).

⁴ Rosen (2007); McCormick (2003) P. 1-25; Allen (1979) P. 5-20; Sarris (2002) P. 169-182; Harper (2017); Haldon, Elton, Huebner, Izdebski, Mordechai, Newfield (2018); Little (2007); Retief (2006); Макнил (2021).

упадок античного общества. На наш взгляд, стоит отдельно упомянуть демографический аспект: по подсчетам современных исследователей население Восточной Римской империи сократилось на 30-50%¹. Значительные людские потери понесли Сасанидский Иран и германские королевства, расположенные на территории бывшей Западной Римской империи.

Прежде чем приступить к основной части исследования обозначим хронологические рамки и содержание понятия «Юстинианова чума». В современной историографии оно часто употребляется для обозначения первой пандемии чумы и обычно охватывает длительный исторический период в 541–768 гг., часто включая в себя не только чуму при Юстиниане I, но и сменяющие друг друга каждые 15-20 лет эпидемии, серьезно замедлявшие рост населения в раннем Средневековье². По нашему мнению, в её рамках необходимо выделить собственно «*Юстинианову чуму*» — длительную эпидемию, затронувшую Средиземноморье с прилегающими областями в правления Юстиниана I Великого, Юстина II, Тиберия II, Маврикия и лучше всего представленную в греческой нарративной традиции; и «*долгую чуму*» — прочие эпидемии свирепствовавшие в цивилизованном мире до 768 г. Заметим, что многие современные исследователи не приводят периодизации чумы, поэтому в нашем исследовании мы будем придерживаться схемы, принятой Г. Хезером в 1867 г., которая была изменена М. В. Супотницким в 2006 г. Согласно ей, нижние хронологические рамки собственно «Юстиниановой чумы» ограничиваются 541 г., верхние — 590 г. Затем выделяются три, последовательно сменяющие друг друга, цикла: 541–556 гг., 558–565 гг., 570–590 гг.³. Кроме того, досадным упущением авторов является игнорирование периода «долгой чумы» и соответственно большого пласта латинской и сирийской литературы.

¹ См.: Büntgen, Myglan, Ljungqvist, et al. (2016); Gräslund, Price (2012). P. 428-443; Meier (2016). P. 270-282.

² О сокращении населения Европы, Сев. Африки и Востока в Поздней Античности и Раннем Средневековье существует довольно обширная литература. Среди наиболее значимых работ см.: Russel (1987); Harper (2017) P. 272-275; Toohey (2016).

³ Haeser (1884). S. 37-43.

Изучение «Юстиниановой чумы» имеет длительную традицию в зарубежной историографии и к настоящему моменту написаны сотни статей и монографий, из которых наиболее значимыми считаются исследования У. Росена, М. Маккормика, П. Аллен, К. Харпера, Дж. Хэлдона, сборник статей под редакцией Л.К. Литтла и др. В отечественной исторической науке (до 2020 г.) истории эпидемии VI–VIII вв. не уделялось должного внимания. Она упоминалась лишь эпизодически — в контексте описаний исторических событий VI–VIII вв., где чуме отводилась второстепенная роль в ослаблении империи¹. В этой связи совсем не удивляет, что историки медицины и профессиональные эпидемиологи, в своих монографиях по истории медицины, совершенно по-другому взглянули на эту проблему. У М. В. Супотницкого главный акцент сделан на клиническую картину чумы, а у С. Г. Ковнера — на биографии медиков VI в². К числу важных упущений исследователей относится и отсутствие серьезного источниковедческого анализа нарративной традиции, где очевидно изменение восприятия заболевания в течение двух столетий; причем возникает необходимость провести строгое разделение греческих и латинских источников, поскольку греческая традиция описания чумы для исследователей прервется на несколько столетий из-за событий «темных веков».

Приведенная проблема усугубляется противоречивым состоянием греческой и латинской письменной традиции. Очевидной лакуной современной исторической науки и истории медицины стало отсутствие описаний симптомов чумы в сохранившихся сочинениях известных медиков VI–VII вв: Александра Тралльского,

¹ Упомянем вышедшую в 2021 г. монографию востоковеда Р. Шафигулина «Юстинианова чума и халифат», в которой чума играет ведущую роль в возвышении ислама. В её первой главе довольно кратко проводится анализ влияния чумы на экономику, демографию и социальную структуру Византии и Сасанидского Ирана. См.: Шафигулин (2021). С. 29–41. Небольшое внимание эпидемии VI в. уделено в статье Т.Ф. Хайдарова, где рассматривается влияние античных сюжетов, связанных с эпидемиями, на формирование средневековой нарративной традиции описания «Черной смерти». См.: Хайдаров (2020).

² См.: Ковнер (1893); Супотницкий, Супотницкая (2006).

Павла Эгинского и Аэция Амидского. Все это заставляет исследователей обратиться к нарративным источникам VI–VIII вв., не имеющим отношение к медицине: различным историческим сочинениям, письмам, житийной литературе, хроникам. Все они содержат неполные и часто противоречивые сведения о симптомах и протекании чумы у больных. Из множества авторов достойны внимания Прокопий Кесарийский и Евагрий Схоластик, в чьих трудах сделана попытка полного описания внешних проявлений болезни на основе своих личных наблюдений и сохранившейся частично письменной медицинской традиции VI в. Их важность для рассматриваемой проблемы заключается и во времени их творчества: Прокопий написал «Историю войн» и «Тайную историю», предположительно, в 550-е гг. и наблюдал появление чумы в империи в 541 г.; в отличие от него Евагрий создал «Церковную историю» в 590-х гг. (спустя два поколения после её внезапного появления в г. Пелузии). Практически непрекращающаяся, на протяжении 50 лет, эпидемия, очевидно наложила серьезный отпечаток на восприятие чумы у авторов 90-х гг. VI в. Латинская письменная традиция, в отличие от греческой, не содержит подробных описаний клинической картины и служит небольшим дополнением к созданию картины видения болезни в том виде, как её представляло греческое и эллинизированное население восточного Средиземноморья. Подробный разбор существующих сирийских источников потребует отдельного исследования.

На наш взгляд, описание развития болезни глазами античных авторов; выделение ключевых терминов, отражающих состояние больных; позволяют не только углубить общие знания о первой пандемии чумы, необходимые для истории медицины, но и проследить изменение восприятия болезни в динамике с 541 г. и до последней крупной вспышки собственно «Юстиниановой чумы» в Риме, произошедшей в 590 г.

Для удобства изложения описания Прокопия и Евагрия будут расположены в хронологической последовательности:

Рассказ Прокопия Кесарийского

Первое описание симптомов чумы оставил Прокопий Кесарийский (550 -е гг.) в «Истории войн» (Procop. *De bellis*. IV.14, 5-6;

II. 23). Он называет её довольно лаконично – λοιμός¹, часто упоминаемая некие описания, скорее всего древние, на которые безуспешно опирались римские медики. Греческое слово λοιμός (δ) означает: чума, бедствие, мор, болезнь, паразит (иногда)². Согласно лексикону Е. А. Софоклеса, в римское и византийское время к этим значениям добавились: проклятие, злость и злокачественность³. В лексиконе Х. Фриска близкими по значению к λοιμός названы λιμός (голод) и λοιγός (гибель, смерть)⁴. Λοιμός как «чума» употребляется у Прокопия Кесарийского (Procopius. *De bellis*. IV. 14, 5-6; II. 22), Агафия Миренейского (Agathias Schol. *Hist. Prelog.*; V.10), Иоанна Малалы (Malala. *Chron.* P. 487-489), Евагрия Схоластика (Evagrius. *Hist. ecc.* IV.29) и Феофилакта Симокатты (Theophylactus Simocatta. *Hist.* V.10. 13-15). Заметим, что греческие авторы довольно часто употребляли этот термин в контексте многих эпидемий Античности и Средневековья (в Византии).

Произшедшая за короткое время массовая гибель людей, смерть близких родственников и беспомощность лучших медиков империи не могли не произвести на современников сильного впечатления. Поэтому не вызывает удивления, что Прокопий не пожалел черных красок на описание эпидемии. Его рассказ о симптомах чумы эмоционален, местами непоследователен и часто чередуется описаниями поведения населения, что в значительной степени затрудняет работу исследователям. Учитывая точность, с которой у Прокопия регистрировались внешние симптомы и ярко выраженный характер заболевания, похоже, что ни он сам, ни предшествующие авторы классической Античности, определенно никогда не сталкивались с чумой. Невиданные до VI в. проявления болезни еще нуждались в осмыслении и упорядочивании. Однако, несмотря на это, уже в «Истории войн» заметны первые попытки классификации форм чумы.

Перед их перечислением необходимо остановиться на всем рассказе Прокопия во II книге, где достаточно подробно описывается течение болезни.

¹ Stathakopoulos (1998). S. 1-7.

² Liddel, Scott (1996) P. 1060.

³ Sophocles (1914). P. 720.

⁴ Frisk (1960). S. 134-135.

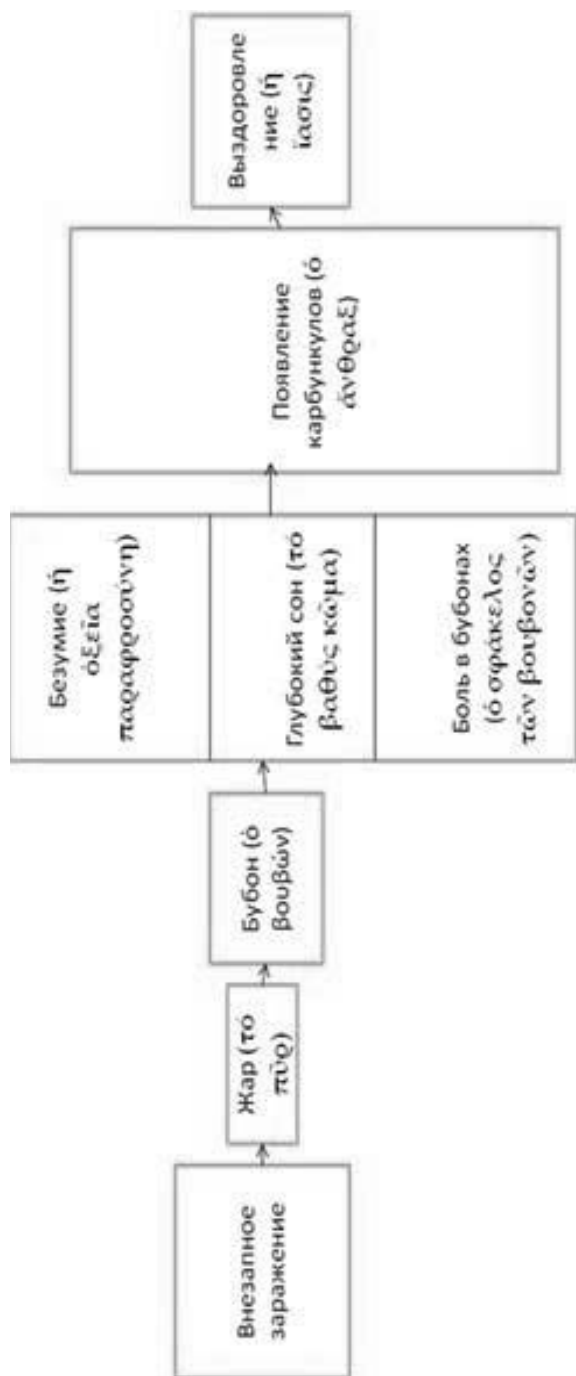

Рис 1.
Совокупность проявлений чумы у Прокопия Кесарийского
(с высокой вероятностью выздоровления).

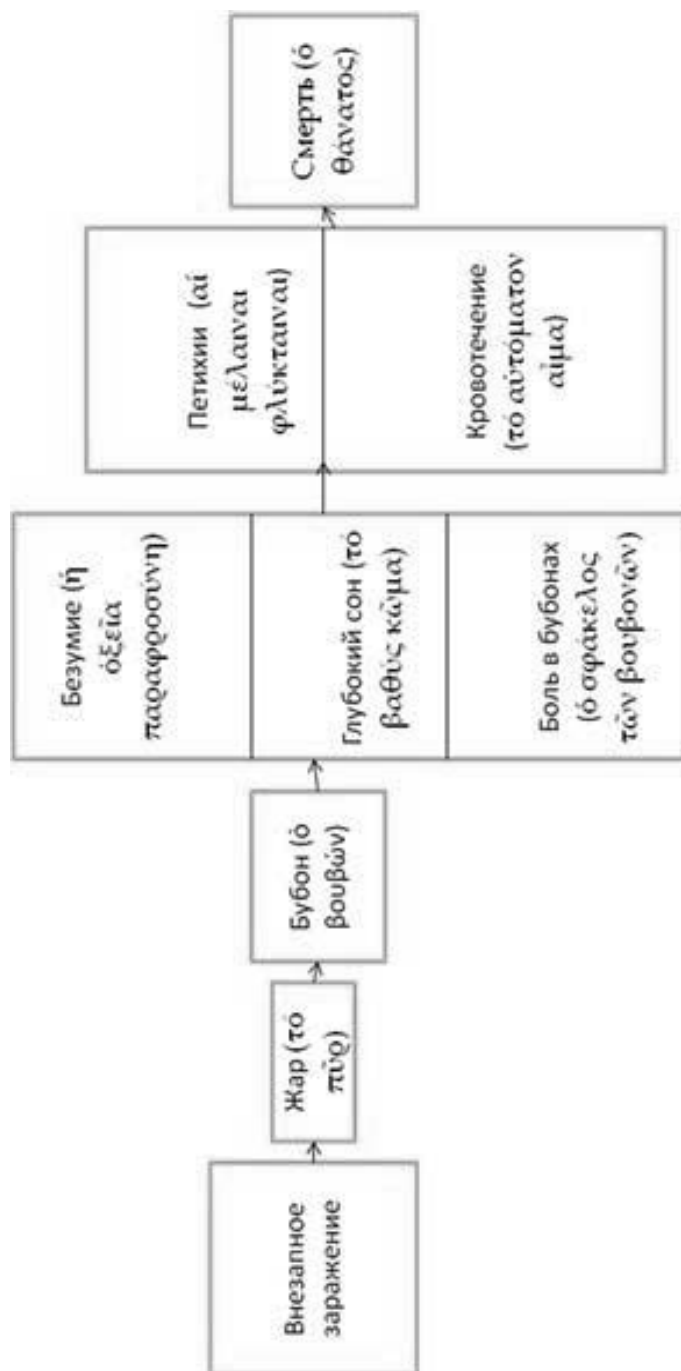

Рис 2.
Совокупность проявлений чумы у Прокопия Кесарийского
(со смертельным исходом).

Хаотичность описаний чумы у Прокопия в тексте «Истории войн» дополняется первой, в истории медицины, попыткой разделения течения заболевания на стадии. Автор начинает свой рассказ с невозможности объяснения причин трагедии, считая её Божьим промыслом (Procop. *De bellis*. II. 22. 2) и наказанием за гордыню ученых мужей, пытающимся дать объяснение всем явлениям на земле. Важное дополнение Прокопия о возникновении чумы вне зависимости от географического расположения провинций, климата, времени года, образа жизни людей и их физических особенностей позволяют увидеть отсутствие доверия у него к медикам империи, опирающимся на классическую медицинскую традицию, восходящую к Гиппократу и Галену (Procop. *De bellis*. II. 22. 3-5). Южноафриканский исследователь Дж. Эткинсон указывает на сходства в описании болезни у Прокопия и Фукидида, рассказавшем об эпидемии брюшного тифа в Афинах во время Пелопонесской войны¹. На наш взгляд, это неслучайно и объясняется не только внешними сходствами некоторых из симптомов «чумы Фукидида» с чумой VI в., но и близостью понимания природы заболевания у авторов разных эпох. Во фрагменте II. 22 намеренно повторяется мысль Фукидида о бессилии медицины в понимании происходящей трагедии. Сильной критике подверглись софисты, философы и метеорологи. Подробный анализ содержания описаний чумы в «Истории войн» позволяет предположить о существовании двойственного понимания природы чумы: рационального и божественного². Рассказы современников двух трагедий, очень сложны: в них очевидно сочетание трезвого научного сообщения и риторических приемов³. Нет никаких веских причин критиковать

¹ Atkinson (2002). P. 2-4.

² Мнения исследователей по этому вопросу различны – каждый выдвигает свое определение заболевания: чума, корь, оспа, эргодизм, скарлатина, брюшной тиф, сыпной тиф. Однако наиболее достоверными считаются результаты ДНК-анализа, опубликованные греческими исследователями из Афинского университета, согласно которым «чума» Фукидида — это брюшной тиф. Более подробно см.: Atkinson (2002). P. 4-9; Антонов (2020). С. 57-62; Матвейчев (2020). С. 32-43.

³ У обоих авторов применяется прием *captatio benevolentiae*, вызывающий расположение у читателя.

описания Прокопия как бледную копию рассказа Фукидида из-за слишком больших различий в деталях и общей структуре греческого текста.

Следом за заражением возникали галлюцинации, предшествующие появлению характерных признаков чумы. Будучи верующим человеком, Прокопий считал их результатом прямого воздействия демонов во время сна и в состоянии гипнагогии¹. Внешние проявления начинались с жара (τό πῦρ)²: при пробуждении, прогулке и работе. Первые сутки заражения, по словам Прокопия, отмечались умеренным состоянием больного и нормальным цветом кожи, что не вызывало опасений не только у медиков, но и у самого заболевшего (Procop. *De bellis*. II. 22). Этот симптом возникал внезапно и сопровождал больных на протяжении всего протекания заболевания. Жар, на наш взгляд, является ключевым проявлением чумы, на который различные группы больных начинали реагировать по-разному в силу внутренних особенностей своих организмов. Все это могли заметить римские медики и отразить в недодшедших медицинских трактатах. Сравнительная точность рассказа Прокопия объясняется должностью в римской армии: будучи секретарем и советником полководца Флавия Велитария, он, скорее всего, имел возможность прямого общения с лучшими медиками своего времени во время трагических событий 541–543 гг. Кроме того, спустя десять лет, во время работы над текстом «Истории войн», Прокопий, очевидно, познакомился и с медицинскими произведениями классической древности в библиотеке Константинополя.

После жара и галлюцинаций в тот же день, или же несколько дней спустя появлялись бубоны (ὁ βουβών)³: у одних в паху, у других — под мышкой, у третьих — за ухом, у четвертых — на бедре. Начиная с этой стадии, человек испытывал страдания. В тексте

¹ Гипнагогия — состояние между сном и бодрствованием. См.: Mavromatis (1987).

² πῦρ (τό) — жар. См.: Дворецкий (1958). Т. II. С. 1442; Liddel, Scott (1996). P. 1555.

³ βουβών (ὁ) — опухоль в паху, пах (изначально). См.: Liddel, Scott (1996). P. 323; Дворецкий (1958). Т. I. С. 302. В отличие от Галена, медики VI столетия не связывали бубоны с черной желчью.

«Истории войн» с горькой досадой подчеркивается отсутствие прямой связи опухолей с конкретной частью тела. Это стало для лечащих медиков неприятной неожиданностью, значительно замедлившей изучение невиданного ранее заболевания. Из-за этого первые попытки соотнесения невиданных ранее симптомов с проявлениями известных с древности заболеваний заканчивались неудачей. Таким образом, напрашивается вывод, что греческие авторы, опираясь на идеи Галена, в самом начале пандемии не считали появление бубонов исключительно характерной чертой чумы. К сожалению, у Прокопия нет никаких указаний на продолжающиеся исследования общих закономерностей в появлении бубонов при острой фазе чумы. Кроме того, мы не находим разъяснения о взаимосвязи между местом возникновения опухоли и возможным первичным источником инфекции¹.

Как и в случае с греческими сочинениями, латинские медицинские тексты о чуме стали бы хорошим дополнением к созданию общей картины катастрофы. Но, в силу различных причин, ни один из этих трудов не дошел до современных исследователей и остается только догадываться, что эпидемия могла стать полной неожиданностью для населения Запада и продемонстрировала беспомощность варварских королей. Медицинская традиция, существовавшая в германских королевствах, могла совершенно иначе взглянуть на эту проблему. Латинские авторы сразу же обратили внимание на поражение паховой области больных, выделив этот признак основным при определении новой болезни. Косвенно об этом свидетельствуют сочинения (в основном хроники), написанные в королевствах франков и вестготов в 550–590 гг. В них употреблялись термины: *inguinalis plaga* у Иоанна Бикларийского и анонима «хроники Цезареавгусты» (An. Caes. a. 542; Iohan. Bicular. Chron. a. 573), *inguinarius morbus* у Григория Турского и Виктора Туннунского (Gregor. Tur. Hist. Franc. IV.5; X.1; Vict. Tun. a. 542). Прилагательное *inguinalis* образовано от *inguen* — пах, брюшная полость, паховая опухоль (позднее)².

¹ Atkinson (2002). P. 8-10. Прокопий строго разделяет *βοῦβών* в значении паха, и — опухоли в любой части тела.

² Дворецкий (1976). С. 526; Vaan (2008) P. 303-304.

Отдельного внимания заслуживают свидетельства о вскрытии тел умерших. Нет никаких сомнений, что эта мера была вынужденной и выражала отчаяние медиков, которые больше не видели другого пути в изучении новой болезни (Проскор. *De bellis*. II. 22). В условиях беспрецедентной смертности населения провинций эта мера практически не вызвала осуждения в обществе и церкви, искавших спасение от морового поветрия. Судя по всему, в патологоанатомических исследованиях, приняла участие та часть медиков, которая видела в бубонных опухолях причину возникновения чумы. Произведя разрезы бубонов, они находили внутри них страшные карбункулы. Вызывает сомнение утверждение американского исследователя Л.Л. Брэттона о большом влиянии вскрытий тел умерших времен первой пандемии на развитие клинической медицины¹. По его словам, греческие медики фактически открыли то, что известно современным патологоанатомам: бубоны представляют собой опухшие лимфатические узлы, вероятно, потемневшие из-за обильного кровотечения, вызванных токсинами, что обусловлено высокой концентрацией бактерий в инфицированном органе². На наш взгляд, это медицинское открытие носило практический характер и мало повлияло на методы лечения чумы в будущих эпидемиях.

Совокупность проявлений чумы Прокопий формирует исходя не из местного поражения больного, а из симптомов заболевания. Выделяются три формы морового поветрия, проявляющиеся только у отдельных групп больных:

1. τό βαθύς κῶμα (глубокий / беспробудный / продолжительный сон)³. По словам автора, первая группа больных впадает в глубокий сон – ἐπεύγεται γὰρ τοῖς μὲν κῶμα βαθύ... (Проскор. *De bellis*. II. 22). Особое внимание уделяется высокой температуре (сильному жару), приводящей к глубокому сну (коме), из которого вывести больных невозможно. На наш взгляд, βαθύς (глубокий)⁴ усили-

¹ Bratton (1981). Part I. P. 117-120; Bratton (1981). Part II. P. 174-180; Atkinson (2002). P. 5-7.

² Drancourt, Piarroux, Bitam, Mouffok, Raoult (2012). P. 18-26.

³ τό κῶμα — сон, дремота. См.: Дворецкий (1958). Т. I. С. 1002; Liddel, Scott (1996). P. 1017.

⁴ Дворецкий (1958). Т. I. С. 284; Liddel, Scott (1996). P. 301-302.

вает значение существительного τό κῶμα (сон), придавая ему наиболее негативные тона.

2. ἡ ὀξεία παραφροσύνη (сильное безумие / сильный бред)¹ или ἡ νόσος τῶν φρενῶν (болезнь ума)² (Procop. *De bellis*. II. 22). Дополнительные симптомы: ἀγρυπνία (ἡ) (бодрствование, бессонница)³, φαντασία (ἡ) (кошмар, представление, воображение, видение)⁴. На другую группу больных жар влиял иначе: одни впадали в безумие — ...τοῖς δὲ παραφροσύνη ὀξεία (Procop. *De bellis*. II. 22), другие страдали бессонницей. С позиции эпидемиологии чума отличается высокой степенью поражения центральной нервной системы больного вследствие сильной интоксикации, результатом чего является бессонница, либо возбуждение⁵. Часто присутствует бред, и потеря координации движений. Часто эти симптомы проявляются одновременно, значительно снижая шансы на выживание. Причины возникновения второй формы чумы Прокопий не объясняет, уделяя большее внимание той опасности, которую представляют помутившиеся рассудком люди. Его замечания во многом соотносятся с описаниями Гиппократов (Hipp. *De morbo sacro*. 13-14) в трактате «о Священной болезни» (περὶ ἱερῆς νόσου). Эмоциональность Прокопия не позволяет исследователям выделить строгую последовательность возникновения её симптомов. По нашему мнению, позднеантичные медики могли их видеть следующим образом: а) τό πῦρ; б) ἀγρυπνία (ἡ); в) φαντασία (ἡ); ἡ ὀξεία παραφροσύνη.

Внимание исследователей привлёк другой важный аспект безумия: желание больных вырваться на открытый воздух и дышать свежим воздухом⁶. Возможно, здесь представлен намек на легочную форму чумы, которую специально не описывали вплоть до 90-х гг. VI в. (Procop. *De bellis*. II.21-24). В качестве отдельной

¹ ἡ παραφροσύνη — безумие, сумасшествие. См.: Liddel, Scott (1996). P. 1330; Дворецкий (1958). Т. II. С. 1255.

² ἡ νόσος — болезнь. См.: Liddel, Scott (1996). P. 1181; Дворецкий (1958). Т. II. С. 1139.

³ Liddel, Scott (1996). P. 16; Дворецкий (1958). Т. I. С. 27.

⁴ Liddel, Scott (1996). P. 1915-1916; Дворецкий (1958). Т. II. С. 1713.

⁵ Drancourt, Piarroux, Bitam, Mouffok, Raoult (2012). P. 22-25.

⁶ Atkinson (2002). P. 5-7.

формы чумы она выделяется с XIV в. для обозначения уже «Черной смерти», ставшей не меньшей причиной ослабления империи перед турецким завоеванием, нежели гражданские войны. Об этом свидетельствуют письма и труды Димитрия Кидониса (Démétr. Cud. 100.14; 770.25), Иоанна Кантакузина (Ioann Cant. 49) и Никифора Григоры (Niceph. Greg. 797.17).

3. ὁ σφάκελος τῶν βουβονῶν (сильная боль в бубонных опухлях) (Procop. *De bellis*. Ibid). Несмотря на жар, третья категория заболевших сохраняла рассудок и сознание, но часто умирала от сильных болей в бубонных опухлях. Замечания Прокопия соотносятся с последствиями инфекционно-токсического шока, вызванного бактериальным ядом¹.

Непосредственно смерти больного предшествовало появление трех признаков, возникающие у больных независимо от перечисленных форм заболевания:

1. αἱ μέλαιναι φλύκταιναι (черные нарывы)². У некоторых больных тело покрывалось черными прыщами размером с чечевицу (Procop. *De bellis*. II. 23-24). В современной эпидемиологии описывается геморрагическая сыпь, возникающая в самых тяжёлых случаях протекания чумы, при нарастающей интоксикации и высокой температуры³.

2. τὸ αὐτόματον αἷμα (самопроизвольное кровотечение)⁴. Многих приводило к смерти неожиданно открывшееся кровотечение. Прокопий не упоминает его характера, однако допустимо предположить, что имеется в виду открывшееся внутреннее кровотечение, проявляющееся в появлении крови в носу и рту.⁵

Шанс на выживание значительно повышался при появлении карбункулов (ὁ ἄνθραξ)⁶, которые появлялись путем наполнения

¹ Low (2013). P. 651-656.

² ἡ φλύκταινα — нарыв, прыщ, пузырь; Liddel, Scott (1996). P. 1946; Дворецкий (1958). Т. II. С. 1739.

³ Drancourt, Piarroux, Bitam, Mouffok, Raoult (2012). P. 24-26.

⁴ τὸ αἷμα — кровь. См.: Liddel, Scott (1996). P. 38; Дворецкий (1958). Т. II. С. 50.

⁵ Drancourt, Piarroux, Bitam, Mouffok, Raoult (2012). P. 24-26; Atkinson (2002). P. 5-7.

⁶ Liddel, Scott (1996). P. 141; Дворецкий (1958). Т. I. С. 150.

бубонов гноем с последующим увеличением их в размерах. С точки зрения современной патологии, процесс образования карбункулов выглядит как отторжение омертвевших участков в коже и образование множества воронкообразных ран с грязно-серым дном и подрытыми краями¹. Вероятность выживания у таких больных повышалась до 70%².

Медицинский рассказ о чуме у Прокопия Кесарийского, в целом, сосредоточен на описании последовательности симптомов и выявлении общих закономерностей в развитии заболевания. С точки зрения современной клинической медицины и эпидемиологии в «Истории войн» соотносятся, в большей степени, с бубонной формой чумы.

Описания Евагрия Схоластика

В отличие от Прокопия Кесарийского, Евагрий Схоластик оставил более подробное описание внешних проявлений чумы (Evagrius. *Hist. ecc.* IV.29). Его рассказ о чуме ценен, прежде всего, серьезной попыткой определения происхождения источника заболевания в Эфиопии, имеющей с Восточной Римской империей тесные торговые связи (Evagr. *Hist. ecc.* IV. 29). Для эпидемиологов стали ценными сведения о четырех вспышках болезни в Антиохии, который, в перспективе, позволили сформулировать современные представления о нескольких циклах пандемии. Здесь будет не менее важен их терминологический анализ, так как он позволяет увидеть значительные изменения в оценках клинической картины чумы греческими медиками спустя почти 50 лет после климатической катастрофы 536 г. и начала эпидемии в г. Пелузии в 541 г.

Кроме *λοῖμός*, в тексте «Церковной истории» встречается словосочетание *λοῖμόςδεξ πάθος (τό)* (чумное бедствие / несчастье). Удивительно, но, его нет в греческой литературе классического периода и в римское время (до посл. четв. VI в). Второе упоминание словосочетания относится только к XII в. в «Комментариях к Илиаде и Одиссее» Евстафия Фессалоникийского, в рассказе о неведомой болезни, поразившей войско ахейцев в наказание от Аполлона за нечестие царя Микен Агамемнона (Eustath. *Comm.*

¹ Drancourt, Piarroux, Bitam, Mouffok, Raoult (2012). P. 24-26.

² Там же.

Papsoidia A. 49). На наш взгляд, было бы сомнительным представить это эмоциональное выражение простонародным, поскольку очевидно его литературное происхождение. Прилагательное λοϊώδης (чумной, болезненный) произошло от λοϊός и встречается во многих греческих текстах вплоть до современной греческой медицинской литературы. Этимологически близким по значению к существительному πάθος (τό) (бедствие, страдание, несчастье)¹ считается πένθος (печаль, несчастье, траур)². Переходя к описанию симптомов, обратим внимание на их осмысленное и упорядоченное изложение, свидетельствующее об изменении восприятия чумы в третий цикл эпидемии. Общий стиль изложения во фрагменте IV. 29, по своей структуре, напоминает краткие выдержки из неизвестного медицинского трактата.

По словам Евагрия, это несчастье состояло из различных видов недуга (Evagrius. *Hist. ecc.* IV.29) — Τὸ δὲ πάθος ἐκ διαφόρων νοσημάτων συνέκειτο. Как и у Прокопия Кесарийского, они группируются вокруг нескольких определяющих симптомов:

1. οἱ αἰμάτινοι ὀφθαλμοί (Кровоизлияние в глазах / кроваво-красные глаза)³. Сопутствующий симптом: ἡ οἴδησις τῶν προσώπων (отек лица)⁴. Отдельного внимания заслуживает упоминание поражения шеи человека, приводящее к смерти. Косвенно, на этот признак указывал и латинский автор, именуемый Фредегаром, употребляя термин *clades glandolaria* — поражение желез (Fredeg. *Chron.* a.599)⁵. В современной медицине эта форма болезни соот-

¹ Liddel, Scott (1996). P. 1285-1286; Дворецкий (1958). Т. II. С. 1216-1217.

² Liddel, Scott (1996). P. 1360; Дворецкий (1958). Т. II. С. 1280.

³ αἰμάτινος — кровавый, кроваво-красный. См.: Liddel, Scott (1996). P. 38.

⁴ ἡ οἴδησις — отек, набухание, нарастание. См.: Liddel, Scott (1996). P. 1201; Дворецкий (1958). Т. II. С. 1154.

⁵ С точки зрения норм классического латинского языка это словосочетание следовало бы писать как *clades glandularia*, однако, в V в. начался процесс трансформации галло-римской культуры и перенос её фокусировки из сферы светской образованности в религиозное поле. Общее падение уровня светской культуры, усиливающаяся рурализация городского населения и упадок римского образования не могли не привести к смеше-

носится с легочной формой чумы, которой присуще дальнейшее увеличение сердечно-сосудистой недостаточности, выраженной в тахикардии, прогрессивном падении артериального давления и развитии цианоза приводило к кровоизлиянию и коме. В античности легочная форма чумы была не различима вследствие не знания роли легких в кашле как явлений¹.

2. ἡ ῥύσις τῶν γαστρῶν (истечение желудка / брюха). Греческое слово γαστήρ (ῆ) имеет значения желудка, живота, брюха, чрева². Рассказ Евагрия Схоластика не позволяет точно определить симптом, из-за многозначительности существительного γαστήρ и малого объема описаний. Под «истечением брюха» может подразумеваться диарея или отек живота. У Гиппократов и Галена для обозначения диареи используется термин διάρροια, для отека — οἰδήμα. Очевидно, что эти признаки свойственны септической форме чумы: на фоне синдрома интоксикации у больных возникают резкие боли в животе, многократная рвота и диарея с тенезмами и обильным слизисто-кровянистым стулом³.

3. οἱ βουβώνοι (Бубоны, опухоли). Сопутствующий симптом: ὁ ἐξάίστος πυρετός (ужасная лихорадка)⁴. Описания бубонной формы болезни у Евагрия не отличаются от рассказа Прокопия Кесарийского (Procop. *De bellis*. II. 23-24). Единственное дополнение — появление ужасной лихорадки, которая сопровождает эту форму чумы.

4. ἡ παραφροσύνη (безумие). В качестве отдельной формы чумы выделено безумие, но никаких подробных разъяснений больше не приводится.

нию литературной нормы классического латинского языка с вульгарным наречием Галлии. Все это в совокупности незамедлительно отразилось на общем состоянии местной латинской традиции. Поэтому становится очевидной возникновение *clades glandolaria* (как и *inguinalis plaga*) в результате наблюдений над бубонной формой болезни (с позиции современной медицины).

¹ Mammias, Spandidos (2016). P. 545-546; Pappas, Kiriaze, Falagas (2008). P. 347-350.

² Liddel, Scott (1996). P. 339; Дворецкий (1958). Т. II. С. 314.

³ Meyer (1950). P. 982-985.

⁴ ὁ πυρετός — лихорадка. См.: Liddel, Scott (1996). P. 1556; Дворецкий (1958). Т. II. С. 1443.

5. ὁ ἄνθραξ (карбункул). Как и в случае с безумием, автор не сообщает дополнительных подробностей об этой форме заболевания.

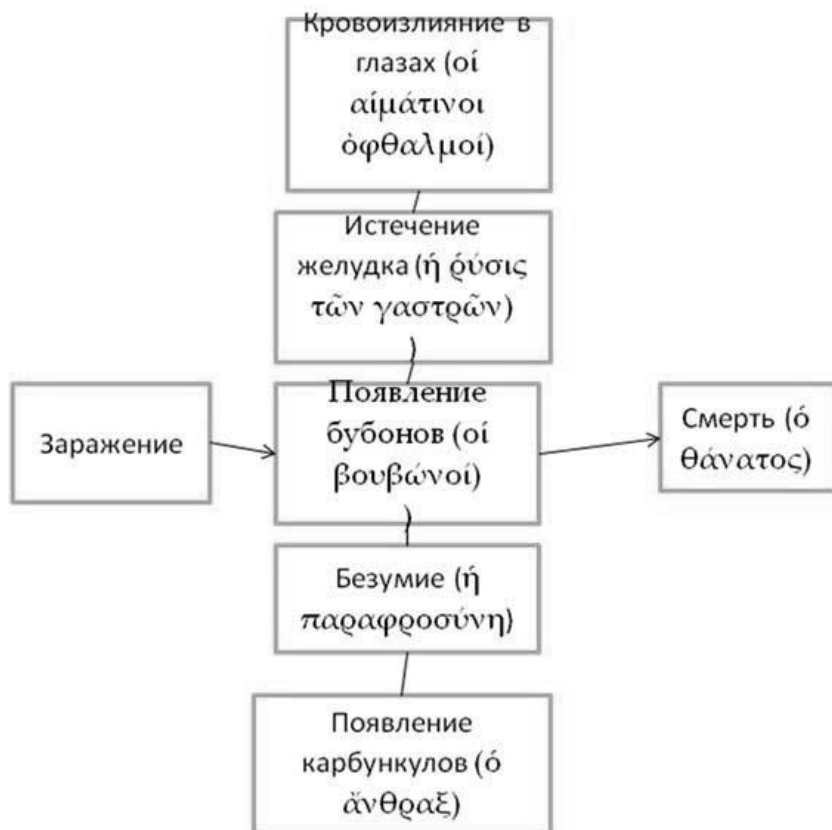

Рис 3.
Совокупность проявлений чумы у Евагрия Схоластика
(со смертельным исходом)

Подводя общие итоги еще раз подчеркнем, что если в первом цикле эпидемии (541–557 гг.) у современников наблюдались апокалиптические настроения, отчаяние и ужас, то уже во второй (558–565 гг.) и третий (565–591 гг.) очевидно постепенное уменьшение в источниках объема описаний о чуме, по сравнению с другими событиями, несмотря на большую смертность населения. К латинским авторам указанная схема практически неприменима из-за скудного количества повествований. Как уже было упомянуто выше, возможна только констатация факта осмысления чумы и разнообразие её наименований в зависимости от региона происхождения авторов (Испания, Галлия). Становится очевидным колоссальное влияние традиции наименования чумы VI–VIII вв. в формировании представлений о «Черной смерти» в позднем Средневековье. Для греческих авторов характерно более раннее изменение восприятия «Юстиниановой чумы».

Косвенно это нашло отражение и в медицинских трудах VI–VII вв. Первый цикл пандемии отличался постепенным накоплением знаний о чуме и появлением первых записей с подробной клинической картиной заболевания, на которые опирались европейские и арабские авторы вплоть до XVIII в. Анализ рассказа Прокопия Кесарийского позволил выделить три формы чумы, поражающие разных больных по неизвестным, медикам того времени, причинам. Через 50 лет Евагрий Схоластик кратко упоминает уже пять внешних проявлений болезни, которые не всегда совпадают с выводами Прокопия, но были хорошо известны современникам «Черной смерти» в средневековой Византии. Таким образом, становится очевидным завершение формирования общих медицинских представлений о чуме к концу VI в.

Материал поступил в редакцию 9.03.2022

*Материал поступил в редакцию
после рецензирования 15.03.2022*

СОКРАЩЕНИЯ

An. Caes. — Chronicon Caesaraugustanum.
Démétr. Cyd. — Demetrios Kydones.
Evagr. Schol. — Evagrius Scholasticus.
Fredeg. Chron. — Historia Francorum
Gregor. Tur. Hist. Franc. — Gregorius Turonensis. Historia Francorum.
Ioann Cant. — Ioannes Cantacuzenus
Iohan. Biclár. Chron. — Ioannus Biclarensis. Chronica
Niceph. Greg. — Nicephorus Gregoras
Procop. De bel. — Procopius. De bellis.
Ps-Dionysius. Chron. — Pseudodionysius Telmaharensis. Chronica
Vict. Tun. — Victor Tonnennensis

БИБЛИОГРАФИЯ

- Allen, P. (1979) "The "Justinianic" plague," *Byzantion*, 49, 5-20.
- Atkinson, J. (2002) "The Plague of 542: Not the Birth of the Clinic," *Acta Classica*, XLV, 1-18.
- Behringer, W. (2007) *Kulturgeschichte des Klimas: von der Eiszeit bis zur globalen Erwärmung*. München: C. H. Beck.
- Bratton, L.L. (1981) "The identity and plague of Justinian," *Transactions and Studies of the College of Physicians of Philadelphia*, 3.I, 113-24.
- Bratton, L.L. (1981) "The identity and plague of Justinian", *Transactions and Studies of the College of Physicians of Philadelphia*, 3.II, 174-180.
- Büntgen, U., Myglan, V.S, Ljungqvist, F.C, et al. (2016) "Cooling and societal change during the Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD", *Nature Geoscience* 9.3, 231–236.
- Dewing, H.B. (1914–1940) *Procopius. History of the Wars*. Londinii: Heinemann, Vol. I-V.
- Dickinson, O. (2007) *The Aegean from Bronze Age to Iron Age: Continuity and Change Between the Twelfth and Eighth Centuries*. Leiden-Boston: Routledge.
- Drancourt, M., Piarroux, R., Bitam, I., Mouffok, N., Raoult, D. (2012) "Plague: History and contemporary analysis", *Journal of Infection*, 66.1, 18-26.
- Frisk, H. (1960) *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. II: K–Ω. Heidelberg: Universitätsverlag Winter GmbH.

- Gibbons, A. (2018) "Why 536 was 'the worst year to be alive'", *Science*. November. — <https://www.sciencemag.org/news/2018/11/why-536-was-worst-year-be-alive> (январь, 2022).
- Gräslund, B., Price, N. (2012) "Twilight of the gods? The 'dust veil event' of AD 536 in critical perspective", *Antiquity*, 86.332, 428-443.
- Guilland, R. (1967) *Nicéphore Gregoras. Correspondance*. Paris: Les Belles Lettres.
- Haeser, H. (1884) *Geschichte der epidemische Krankheiten: Lehrbuch der Geschichte der Medizin und der epidemischen Krankheiten*. Bd. III. Jena: Olms, Georg.
- Haldon, J., Elton, H., Huebner, S. R., Izdebski, A., Mordechai, L., Newfield, T. P. (2018) "Plagues, climate change, and the end of an empire: A response to Kyle Harper's *The Fate of Rome*", *History Compass*, 16.12, 1-3.
- Harper, K. (2017) *The Fate of Rome: Climate, Disease, and the End of an Empire*. Princeton: Princeton University Press.
- Hartman, L., Kurbatov, A.V. (2018) "Alpine ice-core evidence for the transformation of the European monetary system, AD 640–670", *Antiquity*, 92(366), 1-15.
- Hübner, A. (2007) *Evagrius Scholasticus. Historia ecclesiastica*. Bd. I. Turnhout: Brepols.
- Hübner, A. (2007) *Evagrius Scholasticus. Historia ecclesiastica*. Bd. II. Turnhout: Brepols.
- Krusch, Br. (1969) *Miracula et opera minora*. Hannover: Impensis Bibliopolii Hahniani.
- Liddel, G. H., Scott, R. (1996) *Greek-English Lexicon*. Oxford: Oxford University Press.
- Little, L. K. (2007) *Plague and the End of Antiquity: The Pandemic of 541–750*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Low, D. E. (2013) "Toxic shock syndrome: major advances in pathogenesis, but not treatment", *Critical Care Clinics*, 29.3, 651-675.
- Mammas, I.N., Spandidos, D.A. (2016) "Paediatric Virology in the Hippocratic Corpus", *Experimental and Therapeutic Medicine*, 12.2, 541-549.
- Mavromatis, A. (1987) *Hypnagogia: the Unique State of Consciousness Between Wakefulness and Sleep*. London: Routledge Kegan & Pau.
- McCormick, M. (2003) "Rats, communications, and plague: toward an ecological history", *Journal of Interdisciplinary History*, 34.1, 1-25.

- McCormick, M. (2019) "Climates of History, Histories of Climate: From History to Archaeoscience", *Journal of Interdisciplinary History*, 50.1, 3-30.
- Meier, M. (2016) "The 'Justinianic Plague': the economic consequences of the pandemic in the eastern Roman empire and its cultural and religious effects", *Early Medieval Europe*, 24.3, 267-292.
- Meyer, K.F. (1950) "Modern therapy of plague", *Journal of the American Medical Association*, 144.12, 982-985.
- Mommsen, T. (1894) *Chronicon Caesaraugustanum Reliquiae*. Berolini: apud Weidmannos.
- Mommsen, T. (1894) *Iohannis abbatius Biclarensis chronic*. Berolini: apud Weidmannos.
- Pappas, G., Kiriaze, I.J., Falagas, M.E. (2008) "Insights into infectious disease in the era of Hippocrates", *International Journal of Infectious Diseases*, 12.4, 347-350.
- Placanica, A. (1997) *Vittore da Tunnuna*. Florenz: Sismel.
- Retief, F.P. (2005) "The epidemic of Justinian (AD 542): a prelude to the Middle Ages", *Acta Theologica Supplementum*, 7, 115-127.
- Rosen, W. (2007) *Justinian's Flea: Plague, Empire, and the Birth of Europe*. New York: Penguin Books Ltd.
- Russel, J.C. (1987) *Medieval Demography: Essays, Ams Studies in the Middle Ages*. New York: Ams. Pr. Inc.
- Sarris, P. (2002) "The Justinianic plague: origins and effects", *Continuity and Change*, 17.2, 169-182.
- Schopenus, L. (1828–1832) *Johanni Cantacuzeni Historiarum libri IV*. Vol. I—III. Bonnae: Impensis E. Weberi.
- Sigl, M., Winstrup, M., McConnell, J.R., Welten, K.C., Plunkett, G. (2015) "Timing and climate forcing of volcanic eruptions for the past 2,500 years", *Nature*, 523, 543-549.
- Sophocles, E.A. (1914) *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (From 146 B.C. to A.D. 1100)*. Cambridge: Harvard University Press; Leipzig.
- Stathakopoulos, D. (1998) "Die Terminologie der Pest in byzantinischen Quellen", *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 48, 1-7.
- Tinnefeld, F. (1981-2003) *Demetrios Kydones. Briefe*. Bd. I-IV. Stuttgart: Univ. ver.
- Toohy, M. (2016) "Climatic and Societal Impacts of the Volcanic Double Event at the Dawn of the Middle Ages", *Climatic Change*, 136, 401-412.

- Vaan, M. de. (2008) *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden-Boston: Brill.
- Wallace-Hadrill, J.M. (1960) *The fourth book of the chronicle of Fredegar with its continuations*. Nelson: Greenwood Press, London.
- Wittakowski, W. (1996). *Chronicle of Pseudo - Dionysius of Tell Mahre (known also as the Chronicle of Zuqnin)*. Part III. Liverpool: Liverpool University Press.
- Антонов, А.А. (2020) «Афинская чума в “Истории” Фукидида», *Медицина и организация здравоохранения*, 5.36 57-62.
- Дворецкий, И.Х. (1958) *Древнегреческо-русский словарь, под ред. С.И. Соболевского, с приложением грамматики, составленной С. И. Соболевским*. Т. I. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- Дворецкий, И.Х. (1958) *Древнегреческо-русский словарь, под ред. С. И. Соболевского, с приложением грамматики, составленной С. И. Соболевским*. Т. II. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- Дворецкий, И.Х. (1976) *Латинско-русский словарь*. М.: Русский язык.
- Ковнер, С.Г. (1893) *История средневековой медицины*. Вып. I. Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира В. И. Завадского.
- Макнил, У. (2021) *Эпидемии и народы*, пер. Н. Проценко, А. Черняева. М.: Университет Дмитрия Пожарского.
- Матвейчев, О.А. (2020) «Кара богов: эпидемии в Древней Греции», *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*, 4.36, 32-43.
- Супотницкий, М.В., Супотницкая, Н.С. (2006) *Очерки истории чумы. В 2-х кн. Кн. 1. Чума добактериологического периода*. М.: Вузовская книга.
- Хайдаров, Т.Ф. (2020) «Зарождение и развитие средневековой нарративной традиции описания “Черной смерти”», *Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*, 162.1, 93-105.
- Шафигулин, Р. (2021) *Юстинианова чума и халифат*. М.: URSS.

Anton V. ZIBAEV, Valentina F. ZHUKOVA

FORMS OF PLAGUE IN PROCOPIUS OF CAESAREA
(PROCOP. DE BELLIS. IV.14) AND EVAGRIUS
SCHOLASTICUS (EVAGRIUS. HIST. ECC. IV.29)

ON THE DEVELOPMENT OF CLINICAL MEDICINE
IN THE EASTERN ROMAN EMPIRE IN THE 4TH CENTURY

The article discusses the forms of plague through the eyes of the contemporaries of the first pandemic known in historiography as “Justinian’s Plague”. The Latin authors of the 6th-8th centuries did not provide detailed descriptions of the previously unknown disease and limited themselves to brief mentions of the pestilence outbreaks in various areas of the Mediterranean. Following the laws of the genre of chronicle narrative (chronicles), they could only state the fact of the spread of a major epidemic in the known world, refraining from emotional remarks. The Greek writings of the 6th century contain more detailed descriptions of the plague symptoms, which allows us to largely restore the course of the disease as it was seen by late antique physicians. Procopius of Caesarea and Evagrius Scholasticus’s reports are based on the description of external symptoms, followed by the identification of key terms that describe patients’ general condition. The first cycle of the pandemic (mid 6th century) was distinguished by early attempts to study the plague in the texts. They were accompanied by intricate and often contradictory speculations of contemporaries, with the subsequent identification of three forms of plague in the patients in Constantinople and the eastern provinces. 50 years later (in the third cycle), the Greek authors already distinguished five forms of the disease with a strict definition of the accompanying symptoms and the absence of panic, which had been noticeable in the previous period. The analysis of narrative sources allows us to conclude that late antique and early medieval authors did not know the pneumonic form of plague, in contrast to the Black Death era. For comparison, in the XIV century. Byzantine authors referred to the symptoms of the Black Death in similar terms, and used the same literary devices to describe the devastation of Constantinople and Greece. For the first time, the pulmonary form is singled out separately only in the 14th century: in the “Histories” of John Kantakuzen, in the letters of Demetrius Cydonis and Nicephorus

Grigora. Thus, the conclusion is made about the gradual accumulation of general knowledge about the clinical picture of Justinian's Plague among late antique physicians, whose works prominent representatives of Greek and Latin historiography of the 6th – 8th centuries relied on.

REFERENCES

- Allen, P. (1979) "The 'Justinianic' plague," *Byzantion*, 49, 5-20.
- Antonov, A. A. (2020) «Afinskaja chuma v "Istorii" Fukidida», *Medicina i organizacija zdravoohraneniya*, 5.3b 57-62.
- Atkinson, J. (2002) "The Plague of 542: Not the Birth of the Clinic," *Acta Classica*, XLV, 1-18.
- Behringer, W. (2007) *Kulturgeschichte des Klimas: von der Eiszeit bis zur globalen Erwärmung*. München: C. H. Beck.
- Bratton, L.L. (1981) "The identity and plague of Justinian," *Transactions and Studies of the College of Physicians of Philadelphia*, 3.I, 113-24.
- Bratton, L.L. (1981) "The identity and plague of Justinian", *Transactions and Studies of the College of Physicians of Philadelphia*, 3.II, 174-180.
- Büntgen, U., Myglan, V.S., Ljungqvist, F.C., et al. (2016) "Cooling and societal change during the Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD", *Nature Geoscience* 9.3, 231–236.
- Dewing, H.B. (1914-1940) *Procopius. History of the Wars*. Londinii: Heinemann, Vol. I-V.
- Dickinson, O. (2007) *The Aegean from Bronze Age to Iron Age: Continuity and Change Between the Twelfth and Eighth Centuries*. Leiden-Boston: Routledge.
- Drancourt, M., Piarroux, R., Bitam, I., Mouffok, N., Raoult, D. (2012) "Plague: History and contemporary analysis", *Journal of Infection*, 66.1, 18-26.
- Dvoreckij, I. H. (1958) *Drevnegrechesko-russkij slovar' / pod red. S. I. Sobolevskogo, s prilozheniem grammatiki, sostavlennoj S. I. Sobolevskim. T. II*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej.
- Dvoreckij, I. H. (1958) *Drevnegrechesko-russkij slovar'/ pod red. S. I. Sobolevskogo, s prilozheniem grammatiki, sostavlennoj S. I. Sobolevskim. T. I*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej.
- Dvoreckij, I. H. (1976) *Latinsko-russkij slovar'*. Moskva: Russkij jazyk.

- Frisk, H. (1960) *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. II: К–Ω. Heidelberg: Universitätsverlag Winter GmbH.
- Gibbons, A. (2018) “Why 536 was ‘the worst year to be alive’”, *Science*. November. — <https://www.sciencemag.org/news/2018/11/why-536-was-worst-year-be-alive> (Jan., 2022).
- Gräslund, B., Price, N. (2012) “Twilight of the gods? The ‘dust veil event’ of AD 536 in critical perspective”, *Antiquity*, 86.332, 428–443.
- Guilland, R. (1967) *Nicéphore Gregoras. Correspondance*. Paris: Les Belles Lettres.
- Haeser, H. (1884) *Geschichte der epidemische Krankheiten: Lehrbuch der Geschichte der Medizin und der epidemischen Krankheiten*. Bd. III. Jena: Olms, Georg.
- Hajdarov, T. F. (2020) «Zarozhdenie i razvitie srednevekovoj narrativnoj tradicii opisanija “Chernoj smerti”», *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 162.1, 93–105.
- Haldon, J., Elton, H., Huebner, S. R., Izdebski, A., Mordechai, L., Newfield, T. P. (2018) “Plagues, climate change, and the end of an empire: A response to Kyle Harper's *The Fate of Rome*”, *History Compass*, 16.12, 1–3.
- Harper, K. (2017) *The Fate of Rome: Climate, Disease, and the End of an Empire*. Princeton: Princeton University Press.
- Hartman, L., Kurbatov, A.V. (2018) “Alpine ice-core evidence for the transformation of the European monetary system, AD 640–670”, *Antiquity*, 92(366), 1–15.
- Hübner, A. (2007) *Evagrius Scholasticus. Historia ecclesiastica*. Bd. I. Turnhout: Brepols.
- Hübner, A. (2007) *Evagrius Scholasticus. Historia ecclesiastica*. Bd. II. Turnhout: Brepols.
- Kovner, S.G. (1893) *Istoriija srednevekovoj mediciny*. Vyp. I. Kiev: Tip. Imp. Un-ta sv. Vladimira V. I. Zavadskogo.
- Krusch, Br. (1969) *Miracula et opera minora*. Hannover: Impensis Bibliopolii Hahniani.
- Liddel, G. H., Scott, R. (1996) *Greek-English Lexicon*. Oxford: Oxford University Press.
- Little, L. K. (2007) *Plague and the End of Antiquity: The Pandemic of 541–750*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Low, D. E. (2013) "Toxic shock syndrome: major advances in pathogenesis, but not treatment", *Critical Care Clinics*, 29.3, 651-675.
- Maknil, U. (2021) *Jepidemii i narody*, per. N. Procenko, A. Chernjaeva. Moskva: Universitet Dmitrija Pozharskogo.
- Mammas, I.N., Spandidos, D.A. (2016) "Paediatric Virology in the Hippocratic Corpus", *Experimental and Therapeutic Medicine*, 12.2, 541-549.
- Matvejchev, O.A. (2020) "Kara bogov: jepidemii v Drevnej Grecii", *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo*, 4.36, 32-43.
- Mavromatis, A. (1987) *Hypnagogia: the Unique State of Consciousness Between Wakefulness and Sleep*. London: Routledge Kegan & Pau.
- McCormick, M. (2003) "Rats, communications, and plague: toward an ecological history", *Journal of Interdisciplinary History*, 34.1, 1-25.
- McCormick, M. (2019) "Climates of History, Histories of Climate: From History to Archaeoscience", *Journal of Interdisciplinary History*, 50.1, 3-30.
- Meier, M. (2016) "The 'Justinianic Plague': the economic consequences of the pandemic in the eastern Roman empire and its cultural and religious effects", *Early Medieval Europe*, 24.3, 267-292.
- Meyer, K.F. (1950) "Modern therapy of plague", *Journal of the American Medical Association*, 144.12, 982-985.
- Mommsen, T. (1894) *Chronicon Caesaraugustanum Reliquiae*. Berolini: apud Weidmannos.
- Mommsen, T. (1894) *Iohannis abbatius Biclarensis chronic*. Berolini: apud Weidmannos.
- Pappas, G., Kiriaze, I.J., Falagas, M.E. (2008) "Insights into infectious disease in the era of Hippocrates", *International Journal of Infectious Diseases*, 12.4, 347-350.
- Placanica, A. (1997) *Vittore da Tunnuna*. Florenz: Sismel.
- Retief, F.P. (2005) "The epidemic of Justinian (AD 542): a prelude to the Middle Ages", *Acta Theologica Supplementum*, 7, 115-127.
- Rosen, W. (2007) *Justinian's Flea: Plague, Empire, and the Birth of Europe*. New York: Penguin Books Ltd.
- Russel, J.C. (1987) *Medieval Demography: Essays, Ams Studies in the Middle Ages*. New York: Ams. Pr. Inc.
- Sarris, P. (2002) "The Justinianic plague: origins and effects", *Continuity and Change*, 17.2, 169-182.

- Schopenus, L (1828-1832) *Johanni Cantacuzeni Historiarum libri IV*. Vol. I–III. Bonnae: Impensis E. Weberi.
- Shafigulin, R. (2021) Justinianova chuma i halifat. Moskva: URSS.
- Sigl, M., Winstrup, M., McConnell, J.R., Welten, K.C., Plunkett, G. (2015) “Timing and climate forcing of volcanic eruptions for the past 2,500 years”, *Nature*, 523, 543-549.
- Sophocles, E.A. (1914) *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (From 146 B.C. to A.D. 1100)*. Cambridge: Harvard University Press; Leipzig.
- Stathakopoulos, D. (1998) “Die Terminologie der Pest in byzantinischen Quellen”, *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 48, 1-7.
- Supotnickij, M.V., Supotnickaja, N.S. (2006) Ocherki istorii chumy. V 2-h kn. Kn. 1. Chuma dobakteriologicheskogo perioda. Moskva: Vuzovskaja kniga.
- Tinnefeld, F. (1981–2003) *Demetrios Kydones. Briefe*. Bd. I–IV. Stuttgart: Univ. ver.
- Toohey, M. (2016) “Climatic and Societal Impacts of the Volcanic Double Event at the Dawn of the Middle Ages”, *Climatic Change*, 136, 401-412.
- Vaan, M. de. (2008) *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden-Boston: Brill.
- Wallace-Hadrill, J.M. (1960) *The fourth book of the chronicle of Fredegar with its continuations*. Nelson: Greenwood Press, London.
- Wittakowski, W(1996). *Chronicle of Pseudo - Dionysius of Tell Mahre (known also as the Chronicle of Zuqnin)*. Part III. Liverpool: Liverpool University Press.

ОБ АВТОРАХ / CONTRIBUTORS

ВЕДЕШКИН Михаил Александрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук, доцент Института общественных наук РАНХиГС. Область научных интересов: социально-экономическая, политическая и религиозная история Поздней Античности, интеллектуальная история, история религии. Автор более чем двадцати статей по истории межрелигиозных взаимоотношений в IV–VI вв. и монографии «Языческая оппозиция христианизации Римской империи (IV–VI вв.)» (2018). ORCID 0000-0002-7844-5742.

Michael A. VEDESHKIN is Candidate of Historical Sciences, Research Fellow at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Institute for Social Sciences RANEPA. The fields of his scientific interests are socio-economic, political and religious history of Late Antiquity, intellectual history, history of religion. He is the author of more than twenty articles on the history of interreligious relations in the 4th – 6th centuries AD and the monograph “The Pagan Opposition to Christianization of the Roman Empire (4th – 6th centuries)” (2018). ORCID 0000-0002-7844-5742

ЖУКОВА Валентина Федоровна — кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой фармации Сургутского института экономики, управления и права. Сфера научных интересов: эпидемиология, патология, доврачебная помощь. ORCID 0000-0171-8896-6457

Valentina F. ZHUKOVA is Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Department of Pharmacy at Surgut Institute of Economics, Management and Law. Her research interests include epidemiology, pathology, and first aid. ORCID 0000-0171-8896-6457

ЗИБАЕВ Антон Валерьевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Сургутского государственного университета; преподаватель кафедры фармации Сургутского института экономики, управления и права. Сфера научных интересов: история античного естествознания, политическая история Римской империи, раннее христианство, история чумы, климатическая катастрофа 535-536 гг. ORCID 0000-0001-7492-9750

Anton W. ZIBAEW is Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Russians History at Surgut State University; Lecturer of the Department of Pharmacy at Surgut Institute of Economics, Management and Law. His research interests include the history of ancient science, the political history of the Roman Empire, Early Christianity, the history of plague, the climatic disaster of 535-536 AD. ORCID 0000-0001-7492-9750

КАРГАЛЬЦЕВ Алексей Витальевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Истории религии и теологии, РГПУ им. А.И. Герцена. Автор серии работ по истории раннего христианства, ответственный редактор научного альманаха «Религия. Церковь. Общество». ORCID 0000-0001-9258-467X

Alexey V. KARGALTSEV is Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at the Department of the History of Religion and Theology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. He is the author of a series of works on the history of early Christianity, executive editor of the interdisciplinary scientific almanac "Religion. Church. Society" ORCID 0000-0001-9258-467X

МОЖАЙСКИЙ Андрей Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент Института классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института стратегии развития образования РАО. Автор научных работ по истории и археологии Беотии (в том числе статей по исторической топографии) и истории античного образования, а также учеб-

ного пособия по археологии (Добровольская М.В., Можайский А.Ю. Археология: учебное пособие. – М.: МПГУ, 2012). ORCID 0000-0003-1112-2858

Andrej Yu. MOZHAJSKY is Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education, Associate Professor of the Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University. He is the author of scientific works on history and archaeology of Boiotia, including articles on historical topography (Mozhajsky A. Reconsidering the Movement of Pausanias' Army before the Battle of Plataiai in 479 BC. // *Revue internationale d'Histoire Militaire Ancienne*. №5/2017. – P. 33-50; Mozhajsky A. The Archaic Wall of Greater Thebes: Chronological and Topographical Problems // *Graeco-Latina Brunensia* 19/2, 2014. – P. 71-79), history of ancient education and the textbook on archaeology (Dobrovol'skaya M.V., Mozhajskij A.YU. *Arheologiya: Uchebnoe posobie*. – М.: MPGU, 2012.). ORCID 0000-0003-1112-2858

ПЕТРОВА Майя Станиславовна — доктор исторических наук, доцент по специальности «Всеобщая история», главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук. Область научных интересов — интеллектуальная история Античности и Средних веков (IV–IX вв.), история ментальности, идей и понятий, гендерная и социальная история, специальные исторические дисциплины (просопография), историография, источниковедение. Автор монографий «Просопография как специальная историческая дисциплина: Макробий Феодосий и Марциан Капелла» (2004), «Эйнхард. Жизнь Карла Великого» (2005), «Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в Поздней Античности» (2007), «Макробий Феодосий. Сатурналии» (в соавторстве с В.Т. Звиревичем, 2013). ORCID 0000-0002-0789-6781

Maya S. PETROVA is Doctor of Science (History), Assistant Professor in “General History”, Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Science. The fields of her scientific interests are the intellectual history of Antiquity and Middle Ages (IV-

IX centuries), the history of mentality, ideas and concepts, gender and social history, special historical disciplines (prosopography), historiography, source study. She is the author of the monographs “Prosopography as a special historical discipline: Macrobius Theodosius and Martian Capella” (2004), “Einhard. The Life of Charlemagne” (2005), “Macrobius Theodosius and the notions of the soul and the universe in Late Antiquity” (2007), “Macrobius Theodosius. The Saturnalia” (co-authored with V.T. Zvirevich) (2013). ORCID 0000-0002-0789-6781

ПИЧУГИНА Виктория Константиновна — доктор педагогических наук, профессор РАО, ведущий научный сотрудник Института стратегии развития образования РАО, профессор департамента образовательных программ Института образования ВШЭ; автор научных публикаций об античных образовательных практиках «заботы о себе» и практиках воспитания в античном театре; автор монографий «Антропологический дискурс в педагогике: исторические и теоретические аспекты» (2013 г.), «Антропологический дискурс «заботы о себе» в античной педагогике» (2014 г.), «Марк Туллий Цицерон и современное ему образование: краснеет ли бумага у гуманитария?» (2018 г.); один из составителей антологий «Марк Туллий Цицерон. Антология гуманной педагогики» (2017 г.) и «Антология педагогического наследия Древней Греции и Древнего Рима» (2019 г.). ORCID 0000-0002-1195-725X

Viktoria K. PICHUGINA is Doctor of Science (Education), Professor of the Russian Academy of Education, Leading Researcher of Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education, professor of the Department of Educational Programs (Institute of Education of Higher School of Economics). She is the author of scientific publications about the ancient educational practices “care of the self” and practices of upbringing by the ancient theater, as well as the monographs “Anthropological Discourse in Pedagogy: Historical and Theoretical Aspects” (2013), “Anthropological Discourse of ‘Caring of the Self’ in Ancient Pedagogy” (2014), “Mark Tullius Cicero and his Contemporary Education: Does the Humanities Paper Blush?” (2018), and one of the compilers of the anthologies “Marcus Tullius

Cicero. Anthology of Humane Pedagogy” (2017) and “Anthology of the Pedagogical Heritage of Ancient Greece and Ancient Rome” (2019). ORCID 0000-0002-1195-725X

ПРОЛЫГИНА Ирина Викторовна — кандидат филологических наук, доцент по специальности «Классическая филология, византийская и новогреческая филология», заведующая кафедрой латинского языка и основ терминологии Московского медикостоматологического университета им. А.И. Евдокимова. Область научных интересов: галеновский корпус, риторическая культура эпохи Второй софистики, история позднеантичной медицины, история медицинской терминологии. Автор более 50 статей по историческим и лингвистическим аспектам медицинской терминологии, исследованию текстов Галена Пергамского, переводов с древнегреческого и латинского языков, а также ряда учебных пособий. ORCID 0000-0001-7492-9750

Irina V. PROLYGINA is Candidate of Philology, Associate Professor in “Classical Studies, Byzantine and Modern Greek Studies”, Head of the Department of Latin and Fundamentals of Terminology at Moscow State University of Medicine and Dentistry named after A.I. Evdokimov. Her research interests include Galenic corpus, rhetorical culture of the time of the Second Sophistic, history of medicine in Late Antiquity, and history of medical terminology. She is the author of over 50 articles on the historical and linguistic aspects of medical terminology, the texts by Galen of Pergamon, translations from ancient Greek and Latin, as well as a number of textbooks. ORCID 0000-0001-7492-9750

HYPOTHEKAI

ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ВЫПУСК 6

Главный редактор
Виктория Константиновна ПИЧУГИНА

Научное издание

<http://www.hypothekai.ru/index.php/ru/arkhivy-nomerov>

Корректор М.М. Горелов

Подписано к печати 04. 04. 2022
Формат 60х90/16

Гарнитура Times. Печать офсетная
Усл. печ. л. 15. Тираж 600 экз.

Издательство «Аквилон»
e-mail: aquilopress@gmail.com
сайт: www.aquilopress.com

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
Onebook-ru ООО «САМ ПОЛИГРАФИСТ»
Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА
Тел. +7 (495) 545–37–10
Электронная почта: info@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru

В оформлении обложки использован фрагмент краснофигурной вазы V–IV в. до н.э., где сова превращается в Афины (Париж), и итальянская фарфоровая статуэтка XVIII в., где Ахиллес воспитывается кентавром Хироном (Неаполь).

In the design of the cover, a fragment of a red-figured V–IV BC vase, where the owl turns into Athena (Paris), and an Italian porcelain statuette of the XVIII century, where Achilles is educated by the centaur Chiron (Naples), were used.

ISSN 2587–7127